
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2019. Том 17, № 3

Содержание

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

Целищев В. В. Интенциональность математического дискурса и теорема Лёба	5
Хлебалин А. В. Аксиоматизация дисквотационной теории истины и аргумент неконсервативности	17
Шевченко А. А. О нормативных следствиях одной импликации	29
Антипов А. В. Медиализация суицида как проблема антипсихиатрии	41

Социальная философия

Аблажей А. М. Дискуссия о <i>полезности</i> социально-гуманитарного знания в современной науке (социальные аспекты)	51
Сандакова Л. Б. Принцип дополнительности в исследовании связи языка, мировоззрения и картины мира	66
Персидская О. А. Практики интеграции в управлении миграционными процессами: опыт некоторых стран Европейского союза	83
Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Язык в региональных моделях национальной политики современной России	100
Тарбастаева И. С. Коллективные права в модели мультикультурализма У. Кимлика	115
Никитин А. П. Эффект де Брюйна в управлении университетами	126
Тимохович А. Н. Студенчество России: тревоги и надежды на будущее	140

<i>Солодова Г. С.</i> Полиэтнические общества: религиозно-культурная составляющая хозяйственной деятельности	154
<i>Попков Ю. В.</i> Социальное самочувствие межэтнического сообщества Новосибирска: опыт диагностики и его роль в муниципальном управлении	165
<i>Шмаков В. С.</i> Системный анализ развития сельских локальных сообществ	181
<i>Самсонов В. В.</i> Социальное развитие в континууме урбанистического и сельского измерений	194
<i>Зазулина М. Р.</i> Этническая идентичность в условиях проживания в сельской местности: модели воспроизводства и механизмы репрезентации	209

История философии

<i>Вольф М. Н. М.</i> Мандельбаум и историография философии	222
<i>Санжениаков А. А.</i> Может ли театр страстей Сенеки воспитать добродетельного человека?	245
<i>Розов Н. С.</i> Порядки европейского Средневековья: механизмы воспроизводства стабильности	258
<i>Горохов П. А., Южанинова Е. Р.</i> Гёте и Гегель: целостность мыслителя и системность философа	271
<i>Евдокимова К. Н.</i> Тема насилия в политической философии Ж.-П. Сартра	285
<i>Косарев А. В.</i> К вопросу о периодизации прагматизма: неопрагматизм	297
<i>Соколовский И. Р.</i> О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Урала и Сибири XVII века, опубликованных в 1960-е годы	312

Научная жизнь, полемика и дискуссии

<i>Ерохина Е. А., Лбова Е. М., Солодова Г. С.</i> Интеграция российского социального пространства в фокусе работы XIII Конгресса антропологов и этнологов России	328
Информация для авторов	336

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2019. Vol. 17, no. 3

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

<i>Tselishchev V. V.</i> Intentionality of Mathematical Discourse and Löb's Theorem	5
<i>Khlebalin A. V.</i> Axiomatics for Disquotational Truth Theory and Non-Conservativity Argument	17
<i>Shevchenko A. A.</i> On Normative Consequences of One Implication	29
<i>Antipov A. V.</i> Medicalization of Suicide as an Antipsychiatry Problem	41

Social Philosophy

<i>Ablazhey A. M.</i> Discussion on the <i>Usefulness</i> of Social and Humanitarian Knowledge in Contemporary Science (Social Aspects)	51
<i>Sandakova L. B.</i> Principle of Complementarity in the Research of the Links between Language, World View and Picture of the World	66
<i>Persidskaya O. A.</i> Integration Practices in Migration Management: Experience of Some European Union Countries	83
<i>Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G.</i> Language in Regional Models of the National Politics of Modern Russia	100
<i>Tarbastaeva I. S.</i> Collective Rights in W. Kymlicka's Multiculturalism Model	115
<i>Nikitin A. P.</i> De Bruijn's Effect in University Management	126
<i>Timokhovich A. N.</i> Students of Russia: Anxiety and Hopes for the Future	140
<i>Solodova G. S.</i> Polyethnic Societies: The Religious – Cultural Component of Economic Activity	154

<i>Popkov Yu. V.</i> Social Well-Being of the Interethnic Community of Novosibirsk: Diagnostics Experience and Its Role in Municipal Governance	165
<i>Shmakov V. S.</i> System Analysis of the Development of Rural Local Communities	181
<i>Samsonov V. V.</i> Social Development in the Continuum of Urban and Rural Dimensions	194
<i>Zazulina M. R.</i> Ethnic Identity in the Conditions of Living in Rural Areas: Patterns of Reproduction and Mechanisms of Representation	209

History of Philosophy

<i>Volf M. N.</i> M. Mandelbaum and Historiography of Philosophy	222
<i>Sanzhenakov A. A.</i> Can Senecan Theater of Passions Educate a Virtuous Person?	245
<i>Rozov N. S.</i> Orders of European Middle Ages: The Mechanisms of Stability Reproduction	258
<i>Gorokhov P. A., Yuzhaninova E. R.</i> Goethe and Hegel: The Thinker's Integrity and the Philosopher's Systematicity	271
<i>Evdokimova K. N.</i> Violence in the Political Philosophy of J.-P. Sartre	285
<i>Kosarev A. V.</i> On Periodization of Pragmatism	297
<i>Sokolovsky I. R.</i> About "Capital" and "Capitalism" in the Works of Soviet Historians on the History of the Urals and Siberia of the 17 th Century, Published in the 1960s	312

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Erokhina E. A., Lbova E. M., Solodova G. S.</i> Integration of the Russian Social Space in the Focus of the XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia	328
Instructions to Contributors	336

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-5-16

Интенциональность математического дискурса и теорема Лёба

В. В. Целищев

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрена проблема интенциональности математического дискурса в свете теоремы Лёба. Исходя из факта эквивалентности теоремы Лёба и Второй теоремы о неполноте Гёделя, а также факта интенциональности последней, формулируется проблема демонстрации интенциональности теоремы Лёба. Показано, что эта интенциональность имеет неявный характер, объясняемый «странностями» (по выражению Булоса) этой теоремы.

Ключевые слова

интенциональность, теорема Лёба, Вторая теорема Гёделя, доказуемость

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00518)

Для цитирования

Целищев В. В. Интенциональность математического дискурса и теорема Лёба // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 5–16. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-5-16

© В. В. Целищев, 2019

Intentionality of Mathematical Discourse and Löb's Theorem

V. V. Tselishchev

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the problem of the intensionality of mathematical discourse in the light of the theorem of Löb. Proceeding from the fact of equivalence of the Löb theorem and the Second Gödel incompleteness theorem, as well as the fact of the intensionality of the latter, the problem of demonstrating the intensionality of Löb's theorem is formulated. It is shown that this intensionality has an implicit character, explained by the "weirdness" (as expressed by G. Boolos) of this theorem.

Keywords

intensionality, Löb theorem, second Gödel theorem, demonstrability

Acknowledgements

The Investigations are supported by Russian Foundation for Fundamental Studies (project no. 19-011-00518)

For citation

Tselishchev V. V. Intentionality of Mathematical Discourse and Löb's Theorem. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-5-16

Наиболее известной особенностью гёделевых теорем о неполноте является существование неразрешимого, так называемого «гёделева предложения», которое говорит о том, что оно не доказуемо. Построение Гёделем такого самореферентного предложения осуществляется арифметизацией синтаксиса. Самореферентность напрямую связана с парадоксами, и конструирование гёделева предложения идет бок о бок с формулировкой Парадокса Лжеца. Наличие значительного числа других парадоксов подразумевает интересные метаматематические результаты, самым известным из которых в последние десятилетия является теорема Лёба [Löb, 1955].

Ее появление связано с поиском некоторого рода симметрии по отношению к гёделевскому результату. Пусть имеется формальная система Σ , в которой рассматривается утверждение φ . По Гёделю,

$$\Sigma \vdash \varphi \longleftrightarrow \neg \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner),$$

где угловые скобки обозначают гёделев номер утверждения φ , а Pr – предикат доказуемости в формальной системе. Эта формула может быть интерпретирована как утверждение φ о своей недоказуемости. Исходя из расплывчатых соображений о симметрии, рассмотрим очень похожую формулу

$$\Sigma \vdash \varphi \longleftrightarrow \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner),$$

где утверждение φ говорит о своей доказуемости. Л. Генкин поставил вполне допустимый вопрос: если φ у Гёделя говорит о своей недоказуемости и приведенные формулы похожи, является ли φ доказуемой [Henkin, 1952]. Такая (можно сказать, невинная) формулировка вопроса напрямую привела к постановке проблемы интенциональности математического дискурса. Проблема оказалась трудной, и ее решение связано с рядом догадок и результатов о природе гёделевского доказательства. Гёдель настолько удачно и изобретательно сконструировал свое уникальное неразрешимое предложение (далее – G), что поначалу трудно было понять общность такого рода конструкций. Понадобилось острое внимание философа Рудольфа Карнапа, который заметил, что в основании гёделевских теорем лежит общая формула, ныне называемая диагональной леммой или теоремой о неподвижных точках. Эта формула имеет следующий вид:

$$\Sigma \vdash \varphi \longleftrightarrow \psi(\ulcorner \varphi \urcorner).$$

Как видно, отрицание гёделевского предиката доказуемости – частный случай некоторой формулы ψ , которая является неподвижной точкой для φ . Общность определенного рода формулы ψ предполагает некоторую свободу в конструировании аналога гёделевского результата. Другими словами, вместо предиката доказуемости можно использовать другие выражения, смысл которых заключается в схватывании концепции доказуемости

другими концептуальными средствами. Тогда ответ на вопрос, доказуема или нет формула φ , упирается в то, какие средства должны быть выбраны для этого «схватывания». Первый важный шаг в этом направлении сделал Г. Крайзель, который сконструировал два предиката, выражающих доказуемость, а также предложение, которое выражает свою собственную доказуемость, способом, отличным от гёделевского [Kreisel, 1953]. Сама по себе зависимость от способа выражения смысла формального предложения говорит об интенциональном характере контекста.

С формальной точки зрения это говорит о том, что неподвижные точки могут вести себя по-разному. Это является крайне нетипичным обстоятельством в математическом дискурсе. Действительно, разговор об интенциональности последнее время в существенной степени связан с интенциональным характером доказательства Второй теоремы Гёделя о неполноте. Можно сказать, что интенциональность подобного рода не замечалась, поскольку диагональная лемма является формулой, подчиненной экстенциональной логике, и фактически то, что предложил Крайзель, состоит в указании на то, что можно «играть» с этой формулой, выбирая те или иные интересные неподвижные точки. Кстати, в математической практике так и делается в значительном числе случаев исследования метаматематических результатов. Но это не общий результат, а своего рода промежуточное прозрение. Его важность состоит в том, что он пролил свет на статус самореферентных утверждений в связи с их интенциональностью.

Холбах и Виссер указали, что самореферентные утверждения напрямую связаны с интенциональностью, и более того, самореферентность фигурирует в одном из трех уровней интенциональности. Они предполагают, что конструирование предложений с метатеоретическим содержанием предполагает некоторые базисные предположения: во-первых, кодирование выражений языка натуральными числами должно быть фиксировано; во-вторых, доказуемость и другие предикаты должны быть выражены определенными формулами объект-языка. Наконец, самореференция получается в формальной системе посредством некоторых диагональных выражений [Halbach, Visser, 2014].

Эти требования никоим образом не являются чем-то экстраординарным, но из них пока не видно, на каком этапе появляется интенциональность. Первый шаг к решению этого вопроса, как уже указывалось выше, сделал Г. Крайзель. Второй шаг связан со Второй теоремой Гёделя о неполноте. Как известно, сам Гёдель не привел ее доказательства, заметив просто, что его доказательство Первой теоремы о неполноте показывает $\Sigma \vdash \text{Con}(\Sigma) \rightarrow \neg \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner)$. Содержание этой формулы передается известной формулировкой о том, что если формальная система Σ непротиворечива (Con), тогда есть недоказуемая формула φ . Отсюда следует $\Sigma \vdash \text{Con}(\Sigma) \rightarrow \varphi$. Поскольку φ недоказуема, таковой является и $\text{Con}(\Sigma)$. Формализация этого заключения, осуществленная П. Бернайсом, потребовала формулировки так называемых условий выводимости Гильберта – Бернаиса, которые включают положения, имеющие эпистемологический интерес. В частности, третье условие в этом списке имеет вид $\Sigma \vdash \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner) \rightarrow \text{Pr}(\ulcorner \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner) \urcorner)$, т. е. если формула доказуема, то доказуемо, что она доказуема. Такая итерация может считаться как интуитивной, так и несколько искусственной. Несмотря на возможность такой искусственности, и опять-таки искусственности конструкции гёделева предложения, все-таки Вторая теорема может относиться к математическим поискам неразрешимых предложений, и уже есть несколько кандидатов на эту роль, в частности, теорема Гудстейна. И здесь мы имеем глубокую дилемму, связанную с соотношением реальной математики и метаматематики. М. Лёб нашел решение проблемы Генкина, и это решение является чисто метаматематическим. В определенном отношении эта тенденция все большего разрыва реальной математики и метаматематики является крайне интересной. Дело в том, что парадоксы, имеющие прежде всего философский интерес, стали предметом чисто математических исследований, скажем, в аксиоматической теории множеств, с соответствующим угасанием собственно философского интереса к ним. Теорема Лёба возвращает интерес к парадоксам двояким образом: с одной стороны, она предлагает новый парадокс, напоминая об исходном интересе к ним, а с другой – усиливает раскол между реальной математикой и метаматематикой.

Сама теорема формулируется так:

если $\Sigma \vdash \text{Pr}[\psi] \rightarrow \psi$, тогда $\Sigma \vdash \psi$.

Своей теоремой Лёб решил вопрос, поставленный Генкиным: если формальная система Σ доказывает «если Σ доказывает ψ , тогда ψ », тогда Σ доказывает ψ (так что предложение Генкина доказуемо в Σ).

Чисто метаматематический характер теоремы Лёба, в отличие от математического, виден в том, что эта теорема – довольно странный принцип для доказательства теорем о натуральных числах. Для того чтобы доказать утверждение A , допустимо предположить в качестве посылки, что φ доказуемо в PA (Арифметике Пеано). Потому что если есть доказательство в PA «если есть доказательство в PA утверждения φ , тогда φ », тогда есть доказательство φ в PA . Этот принцип не имеет известных приложений при доказательстве математических теорем о простых числах или других традиционных математических темах, но используется в метаматематике.

Этот принцип кажется больше помехой, чем просто странным. Как можно допускать в доказательстве φ , что φ доказуемо в PA ? В конце концов, что доказуемо в PA , истинно, поэтому разве мы не можем заключить без дальнейшего добавления, что φ истинно, и, таким образом, доказать φ без размышлений вообще? Существенно здесь то, что допустимо предполагать, что φ доказуемо в PA при доказательстве φ , только если размышление, ведущее от предположения, что φ доказуемо в PA , к заключению φ , может быть выполнено на самом деле в рамках PA .

Эта странность подчеркивается К. Смори́нски в сопоставлении со Второй теоремой Гёделя:

Там, где гёделевская Вторая теорема просто утверждает недоказуемость непротиворечивости теории в самой теории, теорема Лёба превосходит это, и характеризует эти примеры обоснованности, доказуемые в теории как тривиально доказуемые [Smorynski, 1991. P. 119].

Этот результат, по мнению Смори́нски, является в высочайшей степени именно метаматематическим. Его философская важность состоит, среди прочего, в том, что он возвращает нас к парадоксам, т. е. к философски мо-

тивированному поиску интенциональных основ математического мышления.

Исключительно метаматематический характер теоремы Лёба подчеркивается тем, что некоторые ее следствия получаются «игрой» с неподвижными точками, точнее, с их варьированием. Один из вариантов такого варьирования приводит к парадоксу. Пусть мы имеем предложение:

Если я говорю истину, тогда истинно и А.

Если это предложение обозначено как В, тогда мы имеем $V = V \rightarrow A$: В может быть ложным только в случае В истинно, а А ложно. Это означает, что В истинно. В этом случае, $V \rightarrow A$ истинно, и отсюда истинно и А, независимо от того, каково это утверждение на самом деле. В работе Р. Смаллиана этот парадокс обыгрывается как проблема самовыполнимых вер [2013]. В формальном отношении парадокс есть следствие принятия неподвижной точки $\varphi \longleftrightarrow \text{Pr}(\ulcorner \varphi \urcorner) \rightarrow \psi$ [Kreisel, 1953]. Возможны и другие неподвижные точки, выбор которых зависит от интересов исследователя. Различия в выборе результируется в различной эффективности доказательств определенных метаматематических результатов. Именно эта очередная вариативность может являться демонстрацией интенциональности метаматематики. В данном случае, эта интенциональность проявляется в том, что есть предложения, выражающие определенные стороны самих себя, и просто неподвижные точки. Другими словами, для того, чтобы неподвижные точки давали интересные, хорошо интерпретированные философски, результаты, требуется особая мотивация в выборе средств формализации. Так, Крайзель использует следующую неподвижную точку [Kreisel, 1953]:

$$\Sigma \vdash \varphi \longleftrightarrow \text{Pr}(\ulcorner \varphi \rightarrow \psi \urcorner).$$

Сопоставление неподвижных точек Крайзеля и Лёба показывает, что каждая из них имеет свои преимущества в эффективности доказательств разных интересных результатов.

Что демонстрирует парадокс, связанный с теоремой Лёба? В настоящее время в метаматематике широко используются модальные понятия, которые в рамках некоторых систем модальной логики делают доказательства

более прозрачными. Вместо предиката доказательства Pr используется модальный оператор $\Box$, который можно интерпретировать по-разному, в зависимости от целей. В частности, это может быть предикатом истины или предикатом доказуемости. В этой нотации теорема Лёба говорит, что если система Σ выполняет условия выводимости Гильберта – Бернайса (необходимые для доказательства Второй теоремы Гёделя о неполноте), тогда если $\Sigma \vdash \Box\varphi \rightarrow \varphi$, то $\Sigma \vdash \varphi$.

В модальной нотации условия выводимости Гильберта – Бернайса выглядят так (на самом деле этот вид придан им самим Лёбом, и поэтому иногда они называются условиями выводимости Лёба):

- L1. Если $\Sigma \vdash \varphi$, тогда $\Sigma \vdash \Box\varphi$;
- L2. $\Sigma \vdash \Box(\varphi \rightarrow \psi) \rightarrow (\Box\varphi \rightarrow \Box\psi)$;
- L3. $\Sigma \vdash \Box\varphi \rightarrow \Box\Box\varphi$.

Для понимания природы парадокса, ассоциируемого с теоремой Лёба, необходимо проследить «механику» доказательства этой теоремы в связи с условиями выводимости. Ниже представлено формальное доказательство: для простоты опустим неперенное упоминание выводимости формулы в системе Σ [Smith, 2013. P. 256].

1.	$\Box\varphi \rightarrow \varphi$	Посылка
2.	$\gamma \leftarrow (\Box\gamma \rightarrow \varphi)$	Применение к (1) диагональной леммы
3.	$\gamma \rightarrow (\Box\gamma \rightarrow \varphi)$	(2)
4.	$\Box(\gamma \rightarrow (\Box\gamma \rightarrow \varphi))$	(3), по L1
5.	$\Box\gamma \rightarrow \Box(\Box\gamma \rightarrow \varphi)$	(4), по L2
6.	$\Box\gamma \rightarrow (\Box\Box\gamma \rightarrow \Box\varphi)$	(5), по L2
7.	$\Box\gamma \rightarrow \Box\Box\gamma$	по L3
8.	$\Box\gamma \rightarrow \Box\varphi$	(6), (7)
9.	$\Box\gamma \rightarrow \varphi$	(1), (8)
10.	γ	(2), (9)
11.	$\Box\gamma$	(10), по L1
12.	φ	(9), (11)

Парадоксальность теоремы Лёба лучше всего видна при интерпретации $\Box$ как предиката истины. В этом случае оператор $\Box$ обозначает «истинно»,

и $\Box\varphi$ – утверждение φ истинно. Здесь парадоксальный момент состоит в том, что φ может означать любое утверждение, даже заведомо ложное. Если мы повторим выше приведенный вывод, только уже с новой интерпретацией оператора $\Box$, то самой подозрительной в отношении возникновения парадокса является как раз строка (2), а именно, $\gamma \longleftrightarrow (\Box\gamma \rightarrow \varphi)$. Если γ – истинное утверждение, тогда в результате всего вывода мы получаем истинность любого утверждения φ . В свою очередь, подозрительность относительно (2) распространятся на утверждение γ , которое мы вводим постулированием. Этот парадокс достаточно серьезен. П. Смит утверждает:

Не ясно, каков самый лучший способ блокирования этого парадокса, в любом случае, не более ясно, чем в случае Парадокса Лжеца. Без сомнения, есть что-то сомнительное о постулировании утверждения γ , такого, что справедливо $\gamma \longleftrightarrow (\Box\gamma \rightarrow \varphi)$, но *что* в точности? [Smith, 2013. P. 257].

Другими «подозреваемыми» оказываются условия выводимости, в частности, интуитивная посылка, согласно которой если есть доказательство некоторого утверждения, то есть доказательство того, что оно доказано. Эпистемический аспект здесь не является техническим, а на самом деле это инкарнация весьма старых споров. Но как бы то ни было, размышления о допустимости постулирования γ наверняка должны быть отнесены к интенциональности, если и даже неявной, метаматематических структур. Тот же Смит делает очень важное в этом отношении замечание:

Теорема Лёба, подобно гёделевской теореме, является не семантическим парадоксом, а ограничительным результатом о неспособности доказывать определенные утверждения о своих собственных доказательных свойствах [Ibid.].

Эта параллель существенна в том отношении, что интенциональность Второй теоремы Гёделя – общепризнанный факт, в то время как в отношении теоремы Лёба это не совсем очевидно. Здесь мы встречаемся с парадоксальностью второго порядка, потому что из теоремы Лёба можно получить Вторую теорему Гёделя о неполноте, а из теоремы Гёделя следует теорема Лёба. Даже если и есть определенные технические оговорки об установлении такой эквивалентности, в любом случае мы сталкиваемся

с затруднительной ситуацией, разрешение которой лежит в области так называемой логики доказательств, например, системе GL.

Однако «странность» теоремы Лёба не ограничивается ее соотношением со Второй теоремой Гёделя о неполноте. Сугубо метаматематический характер теоремы Лёба ставит несколько вопросов, которые требуют разрешения при объяснении предполагаемого интенционального характера этой теоремы. Г. Булос набросал программу такого рода исследований, из которой можно видеть, насколько велика ее значимость [Boolos, 1996. P. 54–55].

1. Часто трудно понять, как широка математическая пропасть между истиной и доказуемостью. И для тех, кто не понимает этого и не различает истину и доказуемость, выражение $\text{Bew}(\ulcorner S \urcorner) \rightarrow S$, доказуемое утверждение по гипотезе теоремы Лёба, может показаться тривиально истинным во *всех* случаях, независимо от того, является ли S истинным или ложным, доказуемым или недоказуемым. Но если S ложно, S лучше не быть доказуемым. Таким образом, S не следует быть всегда доказуемым, при просто условии, что (кажется тривиальным) $\text{Bew}(\ulcorner S \urcorner) \rightarrow S$ доказуемо.

2. Bew ведет себя как отрицание. В конце концов, если $\neg S \rightarrow S$ доказуемо, тогда доказуемо и S ; доказательство S через доказательство $\neg S \rightarrow S$ называется доказательством от противного. Больше того, вывод S на основании лишь того, что $(S \rightarrow S)$ демонстрируемо, спорен, или же включает круг. Тем, кто сливает истину и доказуемость, может показаться тогда, что теорема Лёба утверждает, что спорные вещи являются допустимой формой размышления в PA.

3. Можно подумать, по крайней мере в одном случае, что PA претендует на обоснованность в отношении недоказуемого предложения S , т. е. что если PA доказывает S , тогда имеет место S . Но теорема Лёба говорит нам, что такого не бывает: PA делает утверждение $\text{Bew}(\ulcorner S \urcorner) \rightarrow S$, что оно обосновано в отношении S , только когда консеквент S действительно доказуем. Как выразился Рохит Парих, «PA не могло бы быть более скромным в отношении своей собственной истинности».

4. Было бы естественно предположить, что доказуемость есть вид необходимости, и следовательно, точно так же, как $\Box (\Box p \rightarrow p)$ всегда выражает истину, если $\Box$ интерпретируется как «необходимо, что» – потому что тогда $\Box (\Box p \rightarrow p)$ говорит, что необходимо истинно, что если утверждение необходимо истинно, оно истинно.

$\text{Bew}(\ulcorner \text{Bew}(\ulcorner S \urcorner \rightarrow S) \urcorner)$ будет также всегда истинным или, по крайней мере, истинным в некоторых случаях, в которых S ложно, и не истинно только в некоторых исключительных случаях, в которых S действительно доказуемо.

5. Наконец, кажется совсем странным, что утверждение, что если S доказуемо, тогда S истинно, само не доказуемо, в общем. Разве не ясно, для любого S , что S истинно, если доказуемо? Зачем возиться с РА, если ее теоремы ложны? И как такая (кажущаяся ясной) истина не доказуема?

В контексте данной статьи особый интерес представляют п. 3 и 5. Вместе с тем можно предположить, что разрешение остальных вопросов будет напрямую связано интенциональностью теоремы Лёба.

Список литературы / References

Смаллиан Р. Вовеки неразрешимое. М.: Канон+, 2013.

Smullyan R. Voveki nerazreshimoe [Forever Undecided]. Moscow, Kanon+, 2013. (in Russ.)

Boolos G. The Logic of Provability. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1996, p. 54–55.

Halbach V., Visser A. Self-Reference in Arithmetic I. *Review of Symbolic Logic*, 2014, vol. 7, p. 671–691.

Henkin L. Problem. *Journal of Symbolic Logic*, 1952, vol. 17, p. 160.

Kreisel G. On a Problem of Henkin. In: Proc. Netherlands Acad. Sci., 1953, vol. 56, p. 405–406.

Löb M. H. Solution of a Problem by Leon Henkin. *Journal of Symbolic Logic*, 1955, vol. 20, p. 115–118.

Smith P. An Introduction to Gödel's Theorems. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2013.

Smorynski C. The Development of Self-Reference: Lob's Theorem. In: Perspectives on the History of Mathematical Logic. Ed. by T. Drucker. Birkhäuser, 1991, p. 110–133.

Материал поступил в редколлегию

Received

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Целищев В. В., Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vitaly V. Tselishchev, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

leitval@gmail.com

УДК 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-17-28

Аксиоматизация дисквотационной теории истины и аргумент неконсервативности

А. В. Хлебалин

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуются возможности аксиоматической формулировки дисквотационной теории истины в перспективе общего аргумента С. Шапиро о несостоятельности дефляционной концепции истины ввиду неконсервативности расширения Арифметики Пеано с добавлением дефляционной теории истины. Показано, что в обобщенной своей формулировке аргумент С. Шапиро не может автоматически распространяться на любое аксиоматическое представление дисквотационной теории. Показано, что ключевым для построения адекватной аксиоматической дисквотационной теории является эпистемологическое обоснование допустимого класса подстановок для Т-схемы.

Ключевые слова

дефляционизм, аксиоматические теории истины, дисквотационализм

Для цитирования

Хлебалин А. В. Аксиоматизация дисквотационной теории истины и аргумент неконсервативности // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 17–28. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-17-28

© А. В. Хлебалин, 2019

Axiomatics for Disquotational Truth Theory and Non-Conservativity Argument

A. V. Khlebalin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers the possibilities for the axiomatization of disquotational truth theory in perspective of the general S. Shapiro's non-conservative argument against deflationary concept of truth. It shows that in a generalized formulation, Shapiro's argument cannot be automatically extended to any axiomatic formulation of the disquotational theory. It also shows that the epistemological justification of the suitable class of substitutions for the T-scheme is the key to constructing an adequate axiomatic disquotational theory.

Keywords

deflationism, axiomatic truth theories, disquotationalism

For citation

Khlebalin A. V. Axiomatics for Disquotational Truth Theory and Non-Conservativity Argument. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 17–28. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-17-28

Применение формально-логических средств к исследованию понятия истины привело к получению невероятно важных результатов, игнорировать которые не может ни она философская теория истины. Эти результаты представляют собою тесное переплетение формально-логических методов и философских допущений, причем выявление последних порою представляется нетривиальной задачей. Наиболее ярким примером этому являются дебаты вокруг требования консервативности расширения, сформулированного С. Шапиро в качестве аргумента против дефляционной теории истины.

Согласно дефляционному подходу, понятие истины лишено какого-либо содержания и выполняет исключительно логические функции; изложение такой позиции сторонник дефляционизма находит в работах А. Тарского: «Мы можем принять [семантическую] концепцию истины без изменения наших философских принципов; мы могли бы оставаться наив-

ными реалистами, критическими реалистами или идеалистами, эмпирицистами или метафизиками – кем бы мы ни были прежде. Эта концепция нейтральна по отношению ко всем таким проблемам» [Tarski, 1944. Р. 362]. Несмотря на то, что обсуждение редкой философской проблемы обходится без апеллирования к понятию истины, с точки зрения дефляционизма такие традиционные споры напоминают, по выражению Л. Хорстена [Horsten, 2009. Р. 557], «баллоны аэростата» – дискуссии обширны, но содержания в них мало. Одной из причин такой ситуации является то, что, в отличие от других разделов философского знания, проблематика истины связана исключительно с языком, в сравнении, например, с онтологией, имеющей дело с сущностями, обладающими, предположительно, внеязыковой природой.

Отрицая за проблемой истины способность внести вклад в решение философских проблем эпистемологии или метафизики, ограничивая сферу связанных с ней проблем исключительно языком, дефляционная позиция трактует предикат истины как бессодержательный не только в указанном отношении, но и в аспекте ее функционирования в языке. В общем виде, понятие истины подобно не столько реальному предикату, сколько логической связке, вроде отрицания, в которых не стоит искать никакого метафизического содержания. Эта общая всем сторонникам дефляционизма позиция предопределяет представления о том, в чем должно заключаться приемлемое решение проблемы истины: оно не может состоять в экспликации природы свойства, обозначаемого предикатом истины, а может быть лишь экспликацией его функций в языке. Для подавляющего большинства сторонников дефляционной теории значение слова «истинно» было разъяснено семантической теорией А. Тарского. Т-предложение А. Тарского полностью эксплицирует значение понятия истины: зная Т-предложения, мы знаем «все, что может быть сказано об истине» [Williams, 1988. Р. 424]. Схема эквивалентности А. Тарского характеризует условия применимости понятия истины в потенциально бесконечных случаях.

Трактуя схему эквивалентности А. Тарского как некоторый предельный уровень экспликации понятия истины, дефляционизм абсолютизирует

функцию раскавычивания, играющую центральную роль уже на этапе построения частичного определения истинности по Тарскому. Эта абсолютизация лежит в основании дисквотационной версии дефляционного подхода. Наиболее ярким его представителем является У. Куайн, выразивший в присущей ему афористической манере основное положение дисквотационализма: «Истина есть раскавычивание». В случае дисквотационной версии дефляционизма основной функцией предиката истины признается функция семантического восхождения, позволяя посредством наложения кавычек на предложения подниматься на уровень выше в семантической иерархии. Другими словами, предикат истины интерпретируется в качестве средства, позволяющего связывать предложение и термин, и наоборот: налагая кавычки на предложение, мы получаем термин, снимая их – восстанавливаем предложение. В случае наложения кавычек, предложение становится объектом, и вместо произнесения самого предложения мы можем посредством кавычек представить его в качестве объекта и приписать ему свойство истинности. Именно в обеспечении возможности такой процедуры и состоит основная функция понятия истины, согласно дисквотационной версии дефляционной программы. Трактовка предиката истины как инструмента раскавычивания приближается к трактовке утверждения предложения и приписывания ему истинности с наложением кавычек к логической эквивалентности.

Дефляционная трактовка функций предиката истины как исключительно логических предполагает, что понятие истины не вносит никакого вклада в теоретико-доказательную силу теории. В более точной формулировке это убеждение выражается в качестве требования консервативности расширения исходной теории при добавлении к ней предиката истины. Если дефляционная трактовка понятия истины справедлива, то реализация логических функций предикатом истины при добавлении его в исходную теорию не должна привести к неконсервативности расширения. В противном случае мы столкнемся с явной демонстрацией несостоятельности дефляционизма. Именно на этом настаивает С. Шапиро (см.: [Shapiro, 1998]), инициировавший обсуждение связи дефляционизма с требованием консервативности. Именно неконсервативность расширения теории с предикатом

катом истины является, согласно С. Шапиро, основным аргументом в пользу несостоятельности дефляционной позиции: «Дефляционист утверждает, что у истины нет глубинной природы и она не выражает подлинного свойства, тогда как логик замечает, что данная формальная теория A_1 богаче теории A_2 только потому, что A_1 обладает ресурсами для определения понятия истины для A_2 . Как метафизически “тонкое” понятие может выступать безошибочным индикатором теоретико-доказательной силы?» [Shapiro, 2003. Р. 103].

Рассмотрим более подробно связь между функцией обобщения, реализуемой предикатом истины, и требованием неконсервативности расширения теории при его добавлении в ее словарь. Пусть A будет теорией, сформулированной в формальном языке L , а A' будет расширением A в расширенном языке L' . Тогда A' окажется консервативным расширением A , если для каждого предложения Φ исходного языка L , справедливо следующее: если Φ является следствием A' , тогда Φ является следствием A .

Понятие консервативности зависит от принимаемой нами логики: если мы используем первопорядковую, – а именно ее средствами стремятся построить теорию истины – или любую другую полную, систему, то консервативность расширения можно представить следующим образом: A' является консервативным расширением A , если и только если для любого предложения Φ языка L , если $A' \vdash \Phi$, тогда $A \vdash \Phi$.

Допустим, наш исходный язык L содержит термины, указывающие на натуральные числа, и не включает предикат истины (или выполнимости), а язык L' получен путем включения в L предиката истины T (или выполнимости). Пусть B будет исходной теорией, которая включает в себя формальную систему Арифметики Пеано в той степени, которая позволяет применить к теории B первую теорему о неполноте. Это обеспечивает возможность B выступать, посредством гёделевой нумерации, в качестве теории синтаксиса. В частности, B позволяет адекватно интерпретировать предикаты, вроде «является кодом предложения языка L », «является кодом формулы языка L с одной свободной переменной». Мы допускаем, что

первопорядковые переменные L пробегают исключительно по натуральным числам. Это допущение и использование гёделевой нумерации – единственные находящиеся в нашем распоряжении средства. Представленная теория B включает в себя все примеры схемы индукции:

$$[\Phi(0) \& \forall x (\Phi(x) \rightarrow \Phi(sx))] \rightarrow \forall x \Phi(x), \quad (1)$$

где Φ является формулой первоначального языка L . Если мы имеем дело с первопорядковой логикой, как в нашем случае, то обычно каждый пример схемы индукции берется в качестве аксиомы, и в этом случае B не будет конечно аксиоматизируемой.

Теперь рассмотрим четыре способа расширить теорию B так, чтобы она включала теорию истины для исходного языка L . Все полученные теории будут формулироваться в языке L' , который включает предикат истины T для (кодов) предложений исходного языка L . Удовлетворительная теория истины (см.: [Tarski, 1944]) должна содержать каждый пример схемы истины:

$$Tn \equiv \Phi, \quad (2)$$

где Φ является предложением исходного языка L , а n – номером, который обозначает код предложения Φ .

Первый из четырех способов расширения исходной теории B заключается в добавлении к ней каждого примера схемы истины (2), где Φ – предложение исходного языка L . Иначе говоря, мы просто берем каждый пример схемы истины в качестве аксиомы и ничего более. Такая трактовка истины соответствует дисквотационной теории истины; обозначим полученную теорию B_d . Предполагается, что схема индукции (1) в B_d не включает формул, содержащих предикат истины, так как их не было в исходном языке. Второе расширение теории B мы получаем посредством расширения B_d так, чтобы схема индукции распространялась на формулы расширенного языка L' , содержащие предикат истины. Обозначим полученную теорию B_d^+ .

Третий способ расширения нашей исходной теории B заключается в том, чтобы добавить к ней индуктивные выражения, определяющие ис-

тину в духе Тарского. Полученную теорию обозначим B_T . Например, $\text{Conj}(p, m, n)$ является формулой L , утверждающей, что p представляет собой код конъюнкции предложений, кодами которых будут m и n . Следующее выражение будет теоремой B_T :

$$\forall x \forall y \forall z [\text{Conj}(x, y, z) \rightarrow (Tz \equiv (Tx \& Ty))].$$

Так же, как в случае B_d , B_T не включает формулы, содержащие предикат истины. Наконец, четвертая теория, B_T^+ получается из B_T в результате расширения схемы индукции на формулы из расширенного языка L' , т. е. в B_T^+ мы можем распространить схему индукции на формулы, содержащие предикат истины.

Пусть $Ax(m)$ будет формулой языка L , утверждающей, что m является аксиомой исходной теории B ; формулой языка L будет являться формула, утверждающая, что p является кодом результата применения правила вывода к формулам, закодированным m и n . И пусть $\text{Bew}(m)$ будет формулой L , утверждающей, что закодированная с помощью m формула находится в последовательности формул, каждая из которых является либо аксиомой, либо следует из предшествующей в последовательности формулы на основе правил вывода.

Расширенный язык L' имеет ресурсы для выражения следующих обобщений в отношении исходной теории:

$$\forall x (Ax(x) \rightarrow Tx), \quad (3)$$

т. е. позволяет утверждать, что аксиомы B истинны;

$$\forall x \forall y \forall z [(I - \text{Inf}(x, y, z) \& Tx \& Ty) \rightarrow Tz], \quad (4)$$

т. е. выразить обобщение о том, что правила вывода сохраняют истинность;

$$\forall x (\text{Bew}(x) \rightarrow Tx), \quad (5)$$

т. е. утверждает, что теоремы B истинны.

Теперь можно подвести итог: изменяет ли выразительную силу исходной теории B описанные четыре способа ее расширения через добавление предиката истины. Прежде всего, обе дисквотационные теории – B_d и B_d^+ –

являются консервативным расширением теории B (см.: [Ketland, 1999]). Но в силу того, что теория B не является конечно аксиоматизируемой, ни первая, ни вторая теории, полученные в результате расширения посредством дисквотационной теории истины, не содержат, в случае, если теория непротиворечива, в качестве следствия обобщения об истинности аксиом (3). Это является следствием компактности первопорядковой логики и справедливо для любой системы логики с этим свойством. По тем же самым причинам, ни B_d , ни B_d^+ не могут выразить (4), т. е. утверждения о том, что правила вывода сохраняют истинность. Каждое правило имеет бесконечное количество примеров, но свойство компактности предполагает, что каждая теорема должна следовать из конечного числа аксиом. Точно так же (T-Bew) не выразимо ни в B_d , ни в B_d^+ .

Обе теории B_T и B_T^+ позволяют выразить обобщения (3) и (4), т. е. утверждения о том, что аксиомы теории истины, и о том, что правила вывода сохраняют истинность. При этом теория B_T является консервативным расширением исходной теории B (см.: [Halbach, 1999]). Только B_T^+ не является консервативным расширением теории B . Рассмотрим это подробнее. Пусть $\ulcorner 0 = 1 \urcorner$ будет кодом формулы « $0 = s0$ », так как $\neg 0 = s0$ является теоремой B , $\neg T \ulcorner 0 = 1 \urcorner$ является следствием схемы истины $T \ulcorner 0 = 1 \urcorner \equiv 0 = s0$. Из (5) мы получаем, что $\neg \text{Bew}(\ulcorner 0 = 1 \urcorner)$ является теоремой B_T^+ . Но это предложение не содержит предиката истины и принадлежит языку L . Согласно второй теореме о неполноте, $\neg \text{Bew}(\ulcorner 0 = 1 \urcorner)$ не является теоремой теории B , если последняя непротиворечива. Таким образом, B_T^+ не является консервативным расширением теории B , если только исходная теория B будет противоречивой.

Аргумент С. Шапиро переносит обсуждение жизнеспособности дефляционизма на более прочную формальную основу, придавая дебатам должную строгость. Вместе с тем дальнейшее уточнение представляется необходимым. Как уже отмечалось, дефляционизм – это обобщенная концепция, которая имеет впечатляющее разнообразие формулировок. Известны различные формальные теории, выражающие общую концепцию дефляционизма различными аксиоматическими теориями, включающими в себя

различные принципы. Как отмечалось, большинство сторонников дефляционизма возводят поддерживаемую ими теорию к семантической теории А. Тарского, точнее к убеждению, что совокупность Т-предложения полностью исчерпывает содержание понятия истины. Наиболее известным сторонником такой позиции был У. Куайн, настаивавший на том, что предикат истины представляет собой ничего более, чем инструмент снятия кавычек. Дисквотационная функция предиката истины признается всеми дефляционистами; ее можно рассматривать в качестве своеобразного «минимального требования» концепции дефляционизма. В этой связи будет интересно рассмотреть справедливость аргументации С. Шапира о неконсервативности расширения РА с предикатом истины в случае дисквотационного понимания последнего.

Наиболее естественным способом формулировки дисквотационализма является утверждение о том, что множество аксиом теории истины представлено интсанциациями Т-схемы (с известными ограничениями на последние ввиду исключения парадоксов самореференции). Известны два варианта такой формулировки дисквотационной теории. В первом из них в качестве аксиом признаются подстановки локальной Т-схемы:

$$(L) T(' \varphi ') \equiv \varphi.$$

Второй вариант основан на принятии единообразной схемы раскавычивания:

$$(U) \forall a_1 \dots a_n [T(' \varphi (a_1 \dots a_n) ') \equiv \varphi (a_1 \dots a_n)],$$

при котором аксиомами теории являются формулы, полученные посредством подстановки в (U) конкретных для $a_1 \dots a_n$ и конкретных формул для φ . Мы можем рассматривать (L) как специальный случай (U).

Обращаясь к вопросу о консервативности / неконсервативности расширения РА с дисквотационной теорией истины, нужно отметить, что приведенное выше рассуждение С. Шапира о неконсервативности дефляционных теорий истины никак не специфицирует виды, или формы, консервативности. Привычным является различение двух видов консервативности. Пусть T_1 и T_2 будут теориями, сформулированными на языках L_1 и L_2 , соответственно (и пусть $L_1 \subseteq L_2$). Тогда:

а) T_2 синтаксически консервативна по отношению к T_1 , если и только если $T_1 \subseteq T_2$ и $\forall \psi \in L_1 [T_2 \vdash \psi \rightarrow T_1 \vdash \psi]$.

б) T_2 семантически консервативна по отношению к T_1 , если и только если каждая модель M теории T_1 может быть расширена до модели для теории T_2 (интерпретация новых выражений языка L_2 может быть доказана в M так, чтобы T_2 была истинна). Эти два понятия консервативности не совпадают, ведь семантическая консервативность является более общим понятием: через теорему о полноте она дает синтаксическую версию. В настоящее время именно синтаксическая консервативность является предметом дебатов об оправданности дисквотационной теории истины.

Наконец, в связи с обсуждением дисквотационной теории, нужно иметь в виду еще одно различие – различие между типовой и безтиповой теориями истины. Это различие хорошо известно и сводится к тому, что в безтиповой теории, в отличие от типовой, не существует ограничения на приписывание истинности предложениям, содержащим предикат истины.

С учетом перечисленных уточнений, укажем основные результаты исследования консервативности дисквотационной теории истины по отношению к РА. В случае типовой единообразной дисквотационной теории мы сталкиваемся с семантически неконсервативным расширением (см.: [Кауе, 1991. Р. 228]), аналогичный результат мы получаем в связи с типовой локальной дисквотационной теорией (см.: [Cieslinski, 2015. Р. 312]). В случае безтиповой дисквотационной теории были установлены следующие результаты: безтиповая локальная дисквотационная теория дает синтаксически консервативное расширение РА [Cieslinski, 2011]. Наиболее интересным является случай безтиповой единообразной дисквотационной теории, формулировка которой была предложена В. Хэлбахом [Halbach, 1999]. В этой формулировке во избежание появления парадоксов ограничивается класс возможных для ϕ подстановок в (U) исключительно положительными формулами. Тем самым получается теория PUTB (positive uniform Tarski biconditionals). В. Хэлбах обнаруживает, что арифметически PUTB очень сильна, являясь фактически арифметически эквивалентной теории

истины Фефермана – Крипке, одной из самых сильных безтиповых теорий истины.

Здесь мы сталкиваемся с важным для обсуждения проблем теории истины феноменом: в случае отказа от типового подхода, ключевым является выбор класса подстановок для Т-схемы. Даже в случае относительно слабой схемы (L) может быть получена очень мощная теория при определении подходящего класса подстановок. Результат В. Хэлбаха является иллюстрацией этого. Согласно позиции дисквотационализма, класс подстановок S 1) является рекурсивно перечислимым множеством подстановок Т-схемы (безразлично, единообразной или локальной); 2) элементы множества S характеризуются как эпистемологически базовые. Именно в последнем пункте мы сталкиваемся с философски важным вопросом. Ответ на него не будет тривиальным, вроде указания на интуитивную очевидность Т-схемы. Формальные требования, которым должна соответствовать адекватная формулировка дисквотационной теории истины, помимо таких очевидных требований, как непротиворечивость, должна удовлетворять еще и требованию арифметической обоснованности (sound), исключая ложные арифметические предложения из числа допустимых кандидатов на подстановку в (L). Прояснение этих проблем требует ответа на два неотложных для нашей проблематики вопроса: 1) что могло бы выступить кандидатом на роль класса естественных подстановок в (L), позволяющих получить арифметически сильную теорию? 2) в чем может состоять ответ на вопрос об обоснованности нашей веры в позитивные дисквотационные аксиомы? Пока эти ответы не получены, мы не можем признать аргумент о неконсервативности расширения дефляционной теории истины С. Шапиро опровержением дисквотационной теории; вместе с тем не имеем возможности показать, что существует формально корректная формулировка дисквотационной теории истины, избегающая аргумента С. Шапиро.

Список литературы / References

Cieslinski C. T-equivalences for positive sentences. *The Review of Symbolic Logic*, 2011, vol. 4, p. 319–325.

- Cieslinski C.** Typed and Untyped Disquotational Truth. Unifying the Philosophy of Truth. Ed. by Th. Achourioti et al. Springer, 2015, p. 307–320.
- Halbach V.** Conservative theories of truth. *Studia Logica*, 1999, no. 62, p. 353–370.
- Horsten L.** Levy. *Mind*, 2009, vol. 118, p. 555–581.
- Kaye R.** Models of Peano arithmetic. Oxford, Clarendon, 1991.
- Ketland J.** Deflationism and Tarski's paradise. *Mind*, 1999, vol. 108, p. 64–94.
- Shapiro S.** Deflation and Conservation. Principles of Truth. Eds. V. Halbach and L. Horsten. Ontos Verlag, 2003, p. 103–128.
- Shapiro S.** Proof and truth: Through thick and thin. *Journal of Philosophy*, 1998, vol. 95, no. 10, p. 493–521.
- Tarski A.** The Semantic Conception of Truth: and the Foundations of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1944, vol. 4, no. 3, p. 341–376.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.08.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Хлебалин Александр Валерьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander V. Khlebalin, Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher, Deputy Director for scientific work of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sasha_khl@mail.ru

УДК 165.15

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-29-40

О нормативных следствиях одной импликации

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

Предложена и обоснована трактовка принципа «долженствование предполагает возможность» как нормативной дилеммы применительно к эпистемическим и моральным обязательствам. Показано, что стандартная интерпретация этого принципа в виде контрапозиции не является единственно возможной или эвристически интересной. На примере обязательств и действий разных типов продемонстрированы варианты переноса акцента с модальности возможности на модальность долженствования, что позволяет объяснить ряд действий, традиционно мало рассматриваемых в моральной теории. Такой подход позволяет и лучше понять связи между императивами моральными и эпистемическими.

Ключевые слова

долженствование, возможность, рациональность, нормативность, обязательства, принцип «долженствование предполагает возможность»

Для цитирования

Шевченко А. А. О нормативных следствиях одной импликации // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 29–40. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-29-40

© А. А. Шевченко, 2019

On Normative Consequences of One Implication

A. A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper treats the “ought implies can” principle as a normative dilemma in relation to epistemic and moral obligations. It shows that the standard interpretation of this principle as a contraposition is not the only possible one or heuristically interesting. The author draws on the examples of obligations and actions of different types to show how it is possible to shift the focus from the modality of possibility to the modality of obligation. It allows to explain a number of actions not adequately described in traditional moral theory. It also helps to understand the links between moral and epistemic imperatives.

Keywords

obligation, possibility, rationality, normativity, duty, “ought implies can” principle

For citation

Shevchenko A. A. On Normative Consequences of One Implication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 29–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-29-40

Принцип “ought implies can” – «долженствование предполагает возможность», или «должен – значит можешь» – соединяет наши обязательства и возможности и на первый взгляд выглядит достаточно тривиально. Сама идея выражена уже в максиме римского права “impossibilium nulla obligatio est” (невозможное не может быть долгом), но в современных текстах авторство этого принципа часто приписывают Канту, в трудах которого хотя и отсутствует именно такая формулировка принципа, однако неоднократно встречается прямое сопоставление должного и возможного, например: «В самом деле, если моральный закон повелевает, что мы должны теперь быть лучше, то отсюда неизбежно следует, что нам необходимо и мочь это» [Кант, 1996. С. 296]. Еще не так давно казавшийся аксиомой, этот принцип в последнее время вновь вызывает философские споры. Дело в том, что тривиален он только в тех очевидных случаях, когда речь идет о логической или физической невозможности. Например, нельзя требовать от че-

ловека нарисовать круглый квадрат или прыгнуть выше головы. Однако если речь идет о менее ясных ситуациях, в которых пространства возможного и невозможного не так очевидны, то этот принцип уже допускает различные трактовки. Так, видна его проблематичность при анализе моральных обязательств, о чем подробнее пойдет речь ниже. Но кроме моральных контекстов проблематичен он, например, и при трактовке юридических норм. Анализ сферы возможного – это фактически требование учета всех эмпирических обстоятельств дела.

Дополнительный интерес к данному принципу вызван и тем, что в последнее время он стал активно обсуждаться не только в сфере моральной теории, но и в эпистемологии, а также в связи с некоторыми проблемами в области философии сознания. Утверждения типа: «Ты должен мне поверить», «В этом невозможно сомневаться», «Этого невозможно не знать» и т. п. выдвинули на первый план вопросы о возможности волевого контроля над нашими докастическими и эпистемическими установками, проблеме так называемого «докастического волюнтаризма». Вместе с тем дискуссии в этой сфере показали и возможные связи эпистемологической проблематики с моральной, так как применение данного принципа требует ясного понимания обеих частей импликации – и нашего обязательства, выраженного с помощью “ought”, и сферы возможного, представленной “can”. Проблемы с пониманием антецедента (“ought”) особенно наглядно проявляются в двух случаях: 1) при конфликте моральных обязательств, когда мы должны выполнить каждое из них, но не можем выполнить оба; 2) в случае действий, выходящих за рамки должного (supererogatory actions). Проблемы возникают и с пониманием консеквента “can”, так как не всегда понятно, на что именно мы способны, каковы пределы наших возможностей. В обыденном языке это выражается, например, так: «Наши спортсмены сегодня сделали невозможное». Кроме того, не очень ясно, насколько и как быстро в практических контекстах оправдан переход от «должен – значит можешь» к логическому правильному: «не можешь – значит не должен». Ведь в ряде ситуаций, связанных с тем же спортом или творчеством, где требуются сверхусилия, необходимым условием успеха

являются постоянные и настойчивые попытки именно «прыгнуть выше головы».

Имеются и общие проблемы, связанные с этим принципом. Так, иногда отмечается, что сама зависимость долженствования от возможности позволяет в ряде случаев ослабить наше обязательство или вовсе отказаться от него путем манипуляций с «условиями возможностями». Произвольно меняя некоторые параметры ситуации, мы можем сделать исполнение взятого на себя обязательства невозможным. К примеру, мы берем в долг, растрачиваем деньги и объявляем себя банкротом. «Не могу вернуть долг – значит не должен» выглядит логически верным, но вряд ли прагматически приемлемым.

Еще один аргумент против этого принципа состоит в том, что если понимать его как универсальный, то он может блокировать возможное действие, вместо того, чтобы его требовать или позволять. Например, два человека могут чувствовать себя обязанными взять в жены одну и ту же женщину, имея к тому как все необходимые «условия возможности», так и соответствующие личные обязательства. Но данное действие не может быть совершено ими обоими, не может стать общим императивом. Из невозможности представить его в виде общего принципа можно, как кажется, сделать вывод и о необязательности выполнения обязательства ни одним из них, по формуле – «не можешь – значит не должен». Но в данной ситуации такой вывод был бы очевидно контринтуитивным и просто неверным. Хотя такое действие не может быть выполнено обоими, оно не избавляет каждого из них от обязательства совершить соответствующую попытку. Таким образом, общее решение может состоять в том, что сохранение моральной обязательности в подобных случаях (а также приведенные выше примеры с необходимостью иногда «прыгать выше головы») делает более обоснованной трактовку принципа «должен – значит можешь» как относящегося в первую очередь не к самим действиям, а к попыткам их совершения. Обсуждение данного принципа не в «зоне действий», а в «зоне попыток» имеет, конечно, свои недостатки. Так, не очень понятно, какое количество попыток предполагает императив, как оценивать их на успешность или неуспешность. Кроме того, такой перенос связан и с более прин-

ципиальной трудностью – если мы отказываемся признавать некоторый источник нормативности применительно к действию, то каким образом долженствование возникает применительно к попытке совершения этого действия? Тем не менее такой ход позволяет нам обойти некоторые сложные случаи, связанные с этим принципом и, прежде всего – объяснить его принципиальную нормативную дилемматичность, о которой речь пойдет ниже.

Как уже отмечалось, особый интерес вызывает трактовка принципа применительно к эпистемическим нормам. В этом случае, утверждая, что некий S должен верить, что p , мы имеем в виду, что у S имеется соответствующее эпистемическое обязательство. Соответственно, если мы делаем такое утверждение, мы тем самым подразумеваем, что S способен поверить, что p . И эта эпистемическая способность заключается не просто в наличии естественных «условий возможности», о которых писал Кант: «Конечно, необходимо, чтобы действие, на которое направлено долженствование, было возможно при естественных условиях, но эти условия имеют отношение не к определению самого произволения, а только к действию и результатам произволения в явлении [Кант, 2006. С. 713].

Способность выполнить это эпистемическое обязательство требует не только наличия внешних условий, но и внутренней способности субъекта это сделать. Эта способность предполагает эпистемическую рациональность. Требование эпистемической рациональности – более сильное требование, чем просто нормативность обязательства. Эпистемическая рациональность прежде всего имеет дело с методами и процедурами обоснования, которые позволяют нам получать истинные утверждения о мире. Истина, как исходная цель и главная ценность исследования, обычно принимается здесь по умолчанию. Следует ли из этого, что эпистемически нормативным было бы принимать на веру все истинные и только истинные суждения? В данном случае, очевидно, что такое нормативное требование нарушало бы принцип «должен – значит можешь», поскольку некоторые истинные утверждения настолько сложны, что их субъективно

невозможно принять, кроме того, истинные суждения столь многочисленны, что невозможно принять каждое из них.

Отдельный вопрос, вызывающий споры относительно нормативности такого обязательства – вопрос о том, какие именно верования или мнения могут быть вменены в обязанность эпистемическому субъекту. Одним из важных аспектов, связывающих рациональность и нормативные требования к процессу познания и его элементам, является тот статус, который мы готовы приписать субъекту познания. При оценке некоторого поступка, решения или познавательного действия, возникает вопрос: имеем ли мы в виду реального субъекта, со всеми его когнитивными ограничениями или же субъекта идеализированного, требуя от него выполнения всех нормативных требований в некоторой идеальной ситуации, в которой субъекту всегда открыто «действительное положение вещей» в мире?

Принципиален вопрос о том, существуют ли эпистемические обязательства и каким образом они связаны с нашими возможностями? Существует ли особый вид обязательств, требующих от нас принимать или отвергать какие-то утверждения либо же воздерживаться от их оценки? В принципе такие эпистемические обязательства могли бы быть полезны в том смысле, что определяли бы условия, при которых то или иное суждение проходило проверку на истинность или достоверность. Однако проблемой является уже упомянутое отсутствие волевого контроля над нашими доксическими или эпистемическими установками. Рассуждение обычно строится следующим образом: обязательство (императив) такого рода имеет смысл только при наличии возможности добровольного отказа от этого обязательства. Если нам вменяется в обязанность что-то принять на веру, например, то у нас должна быть возможность этого не делать. Однако люди не имеют такого контроля над своими верованиями, мы можем произвольно поверить или не поверить в то, что идет дождь, например, или в то, что нам навстречу движется автомобиль. Такое отсутствие произвольного выбора приводит ряд авторов к выводу о том, что эпистемических обязательств в принципе не существует.

В качестве одной из возможных защитных стратегий самой идеи эпистемического обязательства как императива особого рода можно считать

«ролевую концепцию», в изложении Р. Фельдмана. По его мнению, эпистемические обязательства – такие обязательства, которые мы приобретаем просто с силу того, что занимаем определенную роль, в данном случае – роль доксистического или эпистемического субъекта (believer). Правильное исполнение этой роли требует совершения определенных действий, в данном случае – принятие на веру только того, что подкреплено свидетельствами или фактами.

При этом такие ролевые обязательства эпистемического субъекта отличаются, по его мнению, от «обязательств ответственности». Последнее – это такое обязательство, которое, в случае его неисполнения, делает носителя обязательства достойным порицания. Такие обязательства действительно предполагают волевой контроль субъекта над своими действиями, так как только в этом случае можно возлагать вину за их неисполнение. Эпистемические обязательства – обязательства другого рода, они возникают вследствие того, что субъект исполняет определенную роль или занимает определенное положение. В качестве примеров таких ролевых обязательств Фельдман приводит обязательство родителей заботиться о своих детях, обязательство учителя ясно объяснять материал или обязательство велосипедистов соблюдать правила дорожного движения. В отличие от «обязательств ответственности» ролевые обязательства не предполагают сознательного и волевого контроля. Учитель может оказаться не в состоянии ясно изложить материал, родитель может оказаться неспособным заботиться о ребенке, а велосипедист, в силу различных причин, может быть не способен соблюдать правила дорожного движения. Однако сама невозможность исполнения таких обязательств не избавляет от их наличия. Такое неисполнение лишь влияет на нашу оценку субъекта действия. В подобных случаях мы говорим о плохом родителе, плохом учителе или плохом велосипедисте [Feldman, 2001. Р. 87–88]. Трактовка эпистемических обязательств как ролевых предполагает, что мы обязаны выполнять некоторые действия для надлежащего исполнения роли эпистемического субъекта, которыми мы все неизбежно являемся. Эти действия включают,

например, принятие в расчет свидетельств и фактов, а не только предположений или желаний.

Если говорить о роли, которую играет этот принцип в моральной теории, то он обычно используется в качестве самого сильного аргумента в пользу отказа от обязательства. Вообще говоря, отказ от обязательства может быть осуществлен тремя основными способами: 1) в виде объяснения с признанием вины / ответственности. Так, я могу признать, что я виновен в том, что не исполнил обещание встретить вас в аэропорту, объяснив это тем, что проспал; 2) в виде оправдания без признания вины / ответственности. Здесь я могу сослаться на то, что не доехал до аэропорта, так как спасал людей из горящего дома. В данном случае я указываю на то, что у меня возник конфликт обязательств, где новое обязательство было объективно более важным и приоритетным. И, наконец, 3) самый сильный вид отказа от обязательства – указание на невозможность его исполнения. Например, я могу сослаться на то, что ваш рейс был отменен. В данном случае вина / ответственность, конечно, также не признаются.

Но данный принцип играет важную роль и в ситуациях второго типа – при конфликте обязательств, в ситуации моральной дилеммы. Когда речь заходит о моральных дилеммах, возникает вопрос о самой их возможности. Можно ли иметь два конфликтующих, при этом подлинных моральных обязательства, таких, чтобы одно из них блокировало выполнение другого? Если рассматриваемый нами принцип имеет силу, то классические моральные дилеммы становятся невозможными. В случае невозможности выполнения двух обязательств или двух моральных поступков, по крайней мере, один из них не является подлинным обязательством по принципу «не можешь – значит не должен». Один из вариантов сохранить дилемму – отвергнуть сам принцип «должен – значит можешь». Например, в случае добровольно взятых на себя обещаний одновременно выполнить и не выполнить некоторое действие А, можно считать, что противоречивость обещаний и, соответственно, невозможность выполнения обоих не отменяет сразу оба взятых на себя обязательства. Другое решение заключается в том, что мы не отказываемся от принципа «должен – значит

можешь» и делим обязательства на *prima facie* и обязательства «с учетом всех обстоятельств», *ultima facie*, которые противопоставляются друг другу. Обязательства этих двух разных типов конфликтовать между собой не могут, конфликт в таком случае может быть между обязательствами одного типа.

Однако в ситуации моральной дилеммы часто оказывается невозможным дополнить контекст необходимыми обстоятельствами, фактически речь чаще всего идет о конфликте двух обязательств *prima facie*. Одним из классических обязательств такого рода принято считать политическое обязательство соблюдать законы независимо от их содержания. Здесь, конечно, нужно вспомнить диалог «Критон», в котором Сократ впервые привел все основные аргументы в пользу такого поведения. В одной из своих ранних работ Дж. Ролз также приводит этот пример в качестве самоочевидного обязательства *prima facie*: «Я буду предполагать, как нечто, не требующее аргументации, что в обществе, по крайней мере в таком, как наше, имеется моральное обязательство соблюдать закон, хотя оно, конечно, и может, в некоторых случаях, быть преодолено другими, более сильными обязательствами» [Rawls, 1963. Р. 3]. В более общем, несколько более строгом виде обязательство *prima facie* можно определить как «...обязательство выполнить действие *X* если и только если у субъекта *S* имеется моральное основание выполнить *X*, такое что, при отсутствии морального основания, по крайней мере столь же сильного, как основание выполнить *X*, невыполнением *S* действия *X* является неправильным» [Smith, 1973. Р. 951]. Свою основную работу, посвященную анализу обязательств, У. Д. Росс начинает со сравнения двух видов обязательств – *prima facie*, которое он характеризует как «условное», и «собственно обязательства» (*duty proper*), обязательства «действительного». «Я предлагаю использовать (понятия) обязательство *prima facie* или “условное обязательство” для краткого обозначения той характеристики (совершенно отличной от характеристики “собственно обязательства”), которая присуща действию, в силу его принадлежности к определенному типу (например, соблюдение обещания), которое было бы

собственно обязательством, если бы в то же время оно не являлось морально значимым обязательством другого типа» [Ross, 2002. P. 19].

Позднее, в «Основаниях этики» Росс отказывается от термина «обязательство *prima facie*» в пользу термина «ответственность» [Ross, 2000. P. 85]. Преимуществом такой терминологии является то, что понятие ответственности позволяет перейти от характеристики *prima facie* как атрибута обязательства к более важной категории ответственности субъекта за свои действия. Этот переход важен для нашей трактовки рассматриваемого принципа «должен – значит можешь» как нормативной дилеммы. Еще раз повторим, что мы считаем более обоснованным трактовать этот принцип как относящийся не к действиям, а к попыткам их совершения. Нормативной дилеммой тогда становится ответственный выбор субъекта между двумя модальностями – «долженствованием» и «возможностью». В стандартной интерпретации, когда этот принцип используется для отказа от обязательства путем указания на невозможность его исполнения, акцент делается на модальности (не) возможности. В этом случае принцип работает в качестве фильтра, отсеивающего обязательства как не подлежащие исполнению. Альтернативой же является перенос акцента на модальность долженствования. В этом случае мы ищем способы изменения ситуации таким образом, чтобы исполнение обязательства стало возможным, стремясь изменить сами условия возможности.

В моральной теории этот вариант решения дилеммы в первую очередь имеет отношение к действиям, выходящим за рамки общепринятого должного (“supererogatory actions”). В статье «Святые и герои» Дж. Урмсон [Urmson, 1958] приводит примеры, ставшие с тех пор хрестоматийными – героический поступок солдата, накрывающего своим телом гранату, спасая тем самым товарищей, и врача, который добровольно отправляется в город, охваченный чумой. Эти действия, которые хотя и очень трудны, но в принципе возможны. Особенность их в том, что ими можно восхищаться, но их нельзя ожидать или требовать. Именно в таких случаях возникает трудность различения нормативного должного и выходящего за рамки долга. Поступки подобного рода фактически можно считать не исполнени-

ем готовых деонтологических предписаний, а аксиологическим творчеством конкретного морального субъекта. И это творчество включает в первую очередь переосмысление самой зоны возможного, радикальное расширение ее пределов таким образом, чтобы сделать возможным исполнение должного. В деонтологии же моральные требования и обязанности определены более жестко, часто негативно, и имеют более понятные критерии их соблюдения.

Описанная дилемма имеет и социально-политическое измерение. Так, например, в неидеальных социально-политических условиях, когда гражданские действия могут быть связаны с риском для жизни, исполнение даже самых базовых обязательств может оказаться в сфере «сверхдолжного» из-за высокой цены, связанной с их исполнением. Субъект действия каждый раз сталкивается с нормативной дилеммой: остаться ли верным чувству долга и искать возможности преодоления или расширения «условий возможности», в пределе превращая свой поступок в выходящий за рамки должного? Или же сделать акцент на самих «условиях возможности», используя их неизбежную неполноту как основание для отказа от своих обязанностей и обязательств.

Список литературы / References

- Кант И.** Критика чистого разума. Сочинения на немецком и русском языках. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Kant I.** Kritika chistogo razuma. Sochineniya na russkom i nemetskom yazykakh [Critique of Pure Reason. Collected texts in Russian and German]. Moscow, Nauka, 2006, vol. 2, pt. 1. (in Russ.)
- Кант И.** Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты. СПб., 1996. С. 259–424.
- Kant I.** Religiya v predelakh tol'ko razuma [Religion within the limits of reason alone]. In: Kant I. Traktaty. St. Petersburg, 1996, p. 259–424. (in Russ.)

- Feldman R.** Voluntary Belief and Epistemic Evaluation. In: Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue. Ed. by Matthias Steup. New York, Oxford, 2001, p. 77–92.
- Rawls J.** Legal obligations and the duty of fair play. In: Law and Philosophy. Ed. by S. Hook. New York Uni. Press, 1963, p. 3–18.
- Ross W. D.** Foundation of Ethics. Oxford Uni. Press, 2000.
- Ross W. D.** The Right and The Good. Ed. by Philip Stratton-Lake. Oxford Uni. Press, 2002.
- Smith M. B. E.** Is There a Prima Facie Obligation to Obey the Law? *The Yale Law Journal*. 1973, vol. 82, no. 5, p. 950–976.
- Urmson J.** Saints and Heroes. In: Essays in Moral Philosophy. Ed. by A. I. Melden. Uni. of Washington Press, 1958, p. 198–216.

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Aleksandr A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru

УДК 179.7

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-41-50

Медикализация суицида как проблема антипсихиатрии

А. В. Антипов

Институт философии РАН

Москва, Россия

Аннотация

Суицидальное поведение в современном научном мире рассматривается с точки зрения различных дисциплин (социологии, антропологии, философии и др.), но психиатрия выделяется среди этого списка тем, что может непосредственным образом воздействовать на суицидента, а также занимает главенствующее положение в разработке и создании теорий объяснения суицидального поведения. Антипсихиатрия, рассматриваемая в качестве пространства проблематизации и критики психиатрии, касается как самого фундамента психиатрии, так и отдельных ситуаций, связанных с реализацией психиатрами своих функций, и потому феномен суицида привлекает внимание одного из видных представителей американского антипсихиатрического движения – Т. Саса. Ключевым для анализа суицида Т. Сасом становится то, что суицид полагается в качестве явления, тесно связанного с психической болезнью, таким образом принимая медикализованный вид. В данном случае гораздо более важным оказывается то, почему самоубийство как явление становится объектом изучения психиатрии. Т. Сас именует данное превращение как переход из греха-и-преступления в болезнь-и-оправдание, справедливо указывая на то, что возникновение объяснительной модели суицида в рамках психиатрии позволило суицидентам перейти из категории обвиняемых, которым отказывают в христианском погребении и реализации наследственного права в пораженных болезнью, которая нуждается в излечении. Также Т. Сас акцентирует внимание на положении, в котором оказывается суицидент в пространстве психиатрической клиники. Главной характеристикой указанного положения является ограничение личной свободы и возможности полноценного существования.

© А. В. Антипов, 2019

Ключевые слова

суицид, антипсихиатрия, медиализация суицида, превенция, стигматизация, свобода, ответственность, моральный выбор

Для цитирования

Антипов А. В. Медиализация суицида как проблема антипсихиатрии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 41–50. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-41-50

Medicalization of Suicide as an Antipsychiatry Problem

A. V. Antipov

*Institute of Philosophy RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Suicidal behavior in the modern scientific world is considered from the perspective of different disciplines (sociology, anthropology, philosophy, etc.), but psychiatry stands out in this list, because it can directly impact the suicider. Antipsychiatry, considered as a space of problematization and criticism of psychiatry, concerns both the foundation of psychiatry and individual situations related to the implementation by psychiatrists of their functions. This is why the phenomenon of suicide attracts the attention of one of the prominent representatives of the American anti-psychiatrist movement – T. Szasz. The key point in suicide analysis for T. Szasz is that suicide is considered as a phenomenon closely associated with mental disease, thus, it is medicalized. In this case, it becomes much more important, why suicide as a phenomenon turns into an object of study of psychiatry. T. Szasz refers to this transformation as a transition from a sin-and-crime to an illness-as-excuse. He fairly points out that the emergence of an explanatory suicide model within the framework of psychiatry made it possible for suiciders to change their category from those accused and rejected from Christian burial and rights of inheritance to those affected by a disease, and requiring medical treatment. Besides, T. Szasz emphasizes the situation, in which suiciders find themselves in a mental health institution. The main feature of this situation is restriction of personal freedom and the ability to have a life worth living.

Keywords

suicide, antipsychiatry, medicalization of suicide, suicide prevention, stigmatization, freedom, responsibility, moral choice

For citation

Antipov A. V. Medicalization of Suicide as an Antipsychiatry Problem. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 41–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-41-50

Проблема самоубийства не является центральной в творчестве Т. Саса. Среди многочисленного списка книг и статей, написанных им, непосредственно самоубийству посвящены только две: «Фатальная свобода: этика и политика самоубийства» [Szasz, 1999] и «Запрет самоубийства: позор медицины» [Szasz, 2011]. Но важность ее рассмотрения именно в рамках антипсихиатрического проекта может быть выражена в двух положениях. Во-первых, исследование самоубийства и практик лечения, которые применяются к людям, подозреваемым в возможном суициде или совершившим неудачную попытку покончить с собой, основывается на основном положении Т. Саса о мифе душевного заболевания. Для Т. Саса важно показать, что за лечением пациентов, которые могут навредить себе, стоит ложная предпосылка, гласящая, что «попытка самоуничтожения зачастую является явным актом безумия» [Winslow, 1840. P. 235]. Появляющееся с развитием сети психиатрических больниц и усовершенствованием исследовательского аппарата психиатрии в XIX в., это положение, как уверен Т. Сас, порождает практики психиатрического принуждения и отчуждения от человека его основных прав и свобод через насильственное заключение его в стены психиатрической больницы. Во-вторых, рассуждения Т. Саса сходны с рассуждениями Д. Юма и Ж.-Ж. Руссо, которые доказывали в своих трактатах, посвященных данной проблеме, что самоубийство не противоречит ни законам человека и общества, ни законам Божьим. Т. Сас, так же как и Юм, словно желает вернуть человеку его свободу, утраченную перед лицом сильного соперника – государства, – который отбирает эту свободу, прикрываясь благой целью: защитой самого человека от разрушительных действий как со стороны других людей, так и со стороны аутодеструктивных желаний и интенций. «Мы слишком встревожены относительно суицида, чтобы понять, что иногда убить себя является правильным, а иногда ошибочным действием, но, в обоих случаях, это действие должно рассматриваться как акт, который выпадает за границы государственного вмешательства» [Szasz, 2002. P. IX].

В этом утверждении, предваряющем исследования Т. Саса, имплицитно содержится важное положение, которое может быть понято превратно,

и поэтому его важно раскрыть именно сейчас. Т. Сас не является защитником практики окончания своей жизни собственными руками, его цель состоит в другом – показать, что если самоубийство становится делом психиатров, а самоубийца полагается носителем психического отклонения, то человек лишается важной части своего существования – свободы самоопределения. Одно из главных положений, разрабатываемых Т. Сасом в своих работах, состоит в доказательстве того факта, что самоубийство является не медицинской, а моральной проблемой [Szasz, 1977. Р. 77], потому что вместе с лишением возможности самостоятельно определять границы своей жизни человек лишается и ответственности за свои действия, которая перекладывается на психиатра или безличную болезнь. Вместе со свободой Т. Сас желает вернуть человеку бремя ответственности за осуществляемые поступки, даже самые роковые и губительные. Важным для Т. Саса является не утверждение права на смерть или радикальное самоопределение, а право на свободу от превенции суицида, а также важны ответственность, налагаемая на действующего человека, и право на невмешательство со стороны государства или кого-либо в сферу индивидуальной свободы, несмотря на то, как эта свобода реализуется. Воззрения Т. Саса на самоубийство в самом общем виде можно охарактеризовать следующей цитатой: «Долгое время самоубийство было делом Церкви и священников. Сейчас это дело государства и докторов. В конце концов, мы сделаем так, чтобы это стало нашим личным делом, невзирая на то, что нам об этом говорят Библия, Конституция или Медицина» [Szasz, 1999].

Превращение самоубийства в медицинскую проблему, при котором суицид понимается как проявление душевного заболевания, ведет к двояким последствиям: во-первых, человек, желающий убить себя, удерживается обществом от неправильного действия, но на него накладывается стигма безумия; во-вторых, оправдываются вмешательство психиатра и его контроль над потенциальным самоубийцей, но на него же (психиатра) возлагается ответственность за совершенное самоубийство [Szasz, 2002. Р. 19]. При таком взгляде самоубийство превращается из акта морального выбора в манифестацию душевной болезни, неблагополучия разума, однако не только это позволяет наложить запрет на совершение самоубийства.

По мере того, как самоубийство переходит из разряда выбора и свободного действия в акт, в котором действующее лицо становится жертвой, умершей насильственной смертью и под влиянием болезни [Szasz, 2011. Р. 5], самоубийство начинает рассматриваться как неестественная смерть, а самоубийца оказывается убитым посредством суицида. Следует отметить, что для Т. Саса любая смерть – естественный процесс, определенный природными закономерностями, поэтому разделение на естественную и неестественную смерть для него является только уловкой, которая нужна для того, чтобы найти виновного в смерти самоубийцы. В основании подобного разделения лежат два вида причин: к естественной смерти приводят причины, которые являются нежелательными с медицинской точки зрения (например, болезнь или пороки в развитии); основанием для выделения неестественной смерти служат причины, не желательные с моральной точки зрения (например, убийство, самоубийство, смертельные инциденты). В неестественной смерти всегда кто-то или что-то оказывается виновным. В случае самоубийства – это безумие, которое толкает человека на губительный шаг [Szasz, 2002. Р. 22–23]. Поэтому становится важным найти то, что заставило человека стать убийцей самого себя и принять смерть от собственной руки.

Принятие положения о том, что самоубийство является результатом психического заболевания, приводит к «стигматизации суицидентов, так же как и лиц с психическими расстройствами» [Положий, Руженкова, 2016. С. 13] и позволяет использовать принудительные меры для предотвращения этого события. Также стигматизация самоубийцы является обидным ярлыком, который дается на всю жизнь. Человек обречен до конца своих дней оставаться «самоубийцей», т. е. тем, кто добровольно отказался от жизни и общества. И известного алгоритма «исцеления» от стигмы самоубийства не существует.

Понимание самоубийства как манифестации душевной болезни не является целью как таковой. Т. Сас отмечает, что создание психопатологической модели объяснения самоубийства является «результатом, а не причи-

ной, трансформации самоубийства из греха-и-преступления в болезнь-и-оправдание» [Szasz, 2002. P. 30].

Принятие душевной болезни в качестве основания для совершения самоубийства было призвано изменить существующий религиозный запрет на самоубийство и элиминировать стигму грешника, а также изменить отношения государства к самоубийцам. Запрет и наказание, которые применяются к самоубийцам государством, базируются на религиозном запрете и могут быть объяснены через него. Одно из положений, являющихся основанием для религиозного запрета на самоубийство, состоит в том, что человек не вправе распоряжаться своей жизнью и определять границы своего существования, потому что его жизнь принадлежит тому, кто ее дал – Богу. Поэтому преждевременный уход из жизни и отказ от Божественного дара – это преступление, которое должно быть наказано. Государственный запрет может быть объяснен правом суверена распоряжаться жизнью своих подданных, так же как это делает Бог через провидение: «Право, которое формулируется как право “на жизнь и на смерть”, в действительности является правом заставить умереть или сохранить жизнь» [Фуко, 1996. С. 238]. Реализуется это право не только властью над живыми, но и через наказание тех, кто пожелал самостоятельно окончить свою жизнь. Церковный запрет поддерживается государством, поэтому телу самоубийцы отказывается в христианском погребении. Одним из примеров такого обращения может служить статья Устава врачебного, содержащаяся в нем до 1857 г., которую приводит А. Кони: «[...] тело умышленного самоубийцы надлежит палачу в бесчестное место отправить и там закопать» [2013. С. 119].

Объяснение процесса превращения самоубийства из наказуемого греха и уголовного преступления в манифестацию болезни, у Т. Саса является одним из самых оригинальных пассажей. Он задается вопросом о том, кто получает выгоду от того, что самоубийца, если он понимается как носитель душевного заболевания, которое послужило достаточным основанием для совершения суицида, больше не является ни грешником, ни правонарушителем. Самый первый и самый очевидный ответ – сам самоубийца, потому что его больше не ждет наказание ни в случае, если ему удастся найти

смерть от своих рук (тело будет канонически погребено), ни в случае, если он останется жив (государство более не применяет мер наказания). От оставленной семьи не может идти импульс для этого процесса, потому что она обессилена и обескровлена. Т. Сас утверждает, что в первую очередь этот импульс идет от тех, кто определяет и осуществляет наказание – коронеров и жюри, поскольку они пытаются смягчить бремя наказания, которое ложится на плечи оставленной семьи [Szasz, 2002. P. 30]. Состоит это бремя не только в том, что если с собой кончает глава семьи, то последняя остается без средств к существованию, или дети теряют мать, если умирает женщина, но также и в тех процедурах, которые применяются по отношению к телу самоубийцы. Превращение же самоубийства из греха в душевную болезнь служит возможностью оправдать самоубийцу, сделав его не объектом абсурдного наказания, а человеком, который потерял способность ясно мыслить и отвечать за свои поступки. С одной стороны, подобное извинение позволяет избежать ненужного и жестокого издевательства над телом того, кто уже мертв. В таком издевательстве общество видит невыносимый пережиток и варварство. Н. Огарев описывает случай с одним человеком, которого повесили за попытку самоубийства. Однако с первого раза это сделать не получилось, потому что неудавшийся самоубийца пытался покончить с собой, перерезав себе горло. При повешении рана у него разошлась, и он смог дышать через разрез, из-за чего пришлось перетягивать горло ниже линии разреза, только после этого несчастный умер. С другой стороны, с помощью указания на психическую болезнь можно сохранить престиж самоубийцы: «[...] в 1822 году, когда видный британский политик виконт Каслри, он же маркиз Лондондерри, перерезал себе горло бритвой. [...] Суд поступил мудро: признал самоубийцу временно обезумевшим и санкционировал почетные похороны» [Чхартишвили, 1999. С. 31].

Таким образом, запрет трансформируется и принимает опосредованную форму: теперь, с возникновением новой объяснительной модели, самоубийца может быть прощен и помещен на лечение, где ему будут обеспечены помощь и внимание. Формально психическое заболевание становится

юридическим основанием для прощения, но государство оставляет за собой право «надзирать и наказывать», осуществлять надзор за теми, кому сохранена жизнь, но отнята возможность быть полноценным и полноправным разумным членом общества. Главной фигурой становится психиатр, который теперь определяет дальнейшую судьбу как того, кто остался в живых, так и того, кто совершил удачную попытку самоубийства.

Однако этот переход из «греха-и-преступления» в «болезнь-и-оправдание» окончательно юридически оформляется в течение еще долгого времени: последними статью, предусматривающую уголовное наказание за попытку самоубийства, отменяют в Великобритании в 1961 г. и в Ирландии в 1993 г. [Leenaars and Colleagues, 2000. P. 424]. Государство перестает напрямую осуществлять карательные функции в отношении тех, кто совершает попытку самоубийства. Эта роль переходит к психиатрам и психиатрическим клиникам. Психопатологическая модель объяснения самоубийства формирует представление, которое господствует и сейчас: о самоубийстве говорится в терминах психиатрии, а «стигма сумасшествия все еще закрепляется за человеком, покончившим с собой» [Бойко, 2004. С. 151].

Список литературы / References

- Бойко О.** Мифология суицида // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 138–159.
- Bojko O.** Mifologiya suicida [Mythology of Suicide]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. 7, no. 2, p. 138–159. (in Russ.)
- Кони А.** Самоубийство в законе и жизни // Суицидология: прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. 2-е изд., стереотип. М.: Когито-Центр, 2013. С. 113–139.
- Koni A.** Samoubiistvo v zakone i zhizni [Suicide in law and life]. In: *Suitsidologiya: Proshloe i nastoyashchee: Problema samoubiistva v trudakh*

filosofov, sociologov psihoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstakh [Suicidology: Past and Present: The Problem of Suicide in the Works of Philosophers, Sociologists, Psychotherapists and in Fiction Texts]. Moscow, Kogito-Centr, 2013, p. 113–139. (in Russ.)

Положий Б., Руженкова В. Стигматизация и самостигматизация суицидентов с психическими расстройствами // Суицидология. 2016. Т. 7, № 3 (24). С. 12–20.

Polozhy B., Ruzhenkova V. Stigmatizatsiya i samostigmatizatsiya suitsidentov s psihicheskimi rasstroistvami [Stigmatization and Self-Stigmatization by Persons with Mental Disorders who Committed Suicidal Attempts]. *Suitsidologiya [Suicidology]*, 2016, vol. 7, no. 3, p. 12–20. (in Russ.)

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Foucault M. Volya k istine: po tu storonu znaniya vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Trans. from Fr. Moscow, Kastal, 1996, 448 p. (in Russ.)

Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 576 с.

Chkhartishvili G. Pisatel i samoubiistvo [The Writer and Suicide]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 576 p. (in Russ.)

Leenaars A., Colleagues. Ethical and Legal Issues. In: The International Handbook of Suicide and Attempted Suicide. Eds. K. Hawton, K. van Heeringen. 2000, p. 421–437.

Szasz T. Fatal Freedom: The Ethics and Politics of Suicide. Syracuse, New York, Syracuse Uni. Press, 2002, 177 p.

Szasz T. Suicide as a Moral Issue. *The Freeman*, 1999, vol. 49, p. 41–42. URL: <https://fee.org/articles/suicide-as-a-moral-issue/> (accessed 27.08.2018).

Szasz T. Suicide Prohibition: The Shame of Medicine. Syracuse, New York, Syracuse Uni. Press, 2011, 132 p.

Szasz T. The Theology of Medicine: The Political-Philosophical Foundations of Medical Ethics. Harper Colophon Books, 1977, 170 p.

Winslow F. The Anatomy of Suicide. London, Henry Renshaw, 356, Strand, 1840, 339 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

15.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Антипов Алексей Владимирович, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук (ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия)

Aleksei V. Antipov, Junior Research Associate, Institute of Philosophy RAS (12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation)

nelson02@yandex.ru

УДК 167/168 => 001.378.1:061.6

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-51-65

Дискуссия о *полезности* социально-гуманитарного знания в современной науке (социальные аспекты)

А. М. Аблажей

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проведен анализ места и роли гуманитарных наук в современной структуре научной деятельности с точки зрения *полезности*. Показано, что дискуссии такого рода характерны не только для отечественной, но и зарубежной науки. Приведены примеры обоснования общекультурного, мировоззренческого и узкоутилитарного понимания полезности гуманитарного знания в современном Университете. Сделана попытка предложить собственные трактовки ответа на поставленные вопросы.

Ключевые слова

современная наука, гуманитаристика, полезность, утилитаризм, прагматика, коммерциализация, «эпохальный перелом»

Для цитирования

Аблажей А. М. Дискуссия о *полезности* социально-гуманитарного знания в современной науке (социальные аспекты) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 51–65. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-51-65

© А. М. Аблажей, 2019

Discussion on the *Usefulness* of Social and Humanitarian Knowledge in Contemporary Science (Social Aspects)

A. M. Ablazhey

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The author analyzes the place and role of the humanities in the modern structure of scientific activity from the point of view of utility. You can see that discussions of this kind are characteristic not only of domestic, but also foreign science. There are numerous examples of substantiation of general cultural, ideological and narrowly utilitarian understanding of the usefulness of humanitarian knowledge in a modern university. The conclusion offers our own interpretations of the answer to the posed questions.

Keywords

contemporary science, humanities, usefulness, utilitarianism, pragmatics, commercialization, “epochal break”

For citation

Ablazhey A. M. Discussion on the *Usefulness* of Social and Humanitarian Knowledge in Contemporary Science (Social Aspects). *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 51–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-51-65

Важным признаком последнего десятилетия стала резкая актуализация дискуссии о природе, месте и роли современной науки – в сфере экономики, общественной жизни и культуры. Активное обсуждение таких явлений, как коммерциализация и коммодификация науки, выдвижение ряда новых концепций, призванных обосновать и зафиксировать основные тренды трансформации сферы получения научного знания (в данном случае важна даже не оценка, а констатация самого факта серьезных изменений), привели к появлению общего предмета для дискуссии – тезиса о происходящем «эпохальном переломе» в развитии классической науки (подробнее об этом см.: [Аблажей, 2019]), последствия которого еще только предстоит увидеть. Одна из популярных – концепция «*постмодернистского господства технологий*» (здесь и далее курсив мой. – А. А.). Ее автор, П. Форман (P. For-

man), делая упор прежде всего на *культурный* контекст существования науки, утверждает, что с начала 1980-х гг. мы стали свидетелями «внезапного и резкого смещения в культурных предпосылках, касающихся *взаимоотношений между наукой и техникой*... культурный приоритет науки по отношению к технике, который сохранялся на Западе в течение двух тысяч лет, был инвертирован в пределах удивительно короткого периода времени»¹ [Schiemann, 2011. P. 437].

Еще одна популярная концепция сводится к обоснованию синтеза науки и технологий в виде *технонауки*: в этом случае технология начинает рассматриваться как прикладная наука, а наука – как своего рода прикладная технология, интеллектуальный и физический контроль над которой зависит от технологического модуса мышления. Важно учитывать при этом различие трактовок удачно выбранного термина: если Латур и Харауэй подчеркивают значение технонауки как нового понимания *природы исследования*, предлагающего новые способы действия и взаимодействия, то технонаука в логике постмодерна подчинена в первую очередь интересам *реализации желаемых целей*, которых следует добиваться *любыми средствами* [Nordman, Radder, 2011. P. 11].

Последователи Зимана делают упор на деформации классического этоса науки под влиянием промышленного и предпринимательского секторов. Дж. Зиман, напомним, является автором концепции «*постакадемической науки*», для которой характерен ряд новых признаков, противопоставленных традиционным. Для науки в этом случае будут характерны следующие признаки: а) *частное*, а не общественное благо; б) *локальное*, а не универсальное явление; в) *утилитарно ориентирована*, а не бескорыстна; носит г) *заказной*, а не оригинальный, характер; выполняет скорее д) *экспертную*, а не критическую функцию [Ziman, 2000]. Проведенные нами исследования убедительно подтвердили неоднозначные глубинные последствия коммерциализации для преподавательской и управленческой практики в российских университетах и академических институтах, связанной с уси-

¹ Пер. А. М. Аблажея.

лением влияния неолиберального мировоззрения и политики [Аблажей, 2013].

Мы не случайно начали статью ² с разговора об «эпохальном переломе». По нашему мнению, именно в рамках данного подхода разговор о месте науки в современном мире все чаще начинает сводиться к обсуждению места и роли тех или иных *конкретных* наук. В данном случае более всего нас будут интересовать социальные и гуманитарные дисциплины: то место, которое они занимают в современном университете – в специфическом контексте *полезности*. Обвинения в «бесполезности» гуманитарных дисциплин давно стали общим местом для очень многих представителей естественных и точных наук; о якобы существующем «перекосе» развития системы высшего образования в пользу юридических или экономических специальностей не говорил только ленивый (забывая при этом, что именно они, по сути, спасли многие технические вузы, позволив ввести в начале 1990-х гг. систему платного образования) ³. Вероятнее всего, активизация подобных дискуссий вызвана усилением конкуренции в академической сфере, связанной с утверждением прагматического подхода к образованию со стороны как государства, так и общества. Не пытаясь в одном тексте дать развернутый ответ на подобную критику, вместо этого приведем некоторые аргументы, которые, будем надеяться, помогут прояснить картину.

В 2005 г. представители гуманитарного сообщества Корнельского университета провели «круглый стол», результатом которого стал выпуск небольшого, в сто с небольшим страниц, сборника из восемнадцати эссе, посвященных положению гуманитарных наук в современном университете. Редакторами издания стали проректор вуза Бидди Мартин, проф. Дж. Питер Лепаж, декан Колледжа искусств и наук Гарольд Таннер и Мохсен Мос-тафави, декан Колледжа архитектуры, искусства и планирования. Главная

² В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на V Сибирском философском семинаре (Новосибирск, сентябрь 2016 г.).

³ Один из последних показательных примеров аргументации такого рода см.: [Хеннер, Макарихин, 2019].

цель выпуска книги обозначена во Введении и заключается в поиске ответа на весьма злободневные вопросы: каково положение гуманитарных дисциплин (humanities) в специфическом контексте американских исследовательских университетов? Можно ли квалифицировать их современное положение как кризис? Наконец, ключевой вопрос, вынесенный в название – должно ли гуманитарное знание быть *полезным*, т. е. приносить ощутимую выгоду в утилитарном, чаще всего коммерческом, смысле? По словам Мостафави, представленные в книге эссе являются результатом широких дискуссий о гуманитарных науках и гуманитарном знании, которые велись в стенах Корнельского университета в течение 2005–2006 гг. Он также выразил надежду, что благодаря изданию сборника удастся показать как широкий спектр мнений, так и глубину размышлений о гуманитарных науках, а также инициировать дальнейшее вдумчивое обсуждение данной темы.

Приведем несколько примеров того, как видят современное состояние гуманитарных дисциплин американские коллеги. Автор заглавного текста, давшего название всему сборнику, Д. Бойер, рассуждает о сложности поиска ответа на вопрос, полезны ли гуманитарные науки. С одной стороны, ответ вроде бы очевиден: они полезны *всегда*. С другой, когда мы начинаем ставить более частные вопросы – *как и для кого* они полезны, ситуация усложняется: выясняется, что полезность гуманитарных наук для очень многих людей не является бесспорной истиной. Обсуждая далее возможные ответы на поставленный вопрос, Бойер, подчеркивая факт поразительного многообразия гуманитарных исследований и практик, от философии до гуманистически ориентированных социальных наук, таких как антропология, спрашивает: как можно представить, что такое большое количество людей занимаются бесполезным делом? Естественно, они не согласятся с уничижительным мнением о предмете своих исследований. В то же время, далее Бойер недоумевает и даже испытывает скепсис по поводу отдельных видов гуманистической практики – «они выглядят непонятными, таинственными и эзотеричными...» [Do the Humanities..., 2006. P. 8].

К. Крокер, автор эссе «Вообразите мир, в котором есть только факт», пишет: мы считаем гуманитарные науки полезными, поскольку не сможем выжить без них. Мы были очарованы музыкой прежде, чем узнали, что она может сделать нас умнее, мы не всегда изучаем историю только из-за вытекающей из нее морали, и мы не любим друг друга просто для того, чтобы продолжить человеческий род. Правильно гордиться и радоваться нашим научным достижениям, и не менее правильно выражать искреннюю признательность искусству и истории; «мы благодарны за брошенный нам вызов в виде трудных вопросов и одновременно защищаем наше право на собственные области исследования: не нужно забывать о необходимости красоты, отбрасывая ту или иную книгу просто потому, что в ней нет уравнений» [Do the Humanities..., 2006. P. 28].

Б. де Бэри в эссе «Против прозрачности» выражает уверенность, что сегодня «историкам и философам нужна как надежда, так и сдержанность; это обязательное условие для всех, кто считает себя гуманитариями. Наше понимание того, кем мы являемся, кого и что мы презентуем, расширяется. Новые средства массовой информации распространяют информацию, в том числе визуальную, с такой скоростью и в таком масштабе, которые, кажется, подавляют способности [нашего] восприятия, делающие нас людьми... [Другими словами], полезность гуманитарных наук заключается прежде всего в выполнении важнейшей функции: слушать и говорить о человеке *аккуратно (carefully)*» [Ibid. P. 36].

П. Уве Хохендал, размышляя о книге как явлении культуры в эссе «За любовь к книгам», задается следующими вопросами. Будут ли существовать в будущем привычные нам библиотеки в качестве места *физического* пребывания книги? Как развитие электронных медиа способно повлиять на судьбу книги в целом? По его мнению, становится все более очевидным, что новые средства передачи информации и знания явно меняют мир публикаций, а следовательно, и судьбу печатной книги. Но как это развитие изменит условия труда и в целом практики гуманитарных наук, пока неясно.

Д. Ла Капра, автор эссе «Что важно для гуманитарных наук?», пишет о жизненной необходимости духа либерализма, щедрости и склонности к обмену знаниями, который органически свойственен для гуманитарных наук; не менее важна и другая отличительная черта – знание в этих науках открыто для дебатов.

Рассуждая о ценности (value) гуманитарного знания, К. Мартин указывает, что в своих лучших проявлениях науки о человеке и культуре представляют собой «праздник движения, трансформации и чуда. Гуманистическая критика дает возможность мыслить, открывать и понимать, освобождая нас от негибкости и стереотипов сознания, которые убивают любопытство и ограничивают нас нашими же страхами. Мы возлагаем огромные надежды на технологические инновации и те науки, которые ими движут, как и должно быть... [но] давайте воздадим должное [также] изобретательности языка, искусства и культуры, их способности удерживать пространство друг друга и заставлять нас задумываться не только о наших надеждах, но и ограничениях» [Do the Humanities..., 2006. P. 93].

В эссе с длинным названием «Возвращаясь к моему ноутбуку: технология дизайна, полезность и гуманитарные науки», Ф. Сенгерс предлагает «посмотреть правде в глаза: инжиниринг отлично подходит для разработки оптимизированных решений проблем, для выяснения того, как сделать что-то быстро и эффективно. Но вряд ли он так же хорош, когда нам необходимо выяснить, как те или иные технические решения будут вписываться в жизнь людей. Что будет лично значимым для меня? Как данное устройство будет резонировать с моими ценностями? Как это изменит структуру нашей повседневной жизни? Сможет ли изменить нашу жизнь к лучшему? Для ответов на эти вопросы дизайнеры обращаются именно к гуманитарным наукам» [Ibid. P. 102].

Еще один пример: американская философ М. Нуссбаум в книге, посвященной судьбе гуманитарного знания в современной культуре (несколько лет назад переведенной на русский язык), подчеркивает такой немаловажный аспект, свойственный именно гуманитарным наукам, как воспитание независимого, критического мышления, которое «вероятно, не будет иг-

рать важную роль в образовании, нацеленном на экономический рост... Наличие у студентов независимого мнения опасно, когда необходимо получить группу технически обученных, послушных специалистов, которые могли бы воплощать в жизнь планы элиты, стремящейся привлекать иностранные инвестиции и развивать технологии. В этом случае критическое мышление будет лишним» [Нуссбаум, 2014. С. 38].

Марк Уолден, профессор Университета Северной Каролины, автор универсального синтетического учебного курса в области гуманитарных наук HUMIS ⁴, также обращается к вопросу о том, насколько важна гуманитаристика для все более технологичного мира в условиях, когда области, которым сегодня уделяется наибольшее внимание – специализированные дисциплины STEM (наука, технология, инженерия и математика): «поощрение исследований здесь, безусловно, имеет логический смысл и потребность в выпускниках в этой области будет продолжать расти... Нет сомнений в том, что технология управляет экономикой, и ее возможности будут только расширяться в будущем». Пытаясь рассуждать рационально и прагматично, Уолден пишет далее: «...есть мнение, что по мере того, как технологии будут становиться все более изощренными и все более распространенными, обучение гуманитарным наукам на самом деле станет более – не менее! – ценным. С технологиями, которые занимают все больше и больше нашей жизни, мы стали более ориентированными на машины и менее ориентированными на человека... люди теряют способность общаться с другими на личной основе. А в деловом мире, особенно на уровне менеджмента, межличностное общение лицом к лицу по-прежнему жизненно важно. Большинство важных решений по-прежнему принимаются именно так. Люди, обучающиеся в области гуманитарных наук, благодаря изучению литературы, языка, истории и выражению идей и чувств в искусстве, имеют опыт, соответствующий этой потребности... [плюс к этому] применение технологий следующего уровня потребует культурных изменений, и разработчики новой технологии должны будут понять этот куль-

⁴ URL: <https://cals.ncsu.edu/news/you-decide-are-the-humanities-still-useful-in-a-tech-world/> (accessed 10.06.2019).

турный сдвиг, чтобы добиться успеха. Ряд исследований свидетельствуют о новом понимании полезности гуманитарных экспертов в современной высокотехнологичной экономике. Многие компании обнаружили, что гуманитарные специальности делают отличных менеджеров и лиц, принимающих решения».

Алисса Волкер в эссе «Почему гуманитарные науки важны как никогда прежде?»⁵ также рассуждает о важности гуманитарного знания, гуманитаристики в широком смысле в наше рациональное время. По ее мнению, именно изучение философии, истории, литературы до музыки, искусства, социологии, психологии и антропологии, т. е. всего спектра гуманитарных наук – делает нас людьми. Противопоставление *science* как главным образом естественно-научного знания и *humanaties*, т. е. гуманитарного знания, традиционно в истории западной цивилизации и во многом объясняет мир вокруг нас. Но если гуманитарные науки так важны, почему они так недооценены? Потому что трудно оценить то, как мы обрабатываем человеческий опыт, трудно определить траекторию вашей карьеры с гуманитарным образованием. Гуманитарные науки трудно определить количественно, именно поэтому они важнее, чем когда-либо. Далее она пытается выделить причины критической важности гуманитарного знания для современной цивилизации. Среди них: целью гуманитарных наук является развитие личности, развитие гражданина; противоположностью гуманитарных наук является невежество; технологии привлекают людей тем, что технические дизайнеры понимают людей, а для понимания людей требуется глубокое знание гуманитарных наук; наконец, они позволяют интерпретировать мир по-разному, мы имеем возможность понять другую точку зрения, даже если мы с ней не согласны.

Таковы рассуждения зарубежных коллег. Теперь обратимся к российскому контексту. Для начала – небольшой пример из собственной исследовательской биографии автора. Несколько лет назад мне довелось быть исполнителем проекта по заказу властей одного из сибирских регионов.

⁵ URL: <https://www.masterstudies.com/article/Why-the-Humanities-Are-More-Important-Than-Ever/> (accessed 10.06.2019).

Проект касался оценки перспектив развития системы высшего образования. Одним из обязательных элементов технического задания по проекту было наличие выгоды и практических рекомендаций для системы управления. Вопрос – правильно ли это? Должны ли ученые давать рекомендации, причем зачастую практически-управленческого характера? Или их дело – изучить ситуацию, показать возможные направления развития, обрисовать контекст, в границах которого предстоит принимать и исполнять те или иные управленческие решения? Это, на мой взгляд, вопрос, не имеющий однозначного ответа. В известном смысле подобная ситуация – яркий пример усиления тенденций *коммодификации* социально-гуманитарного знания, роста удельного веса утилитарных аспектов, тогда как в соответствии с классическим представлением о науке она является социальным институтом, где высшей ценностью всегда считалась свобода поиска.

Одной из ярких черт, характеризующих положение науки и ученых в нынешней социальной иерархии, стало невнимание к их нуждам и непонимание возможностей науки со стороны региональных властей. По мнению наших собеседников из сибирских регионов, власть на местах, совершенно не понимая роли и значения науки, не считает нужным проводить обсуждение тех или иных проблем с участием ученых: *«В республике вообще такое отстраненное отношение к науке... все делают вид, что науки нет, но она, тем не менее, есть и развивается абсолютно автономно»*⁶. Когда того же собеседника попросили сравнить нынешние взаимоотношения власти и научного сообщества с теми, которые были характерны для советского периода, то выяснилось, что в то время они были гораздо более конструктивными: *«В советский период статус науки был выше за счет партии, потому что мы контактировали с обкомом партии, и они как раз признавали знания, пользовались очень часто... естественно, что наши работники постоянно писали всевозможные доклады. Что касается моих личных впечатлений, то я чувствовала, что мое мнение интересно. Сейчас это никому не интересно вообще; средства массовой информации*

⁶ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из экспертных полуструктурированных интервью, проведенных автором в разные годы в научно-образовательных центрах Сибири.

тоже не очень активно интересуются нашим мнением... К нам власть никакого интереса не проявляет, это абсолютно точно». Положение не спасают даже те люди из властных органов, которые сами прошли через аспирантуру и защитили диссертации, увеличив тем самым свой социальный капитал. Почему так происходит? По мнению одного из опрошенных нами ученых, связано это с тем, что *«просто по пальцам можно перечесть тех, кто понимает, что такое наука, т. е. они сами прошли вот это все, не получили готовое»*. Очевидно, что эти люди, рассматривая науку только как удобную ступеньку в карьере, не в состоянии были усвоить истинные ценности, свойственные научному сообществу: *«...если говорить о настоящей науке, то по сути это бессеребренничество и полная отдача. Тогда только можно говорить, что этот человек ученый»*. Такого рода идеи вряд ли актуальны для человека, выбравшего бюрократическую карьеру.

Еще один вариант реакции на запрос полезности со стороны общества – это внедрение так называемых *гуманитарных технологий* (под которыми в соответствии с одним из определений, понимаются «приемы, методы и средства трансляции и реализации управленческих решений, опирающиеся на ценностный пласт сознания индивидов и групп»). Другими словами, мы фактически отходим от образа мышления, свойственного представителям наук о культуре и человеку, пытаюсь мыслить как технократ. Правильно ли это? – большой вопрос.

В одном из проведенных нами опросов ученых ставилась задача выяснить, как сами ученые оценивают перспективы развития науки в стране, учитывая тот факт, что одной из задач инициированной и проводимой органами государственной власти, прежде всего бывшим министерством образования и науки, реформы сферы науки, как академической, так и вузовской, выступает ее ускоренная коммерциализация, встраивание в систему рыночных отношений. Результаты проведенного несколько лет назад опроса убедительно доказывают: отношение самих ученых к данному процессу скорее отрицательное. Лишь около 30 % исследователей в области социогуманитарных дисциплин отмечали в целом позитивное влияние

процесса коммерциализации, понимаемой как приспособление к рыночным условиям, на положение науки. В то же время остальные 70 % оценили его либо как крайне негативный процесс, либо как по большей части негативный. Этот факт подтверждает мнения большинства экспертов в том, что *«наука как бизнес (или политика, или ремесло) имеет мало общего с наукой как призванием. Как мало общего между использованием идей и их генерацией»*. Анализ мнений членов провинциальных гуманитарных сообществ о том, какие факторы заставляют их в сложившихся условиях сохранять верность науке, показывает, что ведущую роль играет такой мотив, как любовь к своей профессии, работе; желание быть нужным, полезным обществу. Лишь явное меньшинство остаются в науке потому, что не могут найти более подходящего места, равно как и боятся остаться без работы. Значительная часть ученых все еще сохраняет надежду на позитивные изменения; многих удерживает в науке тот коллектив, в котором они работают, даже несмотря на то, что материальное обеспечение оставляет желать лучшего.

Британский социолог Лори Тейлор, обозреватель университетской жизни в «Times Higher Education Supplement», несколько лет назад писал о том, что в наши дни университетский кампус стал местом столкновения двух фундаментальных ценностей – прагматизма и духовности, аудиторов и интеллектуалов. И если попробовать сформулировать наше мнение о *полезности* гуманитарного знания, то оно может быть сведено к следующим пунктам.

Полезность социогуманитарного знания с точки зрения интересов государства – может быть понята как возрождение, в известном смысле, советской традиции – как *реализация идеологического заказа*. И потенции к этому есть. Пример: руководитель вновь созданного гуманитарного направления в одном из российских национальных *исследовательских* университетов прямо заявил, правда, в частном разговоре, что его главная задача – вовсе не развитие научной составляющей, а подготовка идеологов. Это и будет прямым выполнением государственного заказа. Еще пример из этой серии: несколько лет назад Институт социологии выиграл конкурс

на выполнение крупного госзаказа – речь идет о пресловутых «духовных скрепах». Казалось бы, демонстрация полезности налицо, но многие ли гуманитарии согласятся с такой позицией?

Полезность с точки зрения университетского менеджмента – сугубо утилитарная польза в виде выполнения формальных показателей по цитируемости и привлечения платных студентов. Подобная линия также представлена.

Наконец, полезность с точки зрения самого сообщества и защиты идеи университетской автономии. С этой точки зрения одна из главных функций гуманитария в университете, и прежде всего по отношению к представителям естественных и точных наук – занимать критическую позицию, задавать им неудобные вопросы, так скажем, мировоззренческого характера – зачем? для чего? каковы последствия вашего открытия для человека? Яркий пример подобного рода структуры – Европейская комиссия по биоэтике, в состав которой входят не только биологи и врачи, но и представители гуманитарных наук (долгие годы ее членом был известный российский философ-научковед Б. Г. Юдин).

Именно представители гуманитарных наук должны, наряду с коллегами с других университетских кафедр, выступить активными проводниками идеи (и в этом смысле следует вспомнить Канта и его «Спор факультетов») – идеи того, что перед университетом стоит задача определения направлений его развития, для чего необходима максимальная диверсификации источников развития – как условия сохранения его в качестве уникального образовательного и научного института, которым он всегда являлся. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет только об увеличении удельного веса средств, полученных в качестве платы за обучение – как правило, эти средства концентрируются в руках ректората и становятся лишь дополнением к бюджетным деньгам. Речь идет об увеличении доли тех доходов и того влияния, на которые отсутствует право монопольного распоряжения со стороны руководства вуза. Это могут быть средства ассоциаций выпускников, эндаументы и т. д. Заметный рост такого рода доходов неизбежно приведет к усилению влияния тех же попечительских сове-

тов в качестве параллельных органов если не оперативного управления вузом, но определения стратегических целей и источников его развития, которые, при внушительных объемах параллельного финансирования (речь идет, естественно, о государственных вузах), вполне могут выступать на равных как с университетской, так и государственной бюрократией. Наличие же пусть мощного, но занимающего монопольное положение источника финансирования (в нашем случае – государственных средств по линии профильного министерства) и соответствующих практик и институций их распределения неизбежно приводит к эрозии университетской демократии, отстранению преподавательского community от участия в действительно важных делах вуза и в конечном счете ухудшению качества образования и самой идеи Университета.

Список литературы / References

- Аблажей А. М.** Трансформации института науки в современных условиях: анализ исследовательских подходов // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 2, ч. 1. С. 44–62.
- Ablazhey A. M.** Transformatsii instituta nauki v sovremennykh usloviyakh: analiz issledovatel'skikh podkhodov [Transformations of Science in the modern conditions: analysis of the research approaches]. *Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, no. 2, part 1, p. 44–62. (in Russ.)
- Аблажей А. М.** «Постакадемическая наука»: зарубежные дискуссии и российский опыт // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 2. С. 42–48.
- Ablazhey A. M.** “Postakademicheskaya nauka”: zarubezhnye diskussii i rossiiskii opyt [Post-academic science: foreign discussions and Russian experience]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 42–48. (in Russ.)
- Нуссбаум М.** Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014. 192 с.

Nussbaum M. Ne radi pribyli. Zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki [Not for Profit. Why Democracy Needs the Humanities]. Moscow, HSE Publ., 2014, 192 p. (in Russ.)

Хеннер В., Макарихин И. Техническая деградация // Эксперт. 2019. № 20. С. 36–40.

Henner V., Makarikhin I. [Tehnicheskaya degradatsiya [Technical degradation]. *Expert*, 2019, no. 20, p. 36–40. (in Russ.)

Do the Humanities have to be useful. Cornell Uni. Press, 2006. 118 p.

Nordmann G., Radder H. (eds.) Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break. University of Pittsburgh Press, 2011, 232 p.

Schiemann G. An Epoch-Making Change in the Development of Science? A Critique of the “Epochal-Break-Thesis”. M. Carrier. A. Nordmann (eds.). Science in the Context of Application. *Boston Studies in the Philosophy of Science*, 2011, vol. 274, p. 431–453.

Ziman J. Real Science: What It Is, and What It Means. Cambridge Uni. Press, 2000, 412 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Аблажей Анатолий Михайлович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Anatoly M. Ablazhey, Candidate of Science (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ablazhey63@gmail.com

УДК 167 + 30

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-66-82

Принцип дополнительности в исследовании связи языка, мировоззрения и картины мира

Л. Б. Сандакова

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается проблема эпистемологического статуса принципа дополнительности в социогуманитарных исследованиях. Уточняется содержание принципа дополнительности и возможности его применения с точки зрения его методологической значимости для изучения взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира. Показано, что аутентичное применение принципа возможно в рамках конструкционистской гносеологической модели при условии соблюдения ряда методологических требований к организации исследовательского процесса. Для соотнесения дополняющих языков описания в обозначенной проблемной области продуктивным представляется междисциплинарный понятийный аппарат культурологии.

Ключевые слова

принцип дополнительности, методология науки, конструкционистская гносеологическая модель, междисциплинарные исследования, понятийный аппарат культурологии

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»)

Для цитирования

Сандакова Л. Б. Принцип дополнительности в исследовании связи языка, мировоззрения и картины мира // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 66–82. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-66-82

© Л. Б. Сандакова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3

Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Principle of Complementarity in the Research of the Links between Language, World View and Picture of the World

L. B. Sandakova

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the problem of the epistemological status of the complementarity principle in socio-humanitarian studies. It clarifies the content of the principle of complementarity and the possibility of its application from the point of view of its methodological significance for studying the interdependence of language, world view and the picture of the world. It is shown that the authentic application of the principle is possible within the framework of a constructionist epistemological model, subject to a number of methodological requirements for the organization of the research process. To correlate the complementary description languages in the designated problem area, the interdisciplinary conceptual apparatus of cultural studies seems productive.

Keywords

complementarity principle, methodology of science, constructionist epistemological model, interdisciplinary research, conceptual apparatus of cultural studies

Acknowledgements

The research was supported by RFBR (project № 18-011-00223)

For citation

Sandakova L. B. Principle of Complementarity in the Research of the Links between Language, World View and Picture of the World. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 66–82. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-66-82

В современном социогуманитарном познании все чаще возникает потребность в обращении к парадигмально различным исследовательским подходам. Эта тенденция связана, помимо прочего, с утверждением в науке конструкционистской гносеологической модели (2-я ОГМ) [Брянник, 2003]. Признавая условный / относительный характер отдельных парадигм и связанных с ними познавательных стратегий, исследователь стремится к соотнесению концептуальных моделей объекта, ищет способ построения более

полной картины действительности. В методологическом плане решение подобных задач достаточно проблематично. Как отмечают В. С. Диев, В. Н. Руденко, В. В. Целищев, «...зачастую непроходимыми остаются междисциплинарные границы. Более того, даже в рамках одной дисциплины нередко имеет место огромное множество мелких разрозненных исследований, выполненных в разных парадигмах, никак не соотносящихся между собой» [Диев и др., 2012. С. 5]. В целом ряде социогуманитарных исследований для реализации задач соотнесения различных концепций, подходов и парадигм используется принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором в физике.

Принцип дополнительности предполагает, что «для воспроизведения целостности исследуемого объекта» применяются «“дополнительные” классы понятий, которые, будучи взяты раздельно, могут взаимно исключать друг друга» [Порус, 1997. С. 107]. Возникший в дискуссиях и размышлениях о специфике квантовой механики и особенностях интерпретации ее результатов, принцип дополнительности не имеет строгой и полной формулировки. Комплекс связанных с ним постулатов и идей оказывается открытым для различных толкований и практик использования в научном и философском познании. Соответственно, эпистемологическая оценка роли и статуса принципа, как справедливо отмечает А. Б. Макаров, образует широкий спектр «от безоговорочного признания его в качестве общенаучного и общефилософского принципа, его утверждения как базового методологического принципа неклассической теории познания, до полного отрицания его значения как в науке, так и в философии» [2012. С. 98–99].

На предыдущем этапе исследования проблемы взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира нами была выдвинута гипотеза о методологической значимости принципа дополнительности [Сандакова, 2018], вследствие чего мы посчитали необходимым ее обоснование и уточнение параметров применимости данного принципа. В соответствии с этой целью в статье поставлены следующие задачи: 1) уточнение содержания принципа дополнительности с точки зрения его методологической значимости для социогуманитарных исследований; 2) рассмотрение возможно-

сти применения принципа дополнительности в исследовании взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира.

**Уточнение содержания принципа дополнительности
с точки зрения его методологической значимости
для социогуманитарных исследований**

На стадии своего оформления, в общем виде принцип дополнительности утверждал, что для полного описания явления в квантовой механике необходимо использование как волновых, так и корпускулярных характеристик, обнаруживаемых с помощью принципиально различных приборных устройств. Н. Бор связывал принцип дополнительности с «трудностями образования человеческих понятий, возникающими из разделения субъекта и объекта» [1971. С. 53], и предполагал его широкую методологическую значимость, указывая, например, на дополнительную детерминистского и телеологического объяснения в биологии и возможность использования принципа в понимании взаимодействия культур и общественных укладов [Там же. С. 398].

Идея дополнительности действительно оказалась достаточно востребованной в языкознании, социологии, культурологии. Например, в лингвистику принцип дополнительности был перенесен Р. Якобсоном, когда он рассматривал разграничение исследовательских позиций «с точки зрения отправителя сообщения» и «с точки зрения его получателя» [Алпатов, 2016. С. 218]. Сам Н. Бор тоже подчеркивал дополнительную в языковой деятельности человека, поскольку «глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга» [1971. С. 398]. В семиотике и культурологии Ю. М. Лотман указывал на дополнительную индивидуальных и групповых культурных различий, определяющих творческий (недетерминированный) характер культурного бытия человека, а также разных взглядов-проекций на один и тот же объект в процессе коммуникационного взаимодействия [1992. С. 44–45]. М. М. Бахтин также понимает дополнительную как диалог [1979. С. 372]. В. С. Биб-

лер, размышляя над «сдвигом» феномена культуры XX в. в «средоточие человеческого бытия», отмечал «дополнительность взаимоисключающих определений жизни нашего духа» [1991. С. 267–268]. М. А. Розов, размышляя о значимости рассматриваемого принципа в гуманитарных науках, указывал неустранимость явления дополнительной, поскольку «попытки дать максимально точное описание феноменологии деятельности несовместимы с точным описанием механизма и наоборот» [1995. С. 208].

Постепенно принцип дополнительной в социогуманитарном знании приобретает весьма широкую трактовку и утрачивает свою методологическую определенность. Так, в работах последних двух десятилетий можно встретить понимание данного принципа как комплексного подхода, позволяющего соединять различные взгляды, концепции в решении каких-либо исследовательских задач и проблем (см.: [Маклакова, Стернин, 2013; Исупова, 2013; Ермилин, 2010] и др.). Часто принцип дополнительной фигурирует в культурологических исследованиях вместе с идеей комплементарности. Например, С. В. Фатеева исследует комплементарность как общекультурную форму существования и развития экономических и социальных феноменов на основе философско-культурологического осмысления принципа дополнительной [2006]. К принципу дополнительной апеллируют и в случае необходимости удержания в исследовательском поле противоположно действующих социокультурных феноменов и механизмов, и в случае противоположности исследовательских методологий. Например, С. Г. Кирдина строит концепцию институциональных матриц на идее комплементарного (дополнительного) характера социальных и экономических институтов, основанных на коммунарных и индивидуальных парадигмах [2014]. В. М. Алпатов, размышляя над тенденциями развития современной лингвистики и подчеркивая противоположность методологий «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма», делает вывод о том, что здесь «мы имеем дело с принципом дополнительной» [2016. С. 218]. Логике дополнительной отвечает также дискуссионное развитие концепции коммуникативной рациональности, отвечающей современным запросам поликультурной социальной реальности [Коммуникативная рациональность, 2009. С. 5].

В методологических исследованиях, посвященных принципу дополнительности в социогуманитарном познании, звучит справедливое требование о необходимости обращать внимание на корректность переноса данного принципа в другие исследовательские области, дабы не утратить его эвристический потенциал [Виноградов, 2013; Макаров, 2012; Мушич-Громыко, 2010; Порус, 1997]. Очевидно, что при широкой и неопределенной трактовке рассматриваемый принцип можно легко приспособить для оправдания эклектичности в организации исследования и представления результатов. Поэтому следует специальным образом обозначить основные требования к его применению в социогуманитарном познании.

Во-первых, необходимо отметить, что в работах, признающих общенаучное значение принципа дополнительности, прослеживаются две разные тенденции. Некоторые исследователи склонны к онтологизации принципа, связывая его с противоречивой природой самого исследуемого объекта. Здесь обнаруживает себя логика объективистско-реалистской гносеологической модели (1-я ОГМ) [Брянник, 2003]. В гносеологической же модели конструкционистского толка (2-я ОГМ) «запрет на онтологизацию квантового явления» признается «смысловым стержнем позиции Бора» [Макаров, 2012]. Думается, что именно в этой трактовке постулаты и идеи принципа дополнительности отвечают методологии неклассической науки. Для аутентичного методологического переноса правильнее все же сохранять эпистемологический контекст формирования и утверждения принципа. Здесь становится понятным и утверждение В. Н. Поруса о необходимости различения диалектического противоречия и принципа дополнительности¹. Диалектический подход монистичен в своей основе и заранее предполагает возможность снятия противоречия на следующем этапе развития понятия / сущности. И это объективистская модель познания. Конструкционистская же модель строится на отказе от идеи тождества реальности и представления о ней, полученного в процессе познания. Поэтому она преодолевает

¹ Порус В. Н. Принцип дополнительности // Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция 23.04.2019). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6958>

противоречие исследовательских программ посредством использования принципа дополнительности, «купируя» это противоречие. Подобную позицию можно обнаружить у И. Лакатоса и К. Поппера [Макаров, 2012. С. 106]. В связи с этим следует указать на возможность корректного использования принципа дополнительности в случае исследовательской работы с позиций конструкционистской гносеологической модели.

Во-вторых, принцип не следует отождествлять с подходом, даже если они имеют сходные идеи. Подходом принято обозначать целый комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов, характеризующих стратегии и программы деятельности в различных областях, в том числе и познавательной в науке и философии. Принцип же, являясь постулатом или утверждением, лежащим в основе некоторой организации деятельности, в познании выполняет функцию логической организации какого-то специально-научного содержания. Принцип дополнительности – синтагматическая составляющая полипарадигмального и комплексного подходов, которые широко используются в современных гуманитарных исследованиях. Он не исчерпывает собой значимости других принципов и, согласимся с позицией В. Н. Поруса, становится необходим, когда «дополняющие друг друга описания определенной реальности, будучи отторгнуты друг от друга, не только не дают целостного описания, но и могут вступить в противоречие с фактами, если претендуют на целостность, а не включают признание своей принципиальной неполноты. Можно даже сказать, что эти описания образуют сопряженную смысловую пару» [Порус, 1997. С. 111].

В-третьих, необходима формулировка ключевых положений принципа, которые, с одной стороны, позволяют использовать его методологический потенциал в различных областях знания, с другой стороны, не допускают эклектики и необоснованного релятивизма. В качестве таковых могут быть обозначены следующие положения: 1) о роли макроприбора (определяется специфика инструментов исследования и чувствительность объекта к исследовательской процедуре); 2) о целостности микрообъекта (в социальных исследованиях признается целостность индивидуальности, личности, ситуации); 3) о целостности научного эксперимента (признается и учиты-

вается связь характера эксперимента, инструментария, исследователя, исследуемого); 4) о различии языков описания дополняющих друг друга характеристик (принимается во внимание различие языков количественного и качественного исследования, языков структурно-функционального анализа и аксиологической интерпретации и т. п.) [Алексеев, 1978; Макаров, 2012].

Учитывая обозначенные требования к реализации принципа дополнительности, рассмотрим возможности его применения в исследовании взаимообусловленности языка, мировоззрения и картины мира.

**Исследовательские программы,
находящиеся в отношении дополнительности.
Междисциплинарные понятия,
позволяющие соотносить дополняющие описания**

Человеческий способ бытия в мире обнаруживает весьма специфический характер, объединяя качества и свойства, представляющиеся нам противоположными: биологическое и духовное, коллективное и индивидуальное, репродуктивное (воспроизводящее общезначимость) и творческое (создающее новые смыслы), объективное и субъективное. Эти параметры человеческого бытия не могут быть сведены друг к другу (существующие попытки вряд ли можно считать успешными) и находятся в отношении дополнительности. Для их изучения в науке формируются различные исследовательские стратегии, так же «образующие смысловую пару» (В. Н. Порус). Проблема их демаркации или попытки объединения становится предметом размышления в методологии науки, начиная с работ неокантианцев и В. Дильтея. В лингвистике, например, можно говорить о методологических дихотомиях «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма», «системоцентризма» и «антропоцентризма» [Алпатов, 2016]. В исследовании социальных процессов выделяют нормативную и интерпретативную парадигму [Ромм, 2003], методологический индивидуализм и институционализм [Кирдина, 2013] и т. д.

Для изучения сложной, динамической взаимосвязи языка, мировоззрения и картины мира мы можем пользоваться инструментами парадигмально различных исследовательских стратегий. Например, для изучения установок культуры², можно использовать методы герменевтического анализа и социологические инструменты [Абрамова и др., 2015]. С одной стороны, изучается смысловое культурно-значимое содержание установки (аксиологическое, прагматическое), с другой, ее представленность в социуме (количественные показатели). Герменевтическая методология не показывает включенность установки в социальную жизнь. Тогда как ее распространенность в социуме не дает представления о содержании его культурно-значимых смыслов. Поэтому данные этих исследований находятся в отношении дополнительности. В таком же отношении будут находиться, например, изучение культурных установок как констант культуры в их диахроническом аспекте (лингвокультурологическая школа Ю. С. Степанова) и анализ конкретной социокультурной ситуации реализации установки определенным социальным субъектом. Необходимо только четко отслеживать в методологической разработке исследования обозначенные выше положения принципа дополнительности.

Языки представления результатов, полученных посредством дополняющих друг друга стратегий познания, будут различны. Но их возможно соотнести в исследовательском поле, формируемом междисциплинарными понятиями. Задачам исследования связи языка, мировоззрения и картины мира в наибольшей степени отвечают понятия, разрабатываемые в лингвокультурологии: языковая картина мира, лингвокультурный фон, культурные установки, лингвокультурный концепт, лингвокультурема, прецедентные феномены.

Понятие «языковая картина мира» введено продолжателем традиции Гумбольдта в языкознании Лео Вайсгербером. В отечественной науке разработкой понятия занимались В. Н. Телия (1988), Ю. Д. Апресян (1995),

² В. Н. Телия показывает, что данное понятие фиксирует одну из форм сложной взаимосвязи языка, индивидуального мировоззрения и сформированной в культуре картины мира [1999].

Е. С. Яковлева (1994) и др. *Языковая картина мира* задает образцы интерпретации воспринимаемого и участвует в познании мира, его оценке, влияет на процессы приобретения культурного опыта через выделение и обозначение ситуаций и событий. *Лингвокультурный фон* – это закрепленные в языке фоновые знания, обозначающие исторические события и явления социальной жизни, значимые для той или иной культуры. Эти фоновые знания можно обнаружить как фразеологизмы, топонимы (общекультурно значимые географические названия), антропонимы (имена людей) и т. д. Под *культурными установками* понимаются ценностные представления и идеалы, которые общезначимы в данной культуре, но при этом не имеют обязательного характера [Телия, 1999]. Важным для возможности соотнесения образных, понятийных и ценностных характеристик различных элементов мировоззрения или картины мира в их соотнесении с культурой и языком, является понятие *лингвокультурный концепт*. Под концептом принято понимать некоторую мыслительную единицу, содержание которой вмещает совокупность знаний по определенной теме (тема, как правило, и является именем концепта). Анализ лингвокультурного концепта позволяет говорить о доминантных признаках языкового сознания применительно к данному концепту, о субконцептах (вариантах смыслового наполнения концепта) и фреймах, а также о восприятии концепта через призму аксиологических характеристик (в синхронии и диахронии) [Карасик, 2008]. Понятие *лингвокультурема* введено В. В. Воробьевым для обозначения концептов с особой ценностной значимостью. Призвано аккумулировать в себе собственно языковое представление и связанную с ним внеязыковую культурную среду [2006]. Достаточно перспективными для изучения динамики и процессов трансформации языковой картины мира являются *прецедентные феномены*. Этим понятием обозначаются «высказывания, ситуации, тексты и имена, которые 1) хорошо известны всем представителям языкового сообщества, 2) значимы в познавательном и эмоциональном плане, 3) обращение к ним постоянно возобновляется среди членов языкового сообщества» [Красных, 2002. С. 44–45]. Поскольку они могут быть универсальными, национальными и социумными (группо-

выми) [Там же], их исследование позволяет обнаруживать структурное многообразие языковой картины мира и связанных с ней мировоззрений.

Выводы

Корректное применение принципа дополнительности в социогуманитарных исследованиях возможно и перспективно, но требует методологической осторожности: 1) аутентичное применение принципа возможно в рамках конструкционистской гносеологической модели; 2) отношение дополнительности приводимых данных и используемых исследовательских программ должно быть явно обнаружено; 3) применение принципа не должно приводить к эклектике и релятивизации знания. Для этого необходимо соблюдение ряда методологических установок. Сложность, возникающая из-за различия языков описания дополняющих друг друга характеристик изучаемого объекта, может сниматься посредством обращения к междисциплинарным понятиям.

Для изучения сложной, динамической взаимосвязи языка, мировоззрения и картины мира мы можем пользоваться инструментами парадигмально различных исследовательских стратегий, а для соотнесения языков описания продуктивным представляется междисциплинарный понятийный аппарат культурологии.

Список литературы / References

- Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Этнокультурная и региональная специфика формирования отношения молодежи к материальным ценностям // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, № 1. С. 85–91.
- Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Etnokul'turnaya i regional'naya spetsifika formirovaniya otnosheniya molodezhi k material'nym tsennostyam [Ethnocultural and regional specificity of the for-

mation of the attitude of young people to material values]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 85–91. (in Russ.)

Алексеев И. С. Концепция дополнительности: Историко-методологический анализ. М.: Наука, 1978. 276 с.

Alekseev I. S. Kontseptsiya dopolnitel'nosti: Istoriko-metodologicheskii analiz [The concept of complementarity: Historical and methodological analysis]. Moscow, Nauka, 1978, 276 p. (in Russ.)

Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 198–220.

Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka [Two approaches to the study of language]. *Istoriya i sovremennost [History and Modernity]*, 2016, no. 1 (23), p. 198–220. (in Russ.)

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.

Bachtin M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [To the methodology of the humanities]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, p. 361–373. (in Russ.)

Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 267–268.

Bibler V. S. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek [From science to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century]. Moscow, 1991, p. 267–268. (in Russ.)

Бор Н. Избранные научные труды. М.: Наука. 1971. Т. 2: Статьи 1926–1961 гг. 675 с.

Bor N. Izbrannyye nauchnye trudy [Selected scientific works]. Moscow, Nauka, 1971, vol. 2: Articles 1926–1961, 675 p. (in Russ.)

Бряник Н. В. Введение в современную теорию познания: Учеб. пособие. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 288 с.

Bryanik N. V. Vvedenie v sovremennuyu teoriyu poznaniya [Introduction to Modern Theory of Knowledge]. Study Guide. Moscow, Akadem. Proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2003, 288 p. (in Russ.)

Виноградов А. И. Социальный субъект в свете принципа дополнительности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2013. № 3. С. 38–44.

Vinogradov A. I. Sotsial'nyi sub'ekt v svete principa dopolnitel'nosti [Social subject in the light of the complementarity principle]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2013, vol. 3, p. 38–44. (in Russ.)

Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006. 330 с.

Vorobiev V. V. Lingvokulturologiya [Lingvoculturology]. Moscow, RUDN Publ., 2006, 330 p. (in Russ.)

Диев В. С., Руденко В. Н., Целищев В. В. Объединяя усилия в исследовании социальных процессов // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 3. С. 5.

Diev V. S., Rudenko V. N., Celishhev V. V. Ob'edinyaya usiliya v issledovanii social'nykh protsessov [Combining efforts in the study of social processes]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 3, p. 5. (in Russ.)

Ермилин А. И. Принцип дополнительности как основа становления единого пространства школьного и дополнительного научного образования // Гуманизация образования. 2010. № 2. С. 20–28.

Ermilin A. I. Printsip dopolnitel'nosti kak osnova stanovleniya edinogo prostranstva shkol'nogo i dopolnitel'nogo nauchnogo obrazovaniya [The principle of complementarity as the basis for the formation of a single space of school and additional scientific education]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of Education], 2010, vol. 2, p. 20–28. (in Russ.)

Исупова М. М. Принцип дополнительности в лингвистическом исследовании // Армия и общество. Науч.-инф. журн. 2013. № 5 (37). С. 87–93.

Isupova M. M. Printsip dopolnitel'nosti v lingvisticheskom issledovanii [The principle of complementarity in linguistic research]. *Armiya i obshchestvo. Nauchno-informatsionnyi zhurnal* [Army and Society. Scientific Information Journal], 2013, no. 5 (37), p. 87–93. (in Russ.)

Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. науч. тр. Серия: Теория и история языкознания. М.: Изд-во Ин-та науч. инф. по общественным наукам РАН, 2008. С. 127–155.

Karasik V. I. Lingvokul'turnye kontsepty: podkhody k izucheniyu [Linguo-cultural concepts: approaches to learning]. In: Sociolingvistika vchera i segodnya [Sociolinguistics yesterday and today: collection of scientific papers]. Series: Theory and history of linguistics. Moscow, 2008, p. 127–155. (in Russ.)

Кирдина С. Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66–89.

Kirdina S. G. Metodologicheskii individualizm i metodologicheskii institutsionalizm [Methodological individualism and methodological institutionalism]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2013, vol. 10, p. 66–89. (in Russ.)

Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М.; СПб.: Нестор-История. 2014. 468 с.

Kirdina S. G. Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu [Institutional matrices and the development of Russia. Introduction to the X-Y-theory]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, 468 p. (in Russ.)

Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / РАН, Ин-т философии; отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М.: ИФРАН, 2009. 215 с.

Kommunikativnaya ratsional'nost': epistemologicheskii podkhod [Communicative rationality: an epistemological approach]. Moscow, IFRAN Publ., 2009, 215 p. (in Russ.)

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsii [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. Moscow, Gnozis Publ, 2002, 284 p. (in Russ.)

Лотман Ю. М. Феномен культуры // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 34–45.

Lotman Yu. M. Fenomen kul'tury [Culture phenomenon]. In: Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i. In 3 vols. Tallin, Aleksandra Publ, 1992, vol. 1: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury [Articles on semiotics and topology of culture], p. 34–45. (in Russ.)

Макаров А. Б. Принцип дополнительности Н. Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник ИФиП Урал. отделения РАН. Екатеринбург, 2012. Вып. 12. С. 98–109.

Makarov A. B. Printsip dopolnitel'nosti N. Bora i problema ego statusa [The complementarity principle of N. Bohr and the problem of his status]. In: Nauchnyi ezhegodnik IFiP Ural'skogo otdeleniya RAN [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Ekaterinburg, 2012, vol. 12, p. 98–109. (in Russ.)

Маклакова Е. А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семиологии. Воронеж: Истоки, 2013. 272 p.

Maklakova E. A., Sternin I. A. Teoreticheskie problemy semnoi semasiologii [Theoretical problems of semisiology]. Voronezh, Istoki Publ, 2013, 272 p. (in Russ.)

Мушич-Громыко В. Г. Методологические возможности принципа дополнительности в формализованных и неформализованных знаниях: Дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2010. 183 с.

Mushich-Gromyko V. G. Metodologicheskie vozmozhnosti printsipa dopolnitel'nosti v formalizovannykh i neformalizovannykh znaniyakh [Methodological possibilities of the principle of complementarity in formalized and non-formalized knowledge]. PhD Diss. in Philosophy. Novosibirsk, 2010, 183 p. (in Russ.)

Порус В. Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93–111.

- Porus V. N.** Epistemologiya: nekotorye tendentsii [Epistemology: Some Trends]. *Questions of Philosophy*, 1997, no. 2, p. 93–111. (in Russ.)
- Розов М. А.** Явление дополнительности в гуманитарных науках // Теория познания: В 4 т. / Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М., 1995. Т. 4: Познание социальной реальности. С. 208–227.
- Rozov M. A.** Yavlenie dopolnitel'nosti v gumanitarnykh naukakh [The phenomenon of complementarity in the humanities]. In: *Teoriya poznaniya*. In 4 vols. Moscow, 1995, vol. 4: *Poznanie sotsialnoi realnosti* [Cognition of social reality], p. 208–227. (in Russ.)
- Ромм М. В.** Социальная адаптация личности как объект философского анализа: Дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2003. 287 с.
- Romm M. V.** Social'naya adaptatsiya lichnosti kak ob'ekt filosofskogo analiza [Social adaptation of the person as an object of philosophical analysis]. PhD Diss. in Philosophy. Tomsk, 2003, 287 p. (in Russ.)
- Сандакова Л. Б.** Язык, мировоззрение, картина мира: проблема взаимообусловленности // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 4. С. 46–57.
- Sandakova L. B.** Yazyk, mirovozzrenie, kartina mira: problema vzaimoobuslovlennosti [Language, worldview, picture of the world: the problem of interdependence]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 46–57. (in Russ.)
- Телия В. Н.** Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия; РАН, Ин-т языкознания. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
- Teliya V. N.** Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [Priorities and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture]. In: *Phraseology in the context of culture*. Ed. by V. N. Telia. Moscow, 1999, p. 13–24. (in Russ.)

Фатеева С. В. Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия: Дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2006. 261 с.

Fateeva S. V. Komplementarnost' v ekonomicheskoi kul'ture: ponyatie, formy i mekhanizm deistviya [Complementarity in economic culture: the concept, forms and mechanism of action]. PhD Diss. in Philosophy. Rostov-on-Don, 2006, 261 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Сандакова Людмила Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирского государственного технического университета (пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630092, Россия)

Ludmila B. Sandakova, Candidate of Science (Philosophy), Docent, Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630092, Russian Federation)

l.sandakova@mail.ru

УДК 323.1; 325.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-83-99

Практики интеграции в управлении миграционными процессами: опыт некоторых стран Европейского союза

О. А. Персидская

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В рамках изучения практических моделей регулирования трансформации полиэтнических сообществ на примере ряда стран Европейского союза рассмотрены институциональные механизмы и содержательные подходы к управлению процессами интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Показано, что модели практического регулирования интеграционными процессами основаны на понимании интеграции как двустороннего процесса и прежде всего выражаются в изменениях социальных институтов и связей между ними. Так, на наднациональном уровне значимо сочетание директивных и рекомендательных форм воздействия на политику в сфере интеграции, на национальном – принципы индивидуального и инклюзивного подходов в рамках внедрения комплекса регулирующих политических мер «основного потока», на локальном – интеграционные инициативы муниципального уровня и взаимодействие с негосударственным сектором. Отдельно отмечена значимая роль мониторинга интеграционных процессов и интеграционной политики. Зафиксировано, что в России практики интеграции основаны на ее понимании как одностороннего процесса и способствуют реализации ее культурной функции, в то время как в странах Евросоюза – структурной и социальной. Сделан вывод о возможности применения некоторых из рассмотренных механизмов и подходов в стратегиях управления и регулирования миграционными процессами в Российской Федерации.

© О. А. Персидская, 2019

Ключевые слова

управление, регулирование, межэтнические отношения, миграция, механизмы этнонациональной политики, полиэтнические сообщества

Для цитирования

Персидская О. А. Практики интеграции в управлении миграционными процессами: опыт некоторых стран Европейского союза // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 83–99. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-83-99

Integration Practices in Migration Management: Experience of Some European Union Countries

O. A. Persidskaya

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper considers institutional mechanisms and substantive approaches to managing the processes of migrant integration into the host community. The analysis is carried out in the framework of studying practical models for regulating the transformation of polyethnic communities and uses data from several countries in the European Union. It is shown that the models of practical regulation of integration processes are based on the understanding of integration as a two-way process and are primarily expressed in changes in social institutions and relations between them. Thus, at the supranational level a combination of directive and recommendatory forms of influence on integration policies is significant, at the national level – the principles of individual and inclusive approaches within the framework of the introduction of a set of regulatory policies of the “mainstream”, at the local level – integration initiatives of the municipal level and interaction with the non-governmental sector. Of special note is the significant role of monitoring integration processes and integration policies. It has been noted that integration practices in Russia are based on understanding integration as a one-sided process and contribute to the realization of its cultural function, while in the EU countries – to its structural and social functions. The paper offers the conclusion about the possibility of applying some of the considered mechanisms and approaches in strategies for managing and regulating migration processes in the Russian Federation.

Keywords

governance, regulation, inter-ethnic relations, migration, ethno-national policy mechanisms, multi-ethnic communities

For citation

Persidskaya O. A. Integration Practices in Migration Management: Experience of Some European Union Countries. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 83–99. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-83-99

Миграционные процессы относят к числу основных факторов, определяющих облик современного мира. Эпоха миграций, начало которой в XX в. провозгласили, в частности, С. Кастельс и М. Миллер [Castles, Miller, 2009], не только перешагнула порог XXI в., но и приобрела в современном мире поистине всеобъемлющее влияние на общество во всех сферах его жизни, заставляющее говорить об экономическом, институциональном, политическом, административном, социокультурном, гуманитарном и других ее измерениях.

Управление миграционными процессами и их регулирование в полиэтнических сообществах является областью задач, решение которых требует особенно пристального внимания как со стороны управленческих структур, так и научно-экспертного сообщества, в том числе – в России. Отметим, что, так как особой остротой обладают проблемы, связанные с адаптацией и интеграцией мигрантов в принимающее сообщество [Мукомель, 2008. С. 250], можно сказать, что фокус миграционной политики смещается именно в социально-культурную сферу.

Несмотря на то, что проблемы интеграции мигрантов в принимающее сообщество в последние годы регулярно оказываются в фокусе общественного внимания, отсутствие комплексного представления о практиках интеграции в политике зарубежных государств значительно тормозит общественную дискуссию на эту тему и, соответственно, не способствует, мягко выражаясь, проведению комплексной интеграционной политики в России. Цель данной работы – анализ и обобщение некоторых институциональных механизмов и содержательных подходов к интеграции, которые используются в странах Европейского союза (далее – ЕС) на разных уровнях управления: наднациональном, национальном и локальном. Полагаем, что их изучение может быть полезным для поиска эффективных стратегий управления и регулирования в области миграционных процессов в Российской

Федерации. Отметим, что, так как в социогуманитарном знании актуализирована необходимость более глубокого выявления роли социальных институтов в трансформационных процессах России и ее сообществ [Абрамова и др., 2019], акцент в работе сделан не столько на содержательной составляющей интеграционных практик, сколько на изменениях социальных институтов, связей между ними и трансформации моделей практического регулирования интеграционных процессов, обусловленных необходимостью интегрировать значительное число мигрантов в принимающее сообщество.

Общепризнанной является точка зрения о том, что реализуемая в ЕС политика мультикультурализма не смогла обеспечить стабильных гармоничных межэтнических отношений на ее территории. В числе основных проблем, с которыми столкнулись общества европейских стран, опасения в том, что миграция ставит под угрозу экономическую жизнеспособность государств и благополучие их граждан, приводит к этнической фрагментации, формированию анклавизационных тенденций в пространствах крупных городов, росту межэтнической напряженности, увеличению числа межэтнических конфликтов и уменьшению безопасности, обострению сегрегации по культурным и религиозным основаниям и пр. Очевидно, что для предотвращения или хотя бы смягчения последствий миграционного кризиса требуется как принципиальная переоценка отношения к мигрантам и миграции, прежде всего, на уровне управляющих и регулирующих политических практик, так и переосмысление стратегий интеграции.

Сама интеграция мигрантов (здесь речь идет не о временных трудовых мигрантах, а о тех, кто переехал в другую страну с целью постоянного проживания) рассматривается как процесс, состоящий из четырех стадий [Schnapper, Heckmann, 2003. P. 10]: структурная интеграция связана с легализацией статуса мигранта посредством, например, получения вида на жительство и маркирована включением в институциональные структуры; социальная заключается в вовлечении в общественную сферу принимающего сообщества; культурная выражается в освоении языка, норм и ценностей страны прибытия; идентификационную отличает чувство принадлежности к принимающему сообществу.

Наднациональный уровень регулирования миграционных процессов. Очевидно, что интенсификация миграционных потоков актуализирует необходимость их глобального регулирования и разработки наднационального подхода для эффективного управления миграцией и предотвращения ее негативных последствий. Европейский союз как политическое объединение в качестве наиболее действенного законодательного инструмента реализации своей интеграционной политики применяет директивы, подлежащие ратификации на национальном уровне. Среди наиболее важных из них можно выделить директивы «Об имплементации принципа равного обращения с людьми, независимо от их расового или этнического происхождения» и «О создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда», направленные на борьбу с дискриминацией [Хекман, 2016. С. 110.]. Одна из важных целей этих и других наднациональных директив заключается в наделении мигрантов статусом и правами, что, как справедливо предполагают разработчики, будет в максимальной степени способствовать интеграции.

Значимыми акторами реализации политики в сфере интеграции на наднациональном уровне также являются фонды, деятельность которых посвящена решению проблем беженцев, репатриантов и мигрантов, разработке инициатив в области миграционной политики, проведению мероприятий, исследований и проектов по теме интеграции и т. д. Такую деятельность на период до 2020 г. в Евросоюзе осуществляет Европейский фонд по делам мигрантов, беженцев и интеграции ¹.

Сочетание директивных и рекомендательных форм воздействия на политику в сфере интеграции, с одной стороны, сближает направление и содержание интеграционных программ в государствах – членах ЕС, что позволяет выработать общее видение стратегий преодоления миграционного кризиса [Bendel, 2010. Р. 43], а с другой – позволяет национальным правительствам сохранить значительную долю автономности в данном во-

¹ Asylum, Migration and Integration Fund (AMIF). URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/financing/fundings/migration-asylum-borders/asylum-migration-integration-fund_en (дата обращения 01.06.2019).

просе и самостоятельно определять для себя локальные способы регулирования процессов интеграции. При этом важно, что поскольку на уровне ЕС наиболее важным для интеграции считается вовлечение мигрантов в социально-экономическую сферу и наделение их правами и обязанностями [Биссон, 2018. С. 114], то ее успешность зависит главным образом от уровня и условий жизни мигрировавших на территорию Евросоюза граждан.

Действенным инструментом оценки успешности интеграционной политики стран ЕС и ряда других государств служит Migrant Integration Policy Index (MIPEX)². Индекс интеграции мигрантов MIPEX – комплекс специальных методик оценки политики интеграции, основанный на соотнесении законодательства разных стран, касающегося правового положения мигрантов, с директивами Совета Европы. Инструментарий, по которому проводится оценка интеграционной политики, включает широкий набор индикаторов, позволяющих оценить гарантированные мигрантам на законодательном уровне возможности по доступу к рынку труда и получению гражданства, участию в политике, степень защищенности от дискриминации и пр. Единый критерий оценки политики в сфере интеграции не только позволяет сравнить страны по показателям эффективности их интеграционной политики, но и дает возможность увидеть те ее направления, по которым тем или иным государствам требуется доработать законодательную базу.

Национальный уровень регулирования миграционных процессов. Современное переосмысление стратегий интеграции в ряде стран ЕС связано с переоценкой роли самих мигрантов в процессе интеграции. В соответствии с современным подходом, на уровне как стратегических документов, так и конкретных управленческих и регулирующих практик принято, что интеграцию следует считать двусторонним процессом: так, принимающая сторона гарантирует мигрантам равный доступ к здравоохранению, образованию, рынку труда, но также требует их социализации и интеграции: уважения ими конституционного порядка и соблюдения законов прини-

² Migrant Integration Policy Index. URL: <http://www.mipex.eu> (дата обращения 01.06.2019).

мающей страны, принятия основных ценностей, культурных и социальных норм, знания языка и истории [Миграционные проблемы..., 2015. С. 137]. Стратегия гражданской интеграции [Исакова, 2018. С. 556], которая приходит на смену мультикультурализму, выражается в сохранении баланса между предоставленными мигрантам социально-экономическими правами и их обязанностями по отношению к принимающему сообществу. Как элемент этой стратегии можно рассматривать практику «интеграции за границей» [Биссон, 2018. С. 114], которая заключается в запуске интеграционного механизма как предварительного условия для получения прав и легального статуса: так, тесты на знание культуры и языка могут быть пройдены мигрантами еще до получения разрешительных документов на въезд и пересечения границ государства-реципиента.

В политике ряда стран, например в Дании, Голландии и Германии, был совершен поворот от мультикультурных стратегий, базирующихся на выплате мигрантам социальных пособий (что было естественной мерой в рамках экономического выравнивания достатка граждан стран, реализующих модель Welfare State), к моделям, предполагающим более активную помощь мигрантам на рынке труда для сокращения зависимости от пособий и возложению на них большей ответственности за продвижение интеграции [Политика в сфере интеграции..., 2007. С. 14].

Реализации таких моделей в практике государственного управления и регулирования способствуют меры, с одной стороны, более индивидуального, а с другой – инклюзивного подхода к мигрантам. Так, программы по адаптации, принятые в Швеции, предусматривают необходимость индивидуальных консультаций с каждым беженцем или мигрантом для того, чтобы учесть их личностные особенности [Там же]. В Германии был опыт проведения инклюзивной программы «Мигранты интегрируют мигрантов» [Исакова, 2018. С. 563]; также там часть сотрудников полиции специально набирается из числа людей с миграционным прошлым [Хекман, 2016. С. 113] – все это способствует реализации инклюзивного принципа в стратегиях интеграции.

Пожалуй, для обрисовки специфики политических процессов в сфере интеграции в государствах ЕС следует указать также на комплекс регулирующих мер, объединенных общим названием *Mainstreaming* (основной поток) [Политика в сфере интеграции..., 2007. С. 7]. Формирование этого комплекса, реализуемого, например, в Швеции, Дании и Великобритании, вызвано пониманием, что мер, специально направленных на мигрантов как на целевую группу (*Targeted Activities*), недостаточно для полноценной интеграции. Разумеется, хотя специальные меры, среди которых обучение языку, культурная интеграция, поддержка на рынке труда, оказание помощи в предпринимательской деятельности и пр., популярны по-прежнему, приходит понимание, что необходим политический подход, позволяющий решать проблемы и потребности мигрантов при помощи программ в большем числе политических сфер. Таким образом, принцип *Mainstreaming* предполагает переплетение интеграционной политики с как можно более широким кругом других секторов и уровней политики. Такой подход предполагает преодоление разделенности мигрантов и принимающего общества как разных объектов политики и способствует современному пониманию миграции как неотъемлемой части социальной жизни. В отчете правительства Швеции [Там же. С. 11] подчеркивается кумулятивный эффект реализации метода основного потока, который состоит не только в повышении информированности о необходимости интеграции и связанных с ней сложностей в организациях, напрямую связанных с мигрантами, но и в негосударственном секторе и обществе в целом.

Меры по интеграции мигрантов в качестве своей обязательной составляющей включают оценку их эффективности, получаемую через мониторинговые исследования. В государствах – членах ЕС такие мониторинги проводятся исследовательскими центрами по заказу Еврокомиссии, а также статистической службой ЕС [Миграционные проблемы..., 2015. С. 137].

Регулирование миграционных процессов на локальном уровне. Понимание того, что именно локальный уровень является ключевым в реализации интеграционных практик, существенным образом влияет на стратегии ин-

теграции в странах ЕС. Так, одним из лозунгов интеграционной политики Германии является фраза «Integration findet vor Ort statt», или «Интеграция происходит на местном уровне» [Хекман, 2016. С. 113]. Местное самоуправление является проводником интеграционной политики Великобритании и Швеции: хотя меры по интеграции, как правило, разрабатываются соответствующими министерствами указанных государств, механизмы их реализации в основном вырабатываются на местном уровне. В Дании программа языкового обучения взрослых составлена и финансируется министерством, однако само языковое обучение организуют местные самоуправления [Политика в сфере интеграции..., 2007. С. 8, 15].

Наибольшую миграционную нагрузку, как правило, испытывают крупные города; одновременно они являются зонами максимальной этнической мозаичности и межэтнической контактности, часто именно в них возникают зоны с концентрированным этническим заселением и анклавов, фиксируется высокий уровень межэтнической напряженности и возникают межэтнические конфликты. Муниципальные власти в крупных городах ЕС часто являются проводниками между местными инициативами, транслируемыми общественными объединениями и организациями, и финансирующими их деятельность структурами правительственного и неправительственного секторов. Примерами могут служить: конкурс «Успешная интеграция – это не совпадение: стратегии локальной интеграционной политики», финансируемый совместно Министерством Внутренних дел Германии Фондом Бертелсмана; деятельность Интеграционного Фонда Испании, предоставляющего поддержку реализации интеграционных инициатив на региональном и муниципальном уровнях; работа по проекту «Равенство» культурной ассоциации «Интегра» в Италии, которая направлена на решение вопросов взаимодействия между местными властями, агентствами по профессиональной ориентации, профсоюзами и вынужденными мигрантами и беженцами [Исакова, 2018, С. 564]. Наконец, нельзя не упомянуть про крупный проект «Eurocities»³, который объединяет органы местного самоуправления более чем 140 больших городов Европы

³ Eurocities. URL: <http://www.eurocities.eu> (дата обращения 01.06.2019).

и нацелен на обмен управленческим опытом по широкому кругу вопросов, в том числе, по проблемам, связанным с регулированием миграционных процессов и интеграцией.

Для того чтобы сделать вывод о применимости или непригодности обозначенных институциональных механизмов и содержательных подходов к интеграции, используемых в странах ЕС на наднациональном, национальном и локальном уровнях, для аналогичной системы управления в Российской Федерации, следует коротко обозначить специфику системы миграционной политики и особенности миграционных процессов в нашей стране.

В России разработка специальных программ по интеграции и адаптации мигрантов начата не так давно, потому что подавляющая часть иностранных граждан, прибывающих на территорию страны, являются временными трудовыми мигрантами, которые, как принято считать, в них не нуждаются. Соответственно, включение Российской Федерации в наднациональные сети по вопросам регулирования миграции в целом и политики интеграции в частности является делом будущего.

Включение России в число стран, для которых индекс эффективности интеграционной политики будет рассчитываться на постоянной основе, анонсировано на официальном портале MIPEX еще в 2017 г., но пока этого не произошло, коллектив исследователей из Высшей школы экономики произвел пробный расчет ⁴.

В настоящее время и до 2025 г. в РФ реализуется подпрограмма по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов ⁵. Ответственным исполнителем данной подпрограммы является Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН), другими участниками подпрограммы

⁴ Next MIPEX country – Russia. URL: <http://www.mipex.eu/next-mipex-country-russia> (дата обращения 01.06.2019).

⁵ Подпрограмма 5 «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Российской Федерации», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”». URL: https://base.garant.ru/71580894/3ca54e5e9867dbc352057de45e62fcc7/#block_1060 (дата обращения 01.06.2019).

выступают Министерство внутренних дел и Министерство образования и науки. То, что подпрограмма интегрирует в качестве исполнителей ограниченное число ведомств, каждое из которых принадлежит исключительно государственному сектору федерального уровня, как представляется, затрудняет продвижение локальных (региональных или муниципальных) интеграционных инициатив, делает практически невозможным осуществление регулирующих практик в ключе общего потока (Mainstreaming) и не способствует вовлечению и использованию потенциала негосударственного сектора.

На наш взгляд, практически полное игнорирование потенциала негосударственного сектора в деле интеграции, зафиксированное в федеральных стратегических документах, является существенным упущением. Согласимся с Л. С. Биссон: «Для России в целом характерно настороженное отношение к участию неправительственного и некоммерческого сектора в работе с иммигрантами. Это существенным образом отличается от ситуации в Европейском союзе, где НКО и НПО активно привлекаются к частногосударственному партнерству в реализации мер по интеграции» [2018. С. 117]. Такая ситуация может приводить к негативным последствиям как для принимающего сообщества, так и для мигрантов. Так, ограниченное участие членов принимающего сообщества в интеграционных проектах изолирует их от мигрантов, что косвенно способствует росту числа мигрантофобных мифов и повышению межэтнической напряженности. А в условиях, если органы власти сами не способны обеспечить мигрантам достаточную защиту их трудовых прав и доступ к базовым услугам, это может приводить к созданию параллельных закрытых структур взаимопомощи в их среде, что может способствовать разобщенности социума, распространению радикальных взглядов среди мигрантов и угрожать безопасности страны [Там же].

Помимо ограниченности роли негосударственного сектора в решении вопросов интеграции, фиксируем также проблему, связанную с тем, что в городах России муниципальные власти оказались в зоне повышенной ответственности за реализацию национальной политики при недостаточ-

ной проясненности необходимых для этого их правовых, институциональных, административных, финансовых и кадровых возможностей. Их изыскание во многом ложится на плечи самих муниципалитетов [Попков, 2018].

Отдельно укажем на актуальность проведения мониторинга интеграционных процессов, осознанную в практике стран ЕС. Представляется, что такой мониторинг необходим в той же степени, как и система мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, созданная ФАДН и функционирующая на уровне всех субъектов федерации ⁶. Дополним, что мониторинг интеграционных процессов мог бы стать значимой составляющей социокультурного мониторинга межэтнического сообщества, необходимость внедрения которого отстаивают новосибирские социологи [Попков и др., 2018].

Задачами федеральной подпрограммы по адаптации и интеграции мигрантов является разработка и внедрение научно-методических и образовательно-просветительских программ, информационно-справочных изданий, ресурсов информационного сопровождения процессов ее реализации, а также создание для этого условий. Индикаторы достижения заявленных целей сугубо количественные: это число участников мероприятий, направленных на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, и доля иностранных граждан, успешно сдавших экзамен по русскому языку, истории России и основам ее законодательства. Однако, несмотря на проведенную в данной области работу, следует сказать, что, как заключают эксперты, «подпрограмма никак не подкреплена ни нормативно-правовой базой, ни четким планом действий» [Биссон, 2018. С. 116].

Следует также отметить ограниченность разнообразия практик, которые направлены на адаптацию и интеграцию мигрантов в принимающем сообществе: если судить по проекту федерального закона «О социальной

⁶ Система мониторинга, созданная ФАДН России, получила статус государственной. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2018/04/05/3583-sistema-monitoringa-sozdannaya-fadn-rossii-poluchila-status-gosudarstvennoy> (дата обращения 01.06.2019).

и культурной адаптации и интеграции...»⁷, меры сводятся к освоению русского языка, социальных, культурных, правовых и экономических норм российского общества и к формированию устойчивых правовых, экономических, социальных и культурных связей между иностранными гражданами и российским обществом. На практике с 2015 г. основным и единственным инструментом интеграции мигрантов в России служит комплексный экзамен на знание русского языка, истории и основ законодательства. К сожалению, в документе нам не удалось найти упоминания о практиках, основанных на описанных выше принципах индивидуального подхода или инклюзивности, хотя их элементы в неявном виде можно обнаружить в деятельности, связанной с работой с мигрантами у отдельных национально-культурных и некоммерческих организаций.

В то же время социальные преференции, гарантированные законодательством РФ и привлекательные для мигрантов (например, бесплатная медицинская помощь в экстренных случаях, бесплатные роды для женщин-мигрантов, бесплатное обучение для детей), с одной стороны, выступают как адаптационные меры, но не имеют отношения к миграционной политике, а с другой – существенно осложняют отношение принимающего сообщества к мигрантам.

Таким образом, оценивая в общем ключе подход к интеграции, реализуемый в нашей стране в настоящее время, следует отметить, что он направлен прежде всего на ее культурную составляющую, в то время, как структурная и социальная в значительной мере остаются «за скобками» интеграционной политики. Наделение мигрантов статусом и правами, а также помощь на рынке труда, принятые в политике ЕС, способствуют прежде всего структурной и социальной интеграции, на которую, как на основу, уже затем надстраивается культурная и идентификационная. Таким образом, интеграция в России скорее является не двусторонним, а односторонним процессом: после пересечения границы и прохождения

⁷ Проект закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/56715005/> (дата обращения 01.06.2019).

необходимых процедур мигрант, как правило, не имеет механизмов для того, чтобы проявить себя в активной роли в интеграционном процессе; более того, он часто теряется как единица наблюдения с радаров структур, которые могли бы способствовать его дальнейшей интеграции.

Вместе с тем, отмечая позитивные составляющие миграционной политики в ЕС, нельзя игнорировать и то очевидное обстоятельство, что описанные выше институциональные механизмы и подходы к интеграции в ЕС, хотя и показывают свою эффективность, все же не снимают полностью проблем, связанных со сложностями взаимной адаптации мигрантов и принимающего сообщества. Часть из них, например методики, направленные на индивидуальную работу с каждым мигрантом, не могут быть реализованы в условиях активного миграционного притока и актуализируют необходимость разработки новых интеграционных механизмов. Тем не менее анализ рассмотренных механизмов и подходов к интеграции позволяет сделать вывод о возможности применения некоторых из них в стратегиях управления и регулирования миграционными процессами в Российской Федерации. Представляется, что наиболее актуальными управленческими задачами в сфере интеграции являются разработка нормативно-правовой базы, создание механизмов для продвижения локальных (региональных или муниципальных) интеграционных инициатив и более активное использование потенциала негосударственного сектора.

Список литературы / References

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С. Модели управления и регулирования процессов трансформации межэтнических и сельских сообществ современной России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 122–133.

Abramova M. A., Kostyuk V. G., Goncharova G. S. Modeli upravleniya i regulirovaniya protsessov transformatsii mezhetnicheskikh i sel'skikh soobshchestv sovremennoy Rossii [Models of management and regulation of the processes of transformation of interethnic and rural communities

of modern Russia]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 122–133. (in Russ.)

Биссон Л. С. Интеграция мигрантов в ЕС и России: разница в подходах // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 6. С. 112–118.

Bisson L. S. Integratsiya migrantov v ES i Rossii: raznitsa v podkhodakh [Integration of Migrants in the EU and Russia: the Difference in Approaches]. *Journal of IE RAS*, 2018, no. 6, p. 112–118. (in Russ.)

Исакова А. Э. Интеграционная политика в странах Европейского союза: от мультикультурализма к социальной интеграции мигрантов. Опыт для стран СНГ // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 6. С. 556–566.

Isakova A. E. Integratsionnaya politika v stranakh Evropeyskogo soyuza: ot mul'tkul'turalizma k sotsial'noy integratsii migrantov. Opyt dlya stran SNG [Integration policies in the European Union: from multiculturalism to the social integration of migrants. Experience for the CIS countries]. *Post-Soviet Studies*, 2018, vol. 1, no. 6, p. 556–566. (in Russ.)

Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / Под ред. Н. Б. Кондратьевой. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. 144 с.

Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya [Migration problems in Europe and their solutions]. Ed. by N. Kondratieva. Moscow, Institute of Europe RAS Publ., 2015, 144 p. (in Russ.)

Мукомель В. И. Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 250–272.

Mukomel V. I. Migratsionnaya politika i politika integratsii: sotsial'noe izmerenie [Migration policy and integration policy: social dimension]. *Russia is Reforming*, 2008, no. 7, p. 250–272. (in Russ.)

Политика в сфере интеграции и меры по ее применению. Исследование удачной практики применения на примере Швеции, Дании и Великобритании / Сост. К. Каллас, К. Калдур. Тарту, 2007. 75 с.

Politika v sfere integratsii i mery po ee primeneniyu. Issledovaniye udachnoi praktiki primeneniya na primere Shvetsii, Danii i Velikobritanii [Integration policy and measures for its application. Study of good practice

using the example of Sweden, Denmark and the United Kingdom]. Comp. K. Kallas, K. Kaldur. Tartu, 2007, 75 p. (in Russ.)

Попков Ю. В. Концептуальные вопросы государственной национальной политики: взгляд из регионов // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань, 2018. С. 22–27.

Popkov Yu. V. Kontseptual'nye voprosy gosudarstvennoi natsional'noi politiki: vzglyad iz regionov [Conceptual issues of the state national policy: a view from the regions]. In: Pozitivnyi opyt regulirovaniya etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov v regionakh Rossiyskoi Federatsii [Positive experience in the regulation of ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation]. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Eds. G. F. Gabdrakhmanova, G. I. Makarova, L. V. Sagitova. Kazan, 2018, p. 22–27. (in Russ.)

Попков Ю. В., Скалабан И. А., Тюгашев Е. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Тарбастаева И. С., Вавилина Н. Д., Терентьева М. Н., Осьмук Л. А., Дерига Е. С. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика: Монография / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

Popkov Yu. V., Skalaban I. A., Tyugashev Ye. A., Kostyuk V. G., Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Tarbastayeva I. S., Vavilina N. D., Terent'yeva M. N., Osmuk L. A., Deriga Ye. S. Sotsiokul'turnyi monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika [Socio-cultural monitoring of the urban inter-ethnic community: methodology, methodology, practice]. Monograph. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NSTU Publ., 2018. 347 p. (in Russ.)

Хекман Ф. Многоуровневое управление в реализации политики интеграции мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигран-

тов в Германии и России / Под ред. М. С. Розановой. СПб.: Скифия-принт. 2016. 192 с.

Khekman F. Mnogourovnevoe upravlenie v realizatsii politiki integratsii migrantov [Multi-level governance in the implementation of migrant integration policies]. In: Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii [Labor migration and migrant integration policies in Germany and Russia]. Ed. by M. S. Rozanova. St. Petersburg, Skifiya-Print, 2016, 192 p. (in Russ.)

Bendel P. Integrationspolitik der Europäischen Union. Gutachten im Auftrag des Gesprächskreises Migration und Integration der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn, Bonner Universitäts-Buchdruckerei; Abteilung Wirtschafts- und Sozialpolitik, 2010.

Castles S., Miller M. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 4th ed. Basingstoke, Palgrave-Macmillan, 2009.

Schnapper D., Heckmann F. The integration of immigrants in European societies: national differences and trends of convergence. Stuttgart, Lucius & Lucius, 2003.

Материал поступил в редколлегию

Received

24.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Olga A. Persidskaya, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

olga_alekseevna@mail.ru

УДК 316.44

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-100-114

Язык в региональных моделях национальной политики современной России

М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На примере сопоставления моделей национальной политики в республиках Саха (Якутия) и Хакасия, а также результатов эмпирических исследований показана роль языка как фактора, обуславливающего формирование межэтнических установок молодежи в различных социокультурных условиях. Выявлено, что «мягкая» (разрешительно-рекомендательная) и «жесткая» (директивно-обязательная) региональные модели языкового законодательства в системе образования приводят к противоречивым результатам. «Мягкая» модель более интегративна в аспекте межэтнических отношений, но усиливает ассимиляционные процессы у титульных этносов. «Жесткая» модель ведет к противоположным результатам.

Ключевые слова

модель национальной политики, язык, языковая ситуация, языковая компетентность, этнокультурные типы, межэтническое сообщество

Для цитирования

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Язык в региональных моделях национальной политики современной России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 100–114. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-100-114

© М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Language in Regional Models of the National Politics of Modern Russia

M. A. Abramova, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

The article shows the role of language as a factor in the formation of interethnic attitudes of young people in different socio-cultural conditions by comparing models of national politics in the republics of Sakha (Yakutia) and Khakassia, as well as the results of empirical research. It is revealed that “soft” (permissive-recommendatory) and “hard” (directive-obligatory) regional models of language legislation in the education system lead to contradictory results. The “soft” model is more integrative in the aspect of interethnic relations, but strengthens the assimilation processes of the titular ethnic groups. The “hard” model leads to opposite results.

Keywords

a model of national policy, language, language situation, language competence, ethno-cultural types, interethnic community

For citation

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. Language in Regional Models of the National Politics of Modern Russia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 100–114. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-100-114

Язык – один из важнейших признаков этнической идентичности, основа духовной культуры народа. Для современной полиэтничной России, находящейся в состоянии социокультурной трансформации, в интересах устойчивого развития страны крайне важна реализация такой модели национальной политики, в которой оптимально учитывалась бы специфика экономического, социального и культурного развития ее регионов, особенно национально-территориальных образований (республик, округов). Основная проблема в языковой политике, как составной и важной части политики национальной, на федеральном и региональном уровнях – согласование процессов функционирования и развития русского языка как государственного языка межнационального общения, государственных язы-

ков титульных этносов республик в составе Российской Федерации и миноритарных языков малочисленных народов.

Данное исследование базируется на социокультурном теоретико-методологическом подходе в его интерпретации Питиримом Сорокиным («личность, общество и культура как неразрывная триада»), развиваемом в настоящее время группой Н. И. Лапина при создании социокультурных портретов регионов, а также информационно-коммуникативном подходе к изучению роли языка в социальных взаимодействиях (Ю. Хабермас, Т. З. Адамьянц и др.).

В статье проведен анализ реализации моделей национальной политики в языковой сфере в республиках Саха (Якутия) и Хакасия, различающихся по соотношению численности русского и якутского, русского и хакасского населения, типу политики («мягкой» и «жесткой»). В методике исследования интегрированы методы контент-анализа нормативно-правовой базы национальной и языковой политики в России и республиках Саха (Якутия) и Хакасия, этносоциологических и социолингвистических исследований в данных регионах, моделирования, типологии, обработки данных социологических опросов молодежи, проведенных нами в Якутии и Хакасии по районированной выборке. Анализируемые выборочные совокупности респондентов в возрасте 14–29 лет составили: в Республике Саха (Якутия) – 1 690 саха, 1 166 русских, 624 представителя других народов, в Республике Хакасия – 405 хакасов, 1 180 русских, 238 представителей других народов.

В данной публикации сравнительный анализ материалов социологических опросов проведен на примере русской молодежи и молодежи титульных этносов республик – саха и хакасов, как наиболее многочисленных и определяющих характер межэтнических отношений в региональных сообществах Якутии и Хакасии. По данным Всероссийской переписи населения в 2010 г. в общей численности населения РС(Я) (958 тыс. чел.) саха (якуты) составили 49,9 %, русские 37,8 %; в Республике Хакасия (532,4 тыс. чел.) хакасы составляли 12 %, русские 80,3 %.

Различия в соотношении численности населения русского и титульных этносов (саха и хакасов), в географических характеристиках территорий

Якутии и Хакасии в определенной мере влияют на характер межэтнических коммуникаций, что проявляется и в языковом пространстве, и в моделях языковой политики.

Теоретические и практические аспекты региональных моделей государственной национальной политики России рассмотрены нами ранее [Абрамова и др., 2016]. Концептуальная основа деятельности государства и структур гражданского общества в единстве с основными направлениями и механизмом реализации управления (субъекты, их задачи, содержание деятельности, формы взаимодействия) образует модель национальной политики. В частности, для данной публикации важна предложенная схема анализа соотношения содержания декларируемых и реализуемых региональных моделей национальной политики, а также подход к типологизации моделей [Там же. С. 24–25, 29–31], о чем речь пойдет ниже.

Анализ динамики формирования модели государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) в постсоветский период позволяет сделать вывод, что «история регулирования межнациональных отношений в Якутии на протяжении всего периода своего развития сопровождалась и продолжает сопровождаться существующей в некотором смысле оппозицией правительства России и правительства Якутии, представленного в основном титульным этносом, которую отражают разработанные в периоды ослабления влияния центра на республику документы» [Там же. С. 113]. Это относится и к сфере языковой политики, модель которой можно определить как директивно-обязательную со стороны властей республики, судя по нормативно-правовым документам – Законе о языках в Республике Саха (Якутия), Концепции обновления и развития национальных школ [Там же. С. 84–91; Абрамова, Гончарова, 2012].

Влияет ли обозначенная оппозиция федеральных и республиканских властей на состояние межэтнических отношений? Отчасти, да. На это указали недавние события в одном из элитных микрорайонов г. Якутска, где в конце декабря 2018 г. открыли национальную школу, в которой не преду-

смотрели русскоязычных классов¹. Если учесть отсутствие развитой инфраструктуры в еще застраиваемся микрорайоне, то у остальных семей оставалась возможность записать своих детей в школы, отдаленные от места прописки, что спровоцировало напряжение в межэтнических отношениях между саха и русскими.

Но в целом, как показывают исследования Н. И. Ивановой, Р. И. Васильевой, в республике сохраняется высокая степень межъязыковой толерантности [Иванова, 2011], особенно в районах Приленья (Ленский, Хангаласский, Олекминский) – территориях длительного и устойчивого взаимодействия саха, русского и тунгусского билингвизма и многоязычия [Васильева, 2012].

В отличие от Якутии, в Хакасии и в советский, и в постсоветский периоды ее истории этнократические тенденции в национальной и языковой политике проявлялись слабо. А. В. Гусейнова, анализируя динамику языковой ситуации в Республике Хакасия, отмечает: «В Законе о языках нашли отражение в основном императивные положения федерального Закона о языках, а закрепление функционального статуса хакасского языка в нем носит, главным образом, разрешительный характер. «Мягкий» тип республиканского языкового законодательства в отношении использования хакасского языка способствует, с одной стороны, сохранению межэтнического согласия, а с другой – снижению престижности и востребованности хакасского языка, ограничивая его функционирование в социально значимых сферах». В итоге исследования она приходит к выводу, что «мягкая» (разрешительно-рекомендательная) модель языкового законодательства Республики Хакасия приводит к уменьшению доли лиц, владеющих хакасским языком среди молодежи [2014]. Так как хакасский язык по классификации ЮНЕСКО отнесен к неблагополучным языкам мира (сокращается количество численности лиц, владеющих им, ограничиваются сферы

¹ Волкова К. Якутский vs русский. Как языковой вопрос в школе рассорил жителей столицы Саха. 02.02.2019. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/jakutskij-vs-russkij/> (дата обращения 10.06.2019).

функционирования), то уменьшение языковой компетентности молодежи создает угрозы этническому воспроизводству.

Исследователи-социолингвисты обращают внимание еще на одну проблему языковой политики в республиках: замену (вытеснение) языками титульных этносов в системе образования языков коренных малочисленных народов. В Республике Саха (Якутия) – это долганский, чукотский, эвенский, эвенкийский, юкагирский языки; в Республике Хакасия – шорский язык [Арефьев, 2014. С. 227–228; 295–296]. В данной публикации эта проблема не анализируется, хотя является не менее значимой и требует отдельного исследования.

Так, в 2018 г. Государственная дума РФ в окончательном, третьем чтении внесла коррективы в Закон об образовании в Российской Федерации в части изучения родных языков². Интерпретация данных корректив в регионах может получить различные варианты: от отката к 90-м гг. XX в., когда республиканские власти повсеместно заставляли в рамках регионального компонента изучать всех жителей республик язык титульного этноса, до действительного признания прав граждан выбирать обучение на родном для них языке. Сейчас из текста закона ушло понятие «титульный этнос». Вместо него появилось неопределенное понятие «национальный язык региона». Изменения в законе об образовании должны нейтрализовать ситуацию регионального давления представителей титульных этносов и выбор, какой язык признавать родным, оставить за родителями детей. Но ситуация ограниченного выбора может сохраниться, хотя бы по причине методической и кадровой неготовности школ. Как организовать процесс обучения родному языку в классах, где может находиться около двадцати представителей разных этнических групп? И если их выбор родного языка не остановится на 2–3 языках, то в отношении распределения нагрузки для учителей возникнет большая проблема. Где взять школам неожиданно потребовавшееся большое количество педагогов с высшим

² Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”».

образованием, готовых преподавать языки малочисленных народов на достойном уровне?

Основной идеей изменений закона была защита права школьников, проживающих в республиках и считающих своим родным языком русский или не национальный (не титульный) язык региона. Но, к сожалению, неготовность кадровая, финансовая, методическая могут привести действие закона к тому, что на региональном уровне понятие «родной язык» содержательно опять вернут к понятию «язык титульного этноса». Тем более, что существующая оговорка в законе, что его реализация «осуществляется в пределах возможности образовательной системы»³ дает широкие возможности для интерпретации. Во многом решение обозначенных выше проблем и осознание права выбора школьниками и их родителями родного языка зависят от региональных властей, от избранной ими языковой политики и в итоге от продуманной реализации федеральными властями национальной политики.

Проведенные нами массовые этносоциологические опросы молодежи подтвердили зависимость языковой ситуации в регионах как от этнической структуры населения, так и от моделей реализации национальной и языковой политики.

Так, в Якутии и Хакасии существенно различаются доли лиц, указавших, какой язык они считают родным (табл. 1).

Среди хакасской молодежи доля считающих родным язык своей этнической группы меньше, чем среди молодежи саха, и, соответственно,

³ Госдума приняла закон об изучении родных языков 25.08.2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5401275> (дата обращения 10.06.2019; Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»». URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&a3=&a3type=1&a3value=&a6=&a6type=1&a6value=&a15=&a15type=1&a15value=&a7type=3&a7from=&a7to=&a7date=02.08.2018&a8=&a8type=1&a1=&a0=%F0%EE%E4%ED%EE%E3%EE+%FF%E7%FB%EA%E0&a16=&a16type=1&a16value=&a17=&a17type=1&a17value=&a4=&a4type=1&a4value=&a23=&a23type=1&a23value=&textpres=&sort=7&x=31&y=13> (дата обращения 10.06.2019).

в 3 раза больше тех, для кого родным является русский язык, и вдвое выше доля билингвов (хакасско-русских).

Таблица 1

Выбор молодежью Республик Саха (Якутия) и Хакасия
родного языка, %

Table 1

The Choice of the Youth of the Republic of Sakha (Yakutia)
and Khakassia Native Language, %

Национальность	Считают родным	
Саха	якутский	85
	русский	5
	два языка	10
Хакасы	хакасский	65
	русский	15
	два языка	20

Переход саха и хакасов с языка этнической группы на другой коррелирует со снижением уровня владения языком своей этнической группы (табл. 2).

Среди хакасской молодежи, признающей родным русский язык, треть не владеет хакасским. Среди русскоязычной молодежи саха таковых существенно меньше (каждый пятый). Заметно, что якутско-русское двуязычие существенно меньше снижает уровень владения молодежью саха якутским языком (с 89 до 68 % свободно владеющих), чем хакасско-русское двуязычие хакасской молодежи (с 70 до 42 %). Другими словами, даже феномен билингвизма требует внимания семьи и системы образования к качеству овладения молодежью языками своей этнической группы с целью воспроизводства этничности и этнической культуры.

Таблица 2

Родной язык и уровень владения языком своей национальности, %

Table 2

Native Language and Level of Proficiency in the Language of Their Nationality, %

Националь- ность	Родной язык	Степень владения родным языком			Итого
		свободно	частично	не владеет	
Саха	Якутский	89	10	1	100
	Русский	7	74	19	100
	Два языка	68	30	2	100
Хакасы	Хакасский	70	28	2	100
	Русский	6	62	32	100
	Два языка	42	55	3	100

Доля русской молодежи, полностью или частично владеющей якутским языком в Якутии, в 2 раза больше, чем хакасским языком в Хакасии (соответственно 14 и 7 %). Иначе говоря, в этом плане «жесткая» модель языковой политики республиканских властей более продуктивна, чем «мягкая», так как владение языком титульного этноса расширяет возможности русской молодежи как в сфере межличностного общения, так и в государственной-политической деятельности.

В какой мере степень владения языками (русским и титульных этносов) влияет на межэтнические установки молодежи? С целью изучения этой малоисследованной проблемы мы в своем этносоциологическом проекте использовали метод типологизации. Респондентам был задан вопрос: «Насколько важно для Вас разговаривать на языке своей национальности?». Сочетания ответов респондентов были распределены по четырем группам:

1) очень важно жить среди людей своей национальности и очень важно разговаривать на языке своей национальности («этноцентристы»);

2) очень важно жить среди людей своей национальности, но при этом не очень важно или вовсе неважно разговаривать на языке своей национальности («предпочитающие моноэтническую среду»);

3) не очень важно или совсем не важно жить среди людей своей национальности, но очень важно разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потребность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения («предпочитающие монолингвистическую среду»);

4) не очень важно или совсем неважно как жить среди людей своей национальности, так и разговаривать на языке своей национальности («этноиндифферентные») [Абрамова и др., 2014. С. 49–50].

Ниже представлены распределения выделенных этнокультурных типов среди молодежи с разной степенью владения якутским и хакасским языками (табл. 3).

Отметим, что среди молодежи саха несколько больше этноцентристов, чем среди хакасской молодежи (соответственно 24 и 19 % среди свободно владеющих языками своей этнической группы). В то же время среди хакасской молодежи этой группы вдвое выше доля лиц, предпочитающих среду общения на хакасском языке, чем у молодежи саха (39 против 20 %). Возможно, это связано с различиями языковой среды и соотношением с долей русского населения (в Якутии примерно 1 : 1, в Хакасии 1 : 4). Молодежи из числа хакасов, владеющей свободно языком своей этнической группы, в Хакасии комфортнее общение на нем, а для частично владеющих родным языком (как хакасов, так и саха) монолингвистическая среда особой ценности не представляет (10–11 % в группе). Отмеченное выше характерно и для билингвов – якутско-русских и хакасско-русских. Среди них очень мало этноцентристов: 3 % – среди хакасов, 8 % – среди саха, при 71–75 % этноиндифферентных.

Практически отсутствуют (0–2%) этноцентристы среди тех саха и хакасов, которые выбрали в качестве родного языка русский. Но свободно владеющих из них языками своей этнической группы немного – 6–7 % (см. табл. 2). Поэтому решающее влияние на межэтнические установки моло-

дежи оказывают уровень владения языком своей этнической группы и выбор его в качестве родного.

Таблица 3

Распределение этнокультурных типов молодежи в зависимости от языковой компетентности, %

Table 3

Distribution of Ethno-Cultural Types of Youth Depending on Language Competence, %

Республика	Национальность	Родной язык	Степень владения языками	Этнокультурный тип			
				этно-центристы	предпочит. моноэтн. среду	предпочит. монолингв. среду	этно-индифферентные
Саха (Якутия)	саха	якутский	свободно	24	4	20	52
			частично	5	9	11	75
		русский и якутский	частично	2	2	2	94
			свободно	8	4	13	75
	русские	русский	не владеет	22	2	36	40
			частично	18	2	40	40
	хакасы	хакасский	свободно	19	4	39	38
			частично	7	7	10	76
Хакасия	хакасы	русский	частично	0	2	4	94
			свободно	3	0	26	71
		хакасский и русский	частично	3	2	8	87
			свободно	3	2	8	87
	русские	русский	не владеет	20	1	41	38
			частично	12	1	33	54

Снижение же уровня владения языком своей этнической группы уменьшает этноцентрические установки молодежи саха и хакасов.

Среди русской молодежи в Якутии несколько выше доля этноцентристов, чем в Хакасии (22 и 20 % соответственно в группах, не владеющих

якутским и хакасским языками). Частичное же владение хакасским языком в большей степени уменьшает этноцентризм русских в Хакасии, чем частичное владение якутским русскими в Якутии (с 22 до 18 % и с 20 до 12 % – соответственно).

Таким образом, материалы массовых социологических опросов молодежи показали, что доля хорошо владеющих якутским языком среди саха выше, чем хакасским у хакасов. Но в то же время среди хакасской молодежи ниже доля лиц этноцентристского типа (предпочитающих и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на языке своей национальности), что важно в аспекте интеграции межэтнического сообщества в регионе. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что региональная модель национальной (и языковой – как ее составной части) политики оказывает определенное влияние на формирование у молодежи отношения к выбору родного языка и языка, обеспечивающего успешность в коммуникационном пространстве региона. В том числе модель реализации языковой политики посредством обеспечения доступа к образовательным ресурсам влияет на межэтнические установки молодежи, а тем самым – на процессы социокультурной трансформации межэтнических сообществ. Тип региональной модели языкового законодательства – «мягкий» (разрешительно-рекомендательный) или «жесткий» (директивно-обязательный) в системе образования, являющийся определенным компромиссом интересов федеральных и региональных властей, приводит к противоречивым результатам. «Мягкая» модель более интегративна в аспекте межэтнических отношений, но усиливает ассимиляционные процессы у титульных этносов. «Жесткая» модель ведет к противоположным результатам.

Полученные выводы акцентируют внимание на том, что разработка и реализация оптимальной модели национальной политики в регионах России обуславливает углубление и расширение проводимых социолингвистических исследований, особенно в условиях введения нового законопроекта об обучении на родном языке в 2018 г., поскольку, как показали результаты наших исследований, в том числе отраженные в данной статье,

«языковой вопрос», особенно в сфере образования, во многих регионах России определяет «вопрос национальный».

Список литературы / References

Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Язык как социокультурный феномен // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 64–72.

Abramova M. A., Goncharova G. S. Yazyk kak sotsiokulturnyi fenomen [Language as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 4, p. 64–72. (in Russ.)

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostiuk V. G. Sotsiokulturnye tipy molodezhi: etnicheskii i regionalnyi aspekty [Socio-cultural types of youth: ethnic and regional aspects]. Novosibirsk, Avtograf Publ., 2014, 179 p. (in Russ.)

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Региональные модели государственной национальной политики современной России. Новосибирск, 2016. Т. 1. 176 с.

Abramova M. A., Kostiuk V. G., Madiukova S. A., Persidskaia O. A., Popkov Yu. V. Regionalnye modeli gosudarstvennoi natsionalnoi politiki sovremennoi Rossii [Regional models of state national policy of modern Russia]. Novosibirsk, 2016, vol. 1, 176 p. (in Russ.)

Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.

Arefiev A. L. Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost [Languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the

education system: history and modernity]. Moscow, Tsentr sotsialnogo prognozirovaniia i marketinga, 2014, 488 p. (in Russ.)

Васильева Р. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) (на материале Приленья) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 88–91.

Vasilieva R. I. Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) (na materiale Prilenia) [The language situation in the Sakha Republic (Yakutia) (on the material of Pilenga)]. *Vestnik of Voronezh State University. Series: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2012, no. 1, p. 88–91. (in Russ.)

Гусейнова А. В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2014.

Guseinova A. V. Dinamika yazykovoi situatsii v Respublike Khakasiia [Dynamics of the language situation in the Republic of Khakassia]. Thesis abstract of candidate of philosophical sciences. Ulan-Ude, 2014. (in Russ.)

Иванова Н. И. Межъязыковая толерантность: социолингвистический контекст (на материалах Республики Саха (Якутия) // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: к 350-летию присоединения Бурятии к России: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Б. В. Базаров, отв. ред. Л. В. Курас. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2011. 576 с.

Ivanova N. I. Mezhyazykovaya tolerantnost: sotsiolingvisticheskiy kontekst (na materialakh Respubliki Sakha (Yakutiya) [Interlanguage tolerance: sociolinguistic context (based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Istoricheskiy opyt vzaimodeistviya narodov i tsivilizatsii: k 350-letiyu prisoedineniya Buryatii k Rossii* [Historical experience of interaction between peoples and civilizations: the 350th anniversary of the accession of Buryatia to Russia]. Eds. B. V. Bazarov, L. V. Kuras. Ulan-Ude, Irkutsk, Ottisk, 2011, 576 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

13.06.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Абрамова Мария Алексеевна, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya A. Abramova, Doctor of Sciences (Education), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

marika24@yandex.ru

Костюк Всеволод Григорьевич, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod G. Kostyuk, Senior Researcher, PhD (Philosophy), Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

demosros2017@gmail.com

Гончарова Галина Савитовна, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Galina S. Goncharova, Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

socis@philosophy.nsc.ru

УДК 304.42

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-115-125

Коллективные права в модели мультикультурализма У. Кимлика

И. С. Тарбастаева

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются основные положения концепции коллективных прав в модели мультикультурализма У. Кимлика. В либерализме, несмотря на выраженную в нем индивидуалистическую позицию, содержатся авторитетные теории, доказывающие значимость коллективных прав. Согласно У. Кимлику, данная категория прав не противоречит идеологии индивидуализма, а, наоборот, представляет собой выражение политической рациональности, поскольку коллективные права дополняют и развивают механизм защиты интересов конкретной личности.

Ключевые слова

либерализм, коммунитаризм, индивид, У. Кимлика, коллективные права, индивидуальные права, этнокультурные сообщества

Для цитирования

Тарбастаева И. С. Коллективные права в модели мультикультурализма У. Кимлика // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 115–125. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-115-125

© И. С. Тарбастаева, 2019

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Collective Rights in W. Kymlicka's Multiculturalism Model

I. S. Tarbastaeva

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the main provisions of the conception of collective rights in the model of multiculturalism by William Kymlicka. Despite its pronounced individualistic position, liberalism contains acknowledged theories that prove the importance of collective rights. According to W. Kymlicka, this category of rights does not contradict the ideology of individualism, but, on the contrary, is an expression of political rationality. This is so, because collective rights complement and develop the mechanism for protecting the interests of a particular person.

Keywords

liberalism, communitarianism, individual, W. Kymlicka, collective rights, individual rights, ethno-cultural communities

For citation

Tarbastaeva I. S. Collective Rights in W. Kymlicka's Multiculturalism Model. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 115–125. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-115-125

Развитие либеральной философии связано с двумя концепциями. Это концепции естественного права (доктрина прав человека) и позитивного права (нормативное законотворчество). После выхода в 1971 г. работы Дж. Ролза «Теория справедливости» в либеральной философии наступил момент полной согласованности обеих концепций (естественного и позитивного права) [Ролз, 2010]. Идея «нормативной справедливости» Дж. Ролза представляла одинаковую ценность и для общей философии, и для правовой теории (юридической техники). Об этом пишет, в частности, крупнейший либеральный теоретик права Р. Дворкин [2004]. Наступил непродолжительный период торжества либеральной философии в определенных политических кругах, ибо 1980–1990 гг. стали новым периодом

беспощадной критики основных положений либеральной философии. В современных исследованиях этот период выступает как «либерально-коммунитарный спор» [Политическая наука, 1999]. Новые критики («коммунитаристы») оспаривают главную концепцию либерализма – идею «автономного индивида», на основе которой любое юридическое действие рассматривается как защита прав и свобод «конкретного человека» (единичного субъекта). Коммунитаристы используют двойную стратегию аргументации – с одной стороны, критикуется идея «автономного индивида» за ее абстрактный и спекулятивный характер, с другой стороны, по их мнению, концепция «индивидуальных прав» оказывается явно недостаточной для построения нормативной юридической теории, применение которой на практике позволяет решить все возникающие правовые вопросы. Коммунитаристы считают, что понятие «индивидуальных прав» должно быть дополнено (или даже поглощено) понятием «коллективных прав». Рассмотрим основные положения этой дискуссии.

Фундаментальное различие между либерализмом и коммунитаризмом проявляется в ответе на вопрос «Что такое человек?». Если для сторонников либерализма существует только «автономный индивид» (преследующий исключительно свои цели), то для представителей коммунитаризма исходным пунктом становится существование общины (*communis*), и человек в первую очередь выступает как член некоего сообщества.

Идеи либерализма напрямую связаны с определением И. Кантом человека как «автономного рационального морального субъекта», который сам задает нормы, правила и цели своего существования (так называемая позиция «трансцендентального субъекта») [Кант, 1995. С. 289].

Идеи же коммунитаризма можно возвести к определению, данному еще в Античности Аристотелем, что человек является по преимуществу «социальным (общественным) животным», и все его остальные характеристики вторичные и случайные, тогда как «принадлежность к сообществу» дает базовые, определяющие человека качества [1983. С. 451].

Модель человека как разделяющего с другими людьми «ценности общего существования» задает презумпцию самобытной значимости сущест-

вующих сообществ. Во-первых, общество предшествует человеку по факту своего существования, поскольку люди не создают общество с «нуля»: всегда есть преемственность. И в этом смысле человек никогда не создает свои «личные» ценности с «нуля». Во-вторых, бытование и жизнеспособность того или иного сообщества напрямую свидетельствуют о ценности тех убеждений, которые разделяют все члены этой социальной группы. В-третьих, речь идет именно о системе убеждений («культуре»), т. е. согласованности и непротиворечивости ценностей того или иного сообщества. В-четвертых, важно подчеркнуть, что рассматриваются именно «общественные ценности», в одинаковой степени определяющие систему жизненных координат для всех членов данной группы.

Либералы не признают культурного релятивизма, а полагают, что рациональность (разумность человека) всегда одна и та же, она имеет вневременной и внекультурный характер. Но что такое «культурные различия», как не расхождения в ценностных установках культур, видах и типах культурных благ. Получается, что либерализм отрицает историческую сменяемость систем культурных благ. Остается только один значимый либеральный принцип – той самой «справедливости» Дж. Ролза. Отсюда и возникает либеральное выражение «справедливость превыше блага» [Ролз, 2010]. Но ситуация осложняется тем, что понятие «нормативной справедливости» Дж. Ролза задает «нормы распределения» любых активов, ресурсов или благ. Таким образом, либералы предпочитают не обсуждать ценность или значение какого-либо блага, но сосредотачивают внимание на механизме их распределения. Благо не обладает ценностью само по себе, таковой они полагают его справедливое распределение на основе принципа «равенства». Отсюда два принципа либерализма – «свобода» и «равенство». Возникает странная ситуация, когда либерализм отказывается обсуждать, (сравнивать и оценивать) «культурные блага», их значение и роль. Но взамен предлагаются «справедливость», «свобода» и «равенство» как важнейшие принципы или, можно сказать, квазиблага.

Критики либерализма – коммунитаристы – и дают характеристику этой ситуации как универсалистской, абстрактной, спекулятивной и в конечном счете абсурдной. Позиция коммунитаризма заключается в попытке изме-

нить ситуацию – перейти от обсуждения «формально-абстрактных вопросов распределения» к анализу конкретных культурных форм бытования того или иного сообщества. Такой теоретико-методологический разворот от обсуждения «формы» к «содержанию» тех или иных культурных ценностей получил название «мультикультурализм».

Считается, что история коммунитаризма начинается с публикации в 1982 г. книги американского ученого М. Сандела «Либерализм и пределы справедливости» [Sandel, 1982]. Однако основная дискуссия по вопросам мультикультурализма состоялась только через десятилетие, в начале 1990-х гг., и была связана с именами двух известных ученых – Ч. Тейлора (коммунитаризм) и У. Кимлика (либерализм). Отметим, что позиция У. Кимлика во многом формируется как реакция на критические замечания Ч. Тейлора. При этом У. Кимлика старается избегать термина «мультикультурализм», фиксируя его использование за коммунитаризмом, и предпочитает свою позицию определять как «либеральный культурализм», который может выступать в качестве «либеральной концепции мультикультурализма» [Кимлика, 2010. С. 432].

По словам У. Кимлика, «либеральный культурализм» отличается от широко понимаемого «мультикультурализма» тем, что не только пытается уменьшить «уязвимость» одних социальных групп по сравнению с другими, но и «защищает свободу индивида внутри группы» [Там же]. Понятие «мультикультурализм», как отмечает У. Кимлика, все чаще используется в качестве «зонтичного термина», описывающего целый ряд различных проблем. Иначе говоря, необходимо уточнить, в каком смысле следует использовать это понятие. Например, в США принято употреблять термин «мультикультурализм» для описания проблем всех «репресслируемых» групп, т. е. рассматривать проблемы не только «этнокультурных групп, но также женщин, гомосексуалистов и лесбиянок, инвалидов и т. д.». Напротив, в таких странах, как Австралия и Канада, этот термин используется только в отношении «адаптации групп иммигрантов, но не других этнокультурных групп, например, австралийских аборигенов» [Там же. С. 433].

Прежде всего, У. Кимлика обращает внимание на то, что если человек есть «социальное животное», как утверждают коммунитаристы, то социальные группы бывают разные, и сами люди попадают в сетку множественных социальных отношений. Однако в его подходе не каждая социальная группа способна задать вектор развития личности, выступить определяющим маркером его жизненного пути. Одними из таких групп являются этнические сообщества, в которые индивид оказывается включен с момента рождения [Кимлика, 2010. С. 421]. У. Кимлика пишет: «...не все особые права для разных групп являются коллективными, и даже те, что являются ими в том или ином смысле, не обязательно свидетельствуют о “коллективизме”» [Там же. С. 427]. Поэтому исследователь выступает за значимость коллективных прав, которые не сводятся и не могут сводиться только к множеству прав составляющих его индивидов, т. е. к индивидуальным правам. И значит, речь идет уже о существовании юридического субъекта коллективных прав. Он пишет: «...интересы сообществ не могут быть сведены к интересам их индивидуальных членов» [Там же. С. 425].

Следует отметить, что в классических либеральных концепциях относятся очень подозрительно к коллективным субъектам права – «коммунитаристским группам», считая часть их фиктивными группами без коллективной идентичности. У данных групп не может быть коллективных прав, поскольку нет субъекта коллективных прав, есть только индивиды без общей идентичности. Во-первых, получается, что «корпоративная идентичность групп» есть всего лишь «фиктивная идентичность», когда речь идет только о «воображаемом сообществе», между членами которого существуют «воображаемые связи». Во-вторых, не существует «коллективного субъекта» этих прав, есть только множество индивидов, скоординировавших своих действия, но действующих не в интересах существующего сообщества, а представляя свои эгоистичные индивидуальные предпочтения и запросы на их удовлетворение. Это классический пример защиты индивидуальных прав без наличия коллективных целей, так настойчиво отрицаемых в либеральной теории права, когда есть «интересы многих», но нет «общего интереса» [Дворкин, 2004. С. 13].

Вот как пишет об этом Ф. Петтит: «...либерализм – это широкая церковь, включающая как левых либералов, так и либертарианцев», ведь те и другие используют одну концептуальную модель “совокупность индивидов – инструмент, содействующий удовлетворению индивидуальных потребностей” [2016. С. 44]. Все либералы, по мнению этого исследователя, склонны «считать народ совокупностью атомизированных индивидов, не имеющих коллективной идентичности, и изображают государство как лишь инструмент, помогающий индивидам решать их атомизированные проблемы» [Там же]. Остается только добавить, как пишет Дж. Грей, что «в работах самого Ролза и в работах всех его последователей, индивид – это некая нулевая величина, лишенная истории и национальности, не имеющая каких-либо привязанностей, того, что в реальном мире определяет нашу идентичность» [2003. С. 19].

Тем не менее коллективные права в мультикультурной модели все-таки концептуализированы. Так, У. Кимлика коллективные права подразделяет на две группы: «внутренние ограничители» (спланирующие группу, направленные на поддержание «групповой солидарности») и «внешние защиты» (для защиты от внешнего давления – экономических или политических факторов) [2010. С. 431]. Такое различие в коллективных правах позволяет ему «включить» «коммунитаристские группы» в число либеральных проблем. Важным обоснованием данных прав является то, что они, по У. Кимлику, дополняют права индивидуальные, права, поскольку касаются «неартикулированного знания» о «добродетельной жизни», связанного с проявлением «взаимного уважения» и «гражданской дружбы» [Там же. С. 372–373]. Коллективные права в большей степени направлены на уменьшение уязвимости меньшинства: с их помощью можно создать более равные условия для данных групп. Согласно предположениям У. Кимлика – групповые права меньшинств не противоречат идеологии либерализма, если они защищают автономию индивида внутри группы и способствуют выравниванию отношений между группами. Он справедливо отмечает: «сегодня этнические группы, как и многие другие ранее дискриминируемые группы (женщины, геи, инвалиды), требуют уже боль-

шего, чем известные индивидуальные права. Они хотят не только общегосударственных прав, но также особых прав, которые позволили бы признать и принять их особые этнокультурные практики и идентичности» [Кимлика, 2010. С. 435].

У. Кимлика аргументирует, что традиционные индивидуальные права человека не могут разрешить большинство важных противоречивых ситуаций, определяемых интересами культурных меньшинств. Среди примеров таких ситуаций: второстепенная роль языка меньшинства в образовании, названиях территорий и государственный контроль над природными ресурсами. Мы солидарны с тем, что эти ситуации тесно связаны с интересами коренных народов, и они не могут быть разрешены исходя из общих либеральных принципов прав человека. Он предлагает реализацию следующих специфических групповых прав для них: право на самоуправление; права, защищающие культуру этнических групп и религиозных меньшинств; и право на представительство. Эти коллективные права в модели У. Кимлика могут сочетаться с индивидуальными правами.

Коллективными правами, по его мнению, обладают пять видов этнокультурных групп: национальные меньшинства, коренные народы, иммигранты, расовые и этноконфессиональные группы [Там же. С. 423]. Эти группы имеют культурные права, но судьба и динамика развития этих прав будет различной. Эволюция «культурных прав» этих групп будет зависеть от трех факторов:

а) от выбора одной из пяти стратегий противостояния «либеральному национализму»;

б) от способности перейти от этнической общности к национальному государству и начать развивать «социетальную культуру»;

в) от расстановки приоритетов в защите своих «коллективных прав» (ставки на развитие «внутренних ограничений» или «внешней защиты») [Там же. С. 440, 438].

Следует отметить, что коллективные права в моделях мультикультурализма не предполагают закрепощение индивида. Если «классическое либеральное общество» теперь определяется как «общество, где есть разнообразные юрисдикции и властные институты, но ни один из которых не

обладает тотальной, иерархической формой власти над другими», то «социальные акторы должны иметь возможность покинуть любую группу, к которой они присоединились добровольно или в которую были «включены от рождения» на недобровольной основе» [Пеннингтон, 2014. С. 15]. Таким образом, этнокультурные сообщества (куда люди «включены от рождения на недобровольной основе») должны неукоснительно соблюдать только один фундаментальный либеральный принцип – «свободу объединения и отделения (freedom of association and dissociation)» [Там же]. На практике трудно представить, что человек может отказаться от «убеждений» своей этнокультурной группы.

В заключение отметим, что модель У. Кимлика привлекает внимание желанием автора выйти в своем теоретизировании из ученых кабинетов, обращаясь к требованиям конкретных социальных групп. Либеральная теория предлагает абстрактные и общие замечания, тогда как мир состоит из различных сообществ, каждое из которых преследует собственные интересы. Ответить на подобного рода критику и пытается У. Кимлика, которого интересует дифференцированное описание социальной реальности. По его мнению, либерализм не может обеспечить полную культурную нейтральность, и этнические меньшинства под давлением большинства неизбежно будут терять свой этнокультурный облик. Поэтому он справедливо предлагает мультикультурную модель включения коллективных прав в демократические западные режимы. В настоящий момент представленные позиции У. Кимлика являются одними из самых авторитетных в либеральной философской мысли по вопросам управления и сохранения культурного многообразия. Следует добавить, что представленная У. Кимликом позиция в части устойчивости этнокультурных сообществ и желания индивидов жить в культурном контексте своей группы подтверждается выводами исследователей новосибирской научной этносоциологической школы.

Список литературы / References

- Аристотель.** Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
- Aristotle.** Politika [Politics]. In: Aristotle. Sochineniya [Writings]. In 4 vols. Moscow, Mysl Publ., 1983, vol. 4, p. 376–644. (in Russ.)
- Грей Дж.** Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Г. В. Каменской. М.: Праксис, 2003. 366 с.
- Gray J.** Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate so-vremennosti [Commemoration of the Enlightenment: Politics and culture in the sunset of modernity]. Moscow, Praxis Publ., 2003, 366 p. (in Russ.)
- Дворкин Р.** О правах всерьез / Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 389 с.
- Dvorkin R.** O pravah vser'ez [About Rights Seriously]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 389 p. (in Russ.)
- Кант И.** Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. СПб.: Наука: Санкт-Петербург, 1995. 528 с.
- Kant I.** Osnovy metafiziki нравственности; Kritika prakticheskogo razuma; Metafizika нравов [The foundations of the metaphysics of morality; Criticism of the practical mind; Metaphysics of manners]. St. Petersburg, Nauka, 1995. 528 p. (in Russ.)
- Кимлика У.** Современная политическая философия. Введение / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высш. шк. экономики, 2010. 588 с.
- Kimlika U.** Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie [Modern political philosophy. The introduction]. Moscow, High School of Economics, 2010, 588 p. (in Russ.)
- Пеннингтон М.** Классический либерализм и будущее социально-экономической политики / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2014. 451 с.
- Pennington M.** Klassicheskii liberalizm i budushchee sotsial'no-ekonomicheskoi politiki [Classical Liberalism and the Future of Social and Economic Policy]. Moscow, Mysl Publ., 2014, 451 p. (in Russ.)

- Петтит Ф.** Республиканизм: теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 486 с.
- Pettit F.** Respublikanizm: teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya [Republicanism: the theory of freedom and government]. Moscow, Gaidar Institute Publ. House, 2016, 486 p. (in Russ.)
- Политическая наука: новые направления** / Пер с англ.; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 814 с.
- Politicheskaya nauka: novye napravleniya** [Political Science: New Directions]. Ed. by R. Gudin, X.-D. Klingemann. Moscow, Veche Publ., 1999, 248 p. (in Russ.)
- Ролз Дж.** Теория справедливости / Пер. с англ. В. В. Целищева. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 534 с.
- Rolz Dzh.** Teoriya spravedlivosti [Justice theory]. Moscow, URSS Publ., 2010, 534 p. (in Russ.)
- Sandel M.** Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1982, 183 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

13.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Тарбастаева Инна Семеновна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Inna S. Tarbastaeva, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Inna-tarbastaeva@yandex.ru

УДК 316.4 + 378.4

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-126-139

Эффект де Брюйна в управлении университетами

А. П. Никитин

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия*

Аннотация

Эффект де Брюйна описывает, как формируются искажения в работе государственных учреждений, если при их управлении полагаться на систему количественной оценки эффективности. Подробно освещаются проявления данного эффекта в системе высшего образования. Показано, как количественные индикаторы в оценке работы университетов могут искажать естественные стратегии их развития. Рассмотрены ограничения, которые необходимо учитывать при использовании оценок эффективности как инструмента управления университетами. Делается вывод, что эффект де Брюйна в управлении университетами создает условия для распространения в них симулятивных практик и фальсеоинтеракций.

Ключевые слова

эффект де Брюйна, волна де Брюйна, закон Гудхарта, управление, университет, оценка эффективности, количественный индикатор, фальсеоинтеракция

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00681)

Для цитирования

Никитин А. П. Эффект де Брюйна в управлении университетами // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 126–139. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-126-139

© А. П. Никитин, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

De Bruijn's Effect in University Management

A. P. Nikitin

*Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

Abstract

De Bruijn's effect describes how distortions are formed in the work of public institutions, if their management relies on a system for quantifying efficiency. The article details the demonstrations of this effect in the higher education system. It is shown how quantitative indicators in evaluating the work of universities can distort strategies of their natural development. The limitations are considered that must be considered when using performance evaluations as a tool for university management. It is concluded that the de Bruijn's effect creates the conditions for the spread of simulative practices and false interactions in universities.

Keywords

de Bruijn's effect, de Bruijn's curve, Goodhart's law, management, university, performance evaluation, quantitative indicator, false interaction

Acknowledgement

Work is performed with financial support of RSF (project no. 18-011-00681)

For citation

Nikitin A. P. De Bruijn's Effect in University Management. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 126–139. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-126-139

Реформирование системы высшего образования в России остро поставило вопрос об ее эффективности. В большей степени данный вопрос волнует учредительные органы и, как следствие, администрацию вузов, в меньшей степени им озабочены непосредственные участники образовательного процесса (преподаватели и студенты), однако игнорировать его они не могут. Научно-педагогические работники и студенты оказались в ситуации, когда на трактовку понятия эффективности они никак не влияют, результативность их труда и освоения образовательной программы стала оцениваться сквозь призму соответствия количественным показателям, утвержденным государственными органами и различными системами университетских рейтингов. Ограничения такого подхода

в управлении является предметом исследования Ханса де Брюйна, результаты которого изложены в работе «Управление по результатам в государственном секторе» [2005].

Эффект де Брюйна указывает на закономерность искажений, возникающих под влиянием количественной оценки результативности работы государственных учреждений. В самом общем виде де Брюйн формулирует эту закономерность следующим образом: «Чем больше руководство полагается на систему оценки эффективности как на инструмент управления, тем сильнее стимулы для работников демонстрировать неадекватное поведение» [Там же. С. 64]. Он говорит об управлении государственными учреждениями в целом, в данной статье будут подробно освещаться проявления эффекта в управлении университетами.

Количественную оценку эффективности работы тех или иных организаций не следует однозначно рассматривать как негативное следствие распространения рыночных установок на все сферы общественной жизни. Такая оценка, по мнению де Брюйна, выполняет как минимум четыре функции: 1) повышение прозрачности работы организации; 2) выявление сильных и слабых сторон деятельности организации; 3) осуществление аттестации (лицензирования, аккредитации и т. д.) организации; 4) формирование системы поощрения (за хорошую работу) и штрафных санкций (в случае недостаточной эффективности). Эти функции расположены по степени обязательности от меньшей к большей. От силы принуждения зависит и степень искажений в работе организации: «Чем выше степень обязательности, тем больше шансов того, что она (система оценки эффективности. – А. Н.) будет восприниматься как несправедливая и тем более вероятно возникновение неадекватного поведения» [де Брюйн, 2005. С. 63–64]. Для обозначения этой зависимости используется термин «волна де Брюйна» [Балацкий, Екимова, 2012. С. 128].

Эффект де Брюйна является одной из модификаций закона Гудхарта, который гласит, что если какой-то показатель становится целью управления, то он искажается и не может считаться надежным индикатором в оценке эффективности управления [Goodhart, 1975]. Как только количе-

ственный показатель из средства оценки превращается в самоцель, он начинает оказывать деструктивное воздействие на эмпирические закономерности в развитии управляемой системы.

Е. В. Балацкий и Н. А. Екимова показывают, как действует закон Гудхарта в управлении университетами, если целью управления становится достижение высокого места в различных рейтингах: «Знание методик, независимо от степени их корректности, предполагает, что университеты будут подстраиваться под эти методики и фигурирующие в них показатели. При чрезмерном увлечении такой деятельностью рейтинги превращаются в самодовлеющий феномен, искажающий естественные стратегии вузов» [2012. С. 127]. Другими словами, университеты будут стремиться к одному – выполнить количественную норму, которая позволит им сохранить или поднять свое место в рейтинге. Рейтинговый показатель становится не средством оценки, а целью, в процессе достижения которой страдает качественный аспект деятельности университетов. К примеру, выбирая между тем, чтобы принять на работу отечественного или зарубежного специалиста, университет будет отдавать предпочтение последнему, не взирая на разницу в квалификации, ведь одним из индикаторов рейтингов является доля зарубежных преподавателей.

Тем самым, используя количественные индикаторы эффективности в управлении университетами, необходимо оценивать и последствия распространения такого подхода. Рассмотрим наиболее явные его ограничения, выразив их в пяти пунктах, подразумевая, что этот список можно неограниченно пополнять.

1. *Выполнение университетами общественно значимых обязательств.* Привлечение количественной оценки как показателя эффективности – обычное явление в управлении организациями, функционирующими по законам рынка. Как отмечает В. С. Диев, в современной России «в качестве образца управления высшей школой используется модель управления крупной корпорацией» [2015. С. 35], что вполне оправданно, если рассматривать университет как субъект экономических отношений. Однако отличие университета от корпорации, производящей продукты или предостав-

ляющей услуги, заключается в том, что его первоначальная функция – выполнение общественно значимых обязательств, возложенных на него чаще всего со стороны государства. Даже в отношении негосударственных вузов признается, что они выполняют не только предпринимательскую функцию, не заботятся лишь о получении прибыли за счет продажи образовательных услуг (хотя такая практика существует). Здесь стоит отметить, что большая часть преподавателей российских вузов очень остро реагирует на попытки представить их работу как деятельность по предоставлению услуг, у них сохраняется убеждение, что они выполняют в обществе особую миссию, выражаясь словами Х. Ортеги-и-Гассета, миссию формирования «культурной личности» [2005. С. 45].

При этом в России существуют государственные университеты, которые не ставят перед собой цель войти в топ-места мировых или даже национальных рейтингов, а стремятся просто выжить в новых условиях. В своих регионах они выполняют важные социальные функции, которые не сводятся только к образовательным. К примеру, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, с одной стороны, дает возможность получить высшее образование многим людям из сел и малых городов Республики Хакасия и южных районов Красноярского края, обеспечивая регион квалифицированными специалистами, с другой стороны, им производится большая часть научных разработок и инноваций в республике, проводятся массовые культурные и социально ориентированные мероприятия, создаются спортивные объекты и т. д. К тому же университет дает рабочие места не только преподавателям, но и юристам, экономистам, поварам, водителям, сантехникам, охранникам и т. п. При гипотетической ситуации, в которой университет закрывают под предлогом его неэффективности, пострадает вся социальная инфраструктура региона, его функции невозможно будет заменить работой других организаций, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Итак, можно в принципе ставить под сомнение адекватность количественного оценивания деятельности университетов. Пусть один университет выпустил в текущем году 2 000 студентов, а второй выпустил в этом же году 1 000 студентов, следует ли из этого, что первый вуз эффективнее второго?

Такие упрощенные индикаторы на самом деле не являются основными, но даже если взять в расчет такой показатель, как доля выпускников, устроившихся работать по своей специальности, то ясен и его условный характер, ведь качество образования напрямую не связано со структурой рынка труда. Университет может выпустить первоклассных инженеров-строителей, но если в регионе кризис строительства, то вряд ли стоит ожидать их трудоустройства по специальности, но данный фактор не будет учитываться при оценке эффективности вуза.

2. Отсюда вытекает следующий момент: *любой количественный показатель должен использоваться в контексте*. Для иллюстрации этого положения приведем пример де Брюйна, в котором идет речь об оценке эффективности деятельности ученого. Некоторый исследователь публикует статью о дельфинах в научном журнале, статьи из которого цитируются в среднем сорок раз в течение 4 лет. Его статью о дельфинах в течение 4 лет процитировали всего 6 раз. На основании этого оценщик может сделать вывод о неэффективности ученого. Вместе с тем может оказаться, что в течение этих 4 лет вышло всего 6 статей о поведении дельфинов, в каждой из которых есть ссылка на работу ученого. Иначе говоря, его статья является авторитетной для всех, кто занимается данной проблематикой. Можно утверждать, что само исследование поведения дельфинов является малоэффективным занятием (оно не в научном «тренде»), но не следует думать, что малоэффективен сам ученый, более того, в своей области он признанный лидер.

Однако сложившаяся практика управления такова, что подобные нюансы, контексты количественного параметра, оценщиков интересуют очень редко. Фиксация результативности государственных учреждений ведется по принципам универсальности и массового охвата. В оценке деятельности университетов не принимается во внимание их специализация, что наибольший удар наносит даже не по университетам с социально-гуманитарным уклоном, а по вузам, дающим высшее образование в различных областях искусства. Как правило, в таких университетах работает меньшее количество остепененных преподавателей, меньше внимания уделяется

научной работе, в большей степени преподаватели сосредоточены на творческих аспектах образовательной программы. Эти вузы занимают низшие места даже в общероссийских рейтингах, не говоря уже о глобальных. Есть и случаи, когда факультеты искусств сосуществуют с другими факультетами в рамках одного образовательного учреждения. В такой ситуации руководство вуза рассматривает их существование как обременение, тянущее показатели всего университета вниз. Если в университете 10 физиков, каждый из которых пишет по три статьи в высокорейтинговых журналах в год, и 10 преподавателей хорового пения, которые не пишут ничего, то в общем получается 1,5 статьи на одного преподавателя; если же обойтись без специальности «Хоровое пение», то данный показатель вырастает в два раза.

3. *Университеты должны ориентироваться не только на результат, но и на процесс.* Университет – это организация, для которой результат порой имеет второстепенное значение по отношению к самому процессу. Когда речь идет о том, что тот или иной вуз дает качественное образование, под этим в меньшей степени подразумевается, что в нем большинству студентов ставят высокие оценки по итогам обучения. Более важным является содержание процесса, в который вовлечены студенты: что и как им преподают на лекциях, чем они занимаются на практических занятиях, как организована их самостоятельная работа. Ценность высшего образования для отдельного индивида выражается именно в содержательной стороне образовательного процесса. Однако нередко случаи, когда студент ходит на все занятия в течение четырех лет и ничего не выносит для себя из этих посещений, при этом добиваясь высоких оценок. Итоговый результат (оценки и диплом) может являться для него конечной целью этих четырех лет, что искажает само предназначение образования как процесса.

Указанное искажение проявляется в типичных ситуациях поведения студентов. Традиционный вопрос, который задают студенты на первом занятии, связан не с содержанием дисциплины, а по смыслу звучит следующим образом: «Что необходимо сделать, чтобы получить “автомат” на экзамене?». В таком вопросе нет отрицательной коннотации, но в нем

явно обозначаются приоритеты, которые расставляют для себя студенты, дается намек преподавателю, что они готовы работать только для того, чтобы получить высокий балл. Экзаменационный результат тем самым довлеет над самим образовательным процессом.

Эта тенденция приоритета результата над процессом характерна и для взаимодействия между университетом и учредительным органом. Университетом «задается вопрос», что необходимо сделать для прохождения аккредитации и лицензирования, учредительным органом определяются параметры в качестве «ответа». Сама университетская жизнь с ее процессуальными особенностями оказывается не столь важной, как и для студента порой не важным является содержание тех или иных дисциплин. Возможно, от него требуют два раза выступить с докладом на семинаре и подготовить одно эссе, выполнение этих «нормативов» является условием или достаточным основанием для получения высокой экзаменационной оценки. К их выполнению можно подойти сугубо формально, сделать в последний момент, не уделяя должного внимания самому процессу подготовки. То же самое порой происходит с выполнением «нормативов» университетами. К примеру, научный процесс становится не столь важным по отношению к конечному результату – количеству опубликованных статей, выступлений на конференциях, грантов и т. д.

4. С третьим пунктом связано еще одно ограничение: *количественная оценка эффективности не дает объективного представления о качестве работы и в определенных условиях ухудшает его*. Обратимся к другому примеру де Брюйна, в котором он описывает проблемы, связанные с количественными оценками деятельности музеев. Эти оценки «могут быть применены к исчисляемым и четко определяемым реалиям; в музее таким показателем может быть количество посетителей» [де Брюйн, 2005. С. 50]. Однако, если такой показатель становится основным, а все другие рассматриваются как его производные, встает под вопрос сохранность коллекций музея. Вдобавок к этому сотрудники музея будут много времени и внимания уделять способам привлечения посетителей, что будет подавлять их

профессиональные навыки в научной деятельности и других сферах музейного дела.

Вопрос о том, как увлечение количеством сказывается на качестве работы профессорско-преподавательского состава, обсуждается много и порой чрезмерно эмоционально. Можно отметить, что этот вопрос приобрел общественное звучание, выйдя за рамки вузовской среды. Проговариваются два основных момента: требования по количеству публикаций, по количеству заявок на гранты, по финансированию научных исследований, предъявляемые к преподавателям вузов, непосредственно сказываются на качестве выполняемых НИР, что выражается в том числе в плагиате и самоплагиате, практике компиляции, фальсификации данных и т. д.; в погоне за выполнением количественных показателей по науке у преподавателей не остается времени для качественной работы со студентами, она отходит на второй план, ей не уделяется должного внимания. В целом происходит «профессиональное выгорание» преподавательского состава, теряется интерес к образовательной деятельности.

5. *Количественные оценки даются агрегированно, и их можно интерпретировать по-разному.* Оценки эффективности и результативности имеют разную степень обобщения, чем более они обобщены, тем больше пространства для манипуляций и искажений. В оценке научной деятельности известны манипуляции в различных системах цитирования. К примеру, работники отдельного вуза публикуют большое количество статей, индексируемых в системе цитирования (СЦ), на проверку оказывается, что значительная часть этих работ опубликована в материалах заочных конференций за установленную плату. Работники одного вуза могут активно заниматься цитированием работ своих коллег, чтобы повысить общий уровень цитируемости публикаций, аффилированных с университетом.

В системе оценивания, в которой будет показатель «количество публикаций, индексируемых в СЦ», наш гипотетический вуз займет достойное место; в системе оценивания, в которой используется показатель «количество статей в периодических изданиях, индексируемых в СЦ», уже нет. Аналогично с цитированием: система может учитывать все цитаты, а мо-

жет учитывать только цитаты, сделанные в работах, не аффилированных с оцениваемым учреждением. При этом у любой конкретизации есть свой предел, а, как уже обсуждалось в п. 2, система оценивания эффективности устремляется в противоположную сторону, что вполне естественно: чем меньше нюансов, тем проще считать и управлять. В рамках этой тенденции можно было бы упростить оценку деятельности университетов в один рыночный показатель – доход от предоставления образовательных услуг и реализации НИР. При определенной изобретательности все остальные показатели сведутся к производным от него.

Насколько управляющие органы осознают эти ограничения – вопрос открытый. По факту система высшего образования в России продолжает двигаться в направлении количественного регулирования деятельности университетов. При этом количественное оценивание гармонично сочетается с одним из общих принципов их работы, который стал доминирующим в последнее время, – принципом просчитываемости. Де Брюйн не зря отмечает, что количественно оценить можно только то, что просчитывается. В этом отношении аналогия между университетом и корпорацией приобретает еще одно обоснование, поскольку калькулируемость процессов для последней является функционально необходимым параметром, наряду с эффективностью, предсказуемостью и контролем [Никитин, 2018a].

Вместе с тем эффект де Брюйна прямо указывает, что если количественную оценку использовать в качестве средства аттестации и инструмента формирования системы поощрений и санкций, то работники будут стремиться к неадекватному поведению. Под неадекватным поведением де Брюйн понимает поведение, которое искажает содержательные цели организации.

В качестве примера рассмотрим ситуацию экзамена, в которой происходит взаимодействие двух сторон – преподавателя и студентов. Экзамен – типичный случай, когда система оценивания работает как система поощрений и штрафных санкций. По де Брюйну, эта функция является максимальной по силе принуждения, а чем эта сила больше, тем больше степень искажений. Студентов данная система поощряет и наказывает весьма про-

сто: высокая оценка за сдачу экзамена предполагает наличие стипендии, при достижении других показателей довольно большой; оценка ниже балла «хорошо» означает потерю стипендии. Высокий балл становится важным в большей степени не как средство морального удовлетворения за проделанную работу, а как цель финансового характера. Выработывается своеобразная стратегия поведения в период экзаменационной сессии, которую можно выразить формулой: «Я буду учить до тех пор, пока мне ставят хорошие оценки». Если студенту на первом экзамене ставят оценку «удовлетворительно», что автоматически означает потерю стипендии на полгода, он теряет мотивацию к тому, чтобы готовиться к последующим экзаменам. Естественно, что такая стратегия характеризует в первую очередь студентов, обучающихся на бюджетной основе, и далеко не всех из них, поскольку для некоторых оценка – это индикатор компетентности, а не средство заработка. Но в целом, процесс достижения высокой оценки для студентов стал своеобразным аналогом процесса получения прибыли для предпринимателей [Никитин, 2018б].

Со стороны преподавателей высокие оценки, получаемые студентами, привязаны к другим показателям, по которым оценивается их деятельность и работа университета. Наиболее явный из них – это сохранность контингента. Подушевое финансирование, введенное в российских вузах, привело к тому, что их администрация стала очень болезненно реагировать на отчисление студентов. Преподавательский корпус оказался под серьезным давлением, требующим от него максимальной лояльности к студентам. По сути, неудача студента стала означать педагогическую неудачу лектора, его неумение заинтересовать студента в преподаваемом материале. Сложился своеобразный идеал педагога, заданный административными целями: с одной стороны, он должен уметь отчитаться об использовании передовых образовательных подходов и новейших достижений науки, с другой – он должен ставить такие оценки студентам, которые бы подтверждали успешность заявленных подходов.

В таких условиях экзаменационная процедура зачастую превращается в симуляцию, где позитивная интеракция заменяется фальсеоинтеракцией. Под позитивной интеракцией подразумевается ситуация экзамена, к кото-

рой студент ответственно готовится, а преподаватель ответственно относится к контролю его знаний. Они оба следуют правилам экзаменационной процедуры и предполагают, что результатом их коммуникации будет адекватная оценка. Та же экзаменационная ситуация, в которой студент списывает, используя традиционные (письменная шпаргалка) или современные технические средства, а преподаватель делает вид, что этого не замечает, после чего ставит ему положительную оценку, может называться фальсеоинтеракцией – формальные правила соблюдены, но содержательный результат симитирован. По мнению М. В. Евдокимовой, в современной России главным фактором генезиса фальсеоинтеракций в системе высшего образования оказалось ее реформирование, нацеленное на информатизацию, коммерциализацию, рейтингование и т. д. [2018].

Однако ситуация экзамена – лишь частный случай в общей практике содержательных искажений, существующих в работе университетов. Можно согласиться с мнением, что «основная причина этих негативных последствий кроется <...> в жесткой регламентации деятельности высших учебных заведений со стороны государства» [Петров, 2017. С. 24]. Только следует добавить, что жесткая регламентация является естественной, если рассматривать университет как корпорацию, которая должна приносить какие-то количественные дивиденды. Именно ориентация на количественное измерение является основанием для этой регламентации, которое, в свою очередь способствует фальсеоинтеракциям, в целом деформациям в содержании образовательного процесса.

Список литературы / References

- Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Глобальные рейтинги университетов: проблема манипулирования // Журнал новой экономической ассоциации. 2012. № 1 (13). С. 126–146.
- Balatsky E. V., Ekimova N. A. Global'nye reitingi universitetov: problema manipulirovaniya [The Global University Rankings: the Problem of Ma-

- nipulation]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [New Economic Journal], 2012, no. 1 (13), p. 126–146. (in Russ.)
- Де Брюйн Х.** Управление по результатам в государственном секторе. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005.
- De Bryujn H.** Upravlenie po rezul'tatam v gosudarstvennom sektore [Managing Performance in the Public Sector]. Moscow, Institut kompleksnykh strategicheskikh issledovaniy, 2005. (in Russ.)
- Диев В. С.** Российский университет в условиях глобализации: некоторые характеристики модели управления // Философия образования. 2015. № 5 (62). С. 33–39.
- Diev V. S.** Rossiiskii universitet v usloviyakh globalizatsii: nekotorye kharakteristiki modeli upravleniya [Russian university in the context of globalization: some characteristics of the management model]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education], 2015, no. 5 (62), p. 33–39. (in Russ.)
- Евдокимова М. В.** Реформирование системы высшего образования: анализ фальсеогенетичности основных тенденций // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 90–92.
- Evdokimova M. V.** Reformirovanie sistemy vysshego obrazovaniya: analiz fal'seogenetichnosti osnovnykh tendentsij [Reforming Higher Education: Analysis of Falseogenicity of Main Trends]. *Vestnik of Katanov Khakass State University*, 2018, no. 25, p. 90–92. (in Russ.)
- Никитин А. П.** Макдональдизация высшего образования // Идеи и идеалы. 2018а. № 3, т. 2. С. 221–232.
- Nikitin A. P.** Makdonal'dizatsiya vysshego obrazovaniya [The mcdonaldization of higher education]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2018, no. 3, vol. 2, p. 221–232. (in Russ.)
- Никитин А. П.** Предпринимательский дух в университетской среде // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2018б. № 25. С. 107–109.
- Nikitin A. P.** Predprinimatel'skii dukh v universitetskoi srede [The entrepreneurial spirit in the university environment]. *Vestnik of Katanov Khakass State University*, 2018, no. 25, p. 107–109. (in Russ.)

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: БГУ, 2005.

Ortega y Gasset J. Missiya universiteta [Mission of the university]. Minsk, BSU Publ., 2005. (in Russ.)

Петров В. В. Российская образовательная политика: трансформация концепций высшей школы в условиях кризиса // Философия образования. 2017. № 4 (73). С. 17–27.

Petrov V. V. Rossiiskaya obrazovatel'naya politika: transformatsiya konceptsii vysshei shkoly v usloviyakh krizisa [Russian educational policy: transformation of the concepts of higher education in the crisis conditions]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education], 2017, no. 4 (73), p. 17–27. (in Russ.)

Goodhart C. Problems of Monetary Management: The UK experience. *Papers in Monetary Economics*, 1975, vol. 1, p. 111–144.

Материал поступил в редколлегию

Received

15.05.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Никитин Антон Павлович, кандидат философских наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (ул. Ленина, 90, Абакан, 655017, Россия)

Anton P. Nikitin, Candidate of Science (Philosophy), docent Katanov Khakass State University (90 Lenin Str., Abakan, 655017, Russian Federation)

nikitinanton5891@gmail.com

УДК 316.4 + 304.3

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-140-153

Студенчество России: тревоги и надежды на будущее

А. Н. Тимохович

*Государственный университет управления
Москва, Россия*

Аннотация

Приведены основные результаты эмпирического исследования, направленного на изучение ценностей российского студенчества. Исследование проведено в 2017–2018 гг. на базе Государственного университета управления, с использованием метода анкетирования, достигнута общероссийская выборка 1 600 респондентов. Рассматриваются ситуации, которые тревожат молодежь, представления молодежи о счастье, о воспитании будущих детей, жизненные цели и кредо молодежи, взгляд молодых людей на будущее. Результаты исследования отражают неоднозначное отношение молодежи к инструментальным и терминальным ценностям.

Ключевые слова

молодежь, студенчество, ценности, ориентиры, самореализация, жизненное кредо, жизненные цели

Для цитирования

Тимохович А. Н. Студенчество России: тревоги и надежды на будущее // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 140–153. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-140-153

© А. Н. Тимохович, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Students of Russia: Anxiety and Hopes for the Future

A. N. Timokhovich

*State University of Management
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper presents the main results of empirical research which focuses on Russian students' values. The study was conducted in 2017–2018 in State University of Management and was based on the survey method. The all-Russian sample of 1600 respondents was collected. The paper deals with the situations that disturb young people, youth's ideas about happiness, education of their future children, life goals and credo of young people, their views on the future. The results of the study reflect the ambiguous attitude of young people to instrumental and terminal values.

Keywords

youth, students, values, life guidelines, self-realization, credo, life goals

For citation

Timokhovich A. N. Students of Russia: Anxiety and Hopes for the Fut. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 140–153. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-140-153

Динамика социальных процессов активно влияет на духовную составляющую жизни общества и людей. Меняются стереотипы, интересы, увлечения, взгляды, мировоззрение, образ жизни и мыслей представителей разных групп населения. Наиболее восприимчивыми к общественным изменениям являются молодые люди.

Считается, что молодежь с момента выделения данной социальной группы в структуре общества представляет собой активно действующее социальное образование. Опираясь на три основных критерия выделения молодежи как социальной группы – возраст, положение в обществе, социально-психологический склад, ученые в разные периоды времени разраба-

тывают концепции, на основе которых изучаются особенности молодежи в различных их проявлениях [Зубок, Чупров, 2016].

В рамках психоаналитической концепции изучаются природные предпосылки молодости, специфика взросления, гендерного поведения молодых людей, причины агрессивного поведения молодежи в разных ситуациях (Г. С. Холл, К. Г. Юнг, Э. Эриксон, Д. Рисмен, И. С. Кон) [Луков, 2012].

Последователи структурно-функционального подхода анализируют молодежь как социально-демографическую группу, представители которой занимают в общественной структуре определенные статусы и выполняют комплекс социальных ролей в соответствии с занимаемыми статусами. Т. Парсонс, Ф. Малер, Х. Шельски, Ш. Эйзенштадт, В. Н. Боряз, В. Г. Васильев, В. А. Мансуров, М. Н. Руткевич, В. И. Староверов, С. С. Фролов, В. Н. Шубкин и многие другие представители данной концепции изучали разные тенденции формирования молодежи как социальной группы, особенности трудовой и общественной активности молодых людей, характер включенности молодежи в общественные структуры [Леньков и др., 2015].

Представители рискологического подхода уделяют особое внимание понятию риска и его значения для молодых людей. Т. Шуллер, М. Янг, Р. Уайт, Дж. Байнер, У. Нейгел, Ю. А. Зубок в своих исследованиях останавливаются на разных ситуациях, так или иначе сопряженных с многочисленными рисками молодых людей: ситуации возрастной дискриминации, социального неравенства, социальной мобильности и самореализации молодежи [Чупров и др., 2016].

Вопросы изучения идей, представлений, ценностей, убеждений, стереотипов молодых людей, которые в дальнейшем преломляются в изучение поведенческой активности молодежи, осуществляются в рамках культурологической концепции (К. Маннгейм, М. Мид и др.) [Киреев и др., 2013].

Молодежь как социальная группа отличается по ряду системных характеристик от других социальных групп [Тимохович, Филенко, 2015. С. 304]. Молодые люди мобильны. Они достаточно активно включаются в разные

виды деятельности, пробуют себя в разных областях, достигают поставленных целей либо переключаются на достижение альтернативных целей. Соответственно, молодые люди не только динамично меняют виды деятельности, свое социальное окружение, но в период молодости активно включаются в разные социальные практики, что приводит к изменению системы ценностей молодых людей.

В ценностях и представлениях молодых людей отражаются их взгляды на окружающую действительность, на свое место и роль в общественных реалиях.

Изучение российской молодежи, в частности российского студенчества, достаточно активно проводится исследовательскими и образовательными организациями, однако в большинстве случаев исследования носят локальный характер, т. е. респондентами выступают студенты отдельного вуза или ряда вузов в конкретном регионе. Соответственно, авторы получают срез информации о ценностях, проблемах и образе жизни студенческой молодежи конкретного региона или вуза. Результаты подобных исследований ограниченно отражают настроения и взгляды на жизнь молодых россиян. Отличительной особенностью настоящего исследования является достижение общероссийской выборочной совокупности, что позволяет экстраполировать полученные результаты на генеральную совокупность. Научная новизна исследования заключается в выявлении социальных фактов, отражающих неоднозначное отношение молодежи к инструментальным и терминальным ценностям.

Программные элементы исследования. В данной статье остановимся на основных результатах исследования ценностей молодежи, проведенного на базе Государственного университета управления в 2017–2018 гг. Объектом исследования являлось российское студенчество. Предмет исследования: ценности российского студенчества. Были обозначены основные задачи: выявление социальных фактов, тревожащих молодежь; выявление жизненных целей и ориентиров молодых людей; определение ценностей молодых людей сквозь призму проекции воспитания будущих детей и отношения к будущему.

Для достижения поставленных задач был использован количественный метод сбора первичной информации – проведение опроса молодых людей в форме анкетирования.

Для проведения опроса была разработана анкета, содержащая вступительную часть; блок основных вопросов, состоящий не только из вопросов содержательных, но и вопросов-фильтров, позволяющих дифференцировать респондентов по определенным параметрам; заключительную часть. Разработанная анкета была апробирована на студентах второго курса ГУУ с целью выявления неточностей и барьеров в понимании некоторых вопросов, а также с целью уточнения некоторых альтернатив для вопросов закрытого типа. Далее для опроса респондентов была использована скорректированная анкета. Опрос проводился в 2017 г. с использованием интернет-технологий. В опросе принимали участие российские студенты из всех субъектов Российской Федерации. Была достигнута общероссийская выборка 1 600 респондентов (см. таблицу). В соответствии с целями исследования в опросе приняли участие молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет, основным видом деятельности для которых является обучение.

Тревоги и опасения молодежи. Наиболее часто молодые люди связывали свои опасения и тревоги с проблемой самореализации: каждый второй опрошенный указал, что его тревожит ситуация не реализации себя в жизни. Более 40 % опрошенных в буквальном смысле беспокоятся за свою жизнь и жизнь своих близких. Чуть менее 40 % опрошенных опасаются остаться без материальных средств к существованию; остаться без друзей.

Каждый третий респондент переживает насчет учебы или устройства на работу; тревожится по причине возможности не встретить любимого человека; не суметь создать семью.

Каждый четвертый молодой человек обеспокоен отсутствием взаимопонимания с близкими людьми; нестабильной политической обстановкой в стране, мире; наличием коррупционной составляющей в России. Можно построить предположение о том, что представления молодых людей о коррупционной составляющей в стране и государственных структурах активизируют страх не реализовать себя в жизни [Гришаева и др., 2017. С. 29].

Выборочная совокупность по федеральным округам РФ
Sampling by Federal Districts of the Russian Federation

Округ	Города проведения опроса, тыс. жителей	Количество анкет
Дальневосточный федеральный	от 500 тыс. до 950 тыс.	25
	менее 450 тыс.	34
Поволжский федеральный	города-миллионники	57
	от 500 тыс. до 950 тыс.	127
	менее 450 тыс.	64
Северо-Западный федеральный	Санкт-Петербург	42
	от 500 тыс. до 950 тыс.	14
	менее 450 тыс.	38
Северо-Кавказский федеральный	от 500 тыс. до 950 тыс.	17
	менее 450 тыс.	80
Сибирский федеральный	города-миллионники	70
	от 500 тыс. до 950 тыс.	58
	менее 450 тыс.	85
Уральский федеральный	города-миллионники	70
	от 500 тыс. до 950 тыс.	44
	менее 450 тыс.	145
Центральный федеральный	Москва	58
	города-миллионники	28
	от 500 тыс. до 950 тыс.	116
	менее 450 тыс.	188
Южный федеральный	города-миллионники	28
	от 500 тыс. до 950 тыс.	102
	менее 450 тыс.	103
Крым	любые	7
Итого		1 600

Представления о счастье. Нематериальные ценности отражены в представлениях молодых людей о счастье. Большинство респондентов (66 %) связывают понимание счастья со счастливой семьей, любовью; верными друзьями (65 %); ситуациями успеха (55 %); здоровьем (55 %); достижением мечты (51 %).

Молодые люди активно связывают представления о счастье с возможностью самореализации, с успехами в учебе и работе (41 %). Следует отметить, что успехи в учебе и работе являются составляющей самореализации. Самореализация в явном виде, а также в косвенном проявлении (иметь счастливую семью, друзей, находиться в ситуации успеха) доминирует над другими представлениями о счастье у молодых людей.

Также достаточно многочисленными были ответы респондентов, связывающими понятие счастья с духовными сущностями: гармония и взаимопонимание как неотъемлемые составляющие счастья (42 %); мир на земле как залог счастья (35 %).

Материальные ценности также отражены в представлениях молодых людей о счастье: 46 % респондентов связывают представления о счастье с материальным благополучием.

Ценности в проекции на воспитание будущих детей. Доказано, что базовая система ценностей отражается в представлениях молодых людей касательно их взглядов на проблему воспитания своих будущих детей [Елишев, 2015]. Действительно, молодые люди порой могут демонстрировать эксцентричные формы поведения, нарушать нормы и устои современного им общества, тем самым заявляя о себе, своих потребностях, стараясь самовыражаться и привлекать к себе внимание. Однако, в ситуации появления собственных детей, необходимости их воспитания, молодые люди все чаще опираются на общие человеческие ценности. Именно это мы видим в ответах респондентов.

Необходимость в формировании в ходе воспитания своих будущих детей таких качеств, как честность, доброта, отзывчивость; любовь к семье, дому, близким указывает большинство респондентов. Вышеперечисленные

качества и черты отражают систему базовых ценностей человеческого общества.

Многие молодые люди (63 %) считают, что при воспитании детей необходимо делать акцент на формировании активной жизненной позиции, силы воли, упорства в достижении целей. Данные представления созвучны ценности самореализации молодежи.

Достаточно часто среди молодежи встречались выборы альтернатив касательно воспитания будущих детей, связанные с трендом индивидуализации личности в современном обществе. Такие черты, как организованность, самодисциплина, ответственность указывали 59 % респондентов. Более половины молодых людей (55 %) считают деловые способности, целеустремленность, «хватку» необходимыми качествами, которые они хотели бы сформировать у своих будущих детей.

Каждый третий молодой человек считает, что у своих будущих детей необходимо формировать в первую очередь гражданскую позицию, любовь к Родине. Каждый пятый молодой человек убежден в том, что абсолютно необходимо в процессе воспитания детей формировать веру в Бога.

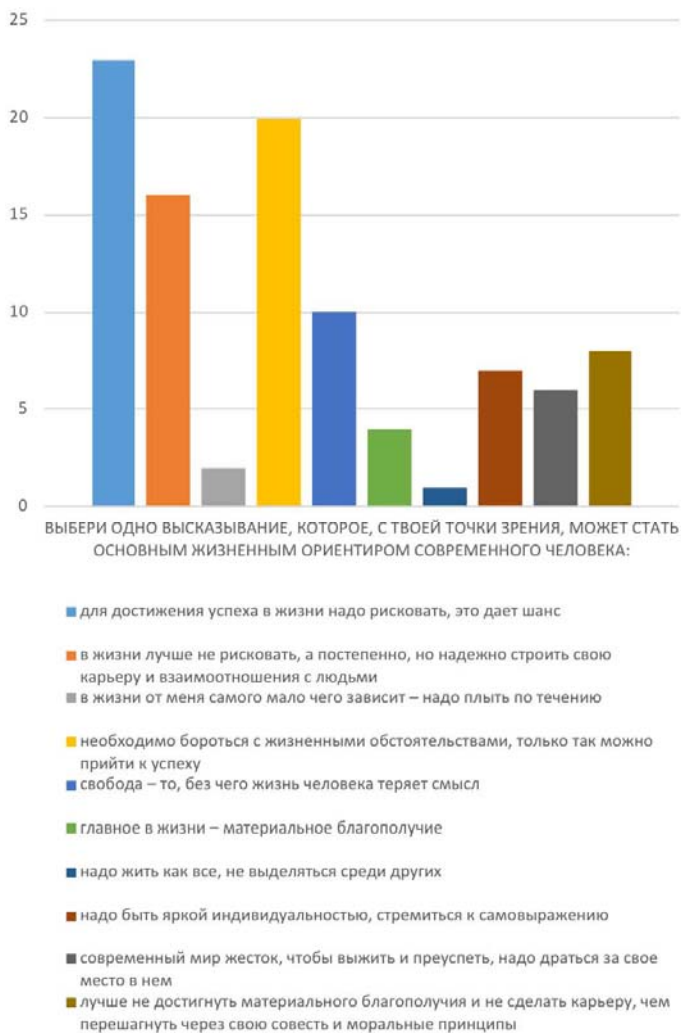
Жизненные кредо молодежи. Жизненные кредо представляют собой систему определенных убеждений, лежащих в основе мировоззрения и деятельности человека [Селезнева, 2015].

Жизненные кредо отражают представления молодых людей о том, какими они хотят быть, к чему они стремятся, каковы их принципы и ориентиры, т. е. на какие идеи и ценности они опираются в своих действиях и поступках.

Мнения молодых людей касательно сущности их жизненного кредо не были однозначными (см. рисунок).

Каждый второй молодой человек готов бороться за свое место в жизни, занимает активную жизненную позицию, выражающуюся в таких жизненных кредо, как: для достижения жизненного успеха нужно рисковать, риск дает шанс (23 %); для того, чтобы прийти к успеху, нужно бороться с жиз-

ненными обстоятельствами (20 %); чтобы выжить и преуспеть, надо драться за свое место в мире, так как современный мир жесток (6,4 %).

Жизненные кредо молодежи Life Credo of Youth

Каждый пятый респондент придерживается иных взглядов, отражающих пассивную жизненную позицию, выбирая следующие жизненные кредо: нужно постепенно, но надежно строить свою карьеру и взаимоотношения с людьми, а не рисковать (16 %); в жизни надо плыть по течению, так как от самого человека мало что зависит (2,5 %); надо жить как все, не выделяться среди других (2 %).

Также в мнениях молодежи относительно жизненных кредо присутствовали позиции, которые затрагивают непосредственно идеальные представления и моральные ценности: без свободы жизнь человека теряет смысл (11 %); лучше не достигнуть материального благополучия и не сделать карьеру, чем перешагнуть через свою совесть и моральные нормы (8,4 %).

Для 7 % молодых людей жизненным кредо является стремление к самовыражению, желание быть яркой индивидуальностью.

У небольшой части опрошенных отражаются материальные ценности в жизненном кредо. Данная часть молодых людей считает, что достижение материального благополучия является главным в их жизни (4,3 %).

Жизненные цели молодежи. Молодые люди демонстрируют широкий спектр жизненных целей, в основе которых находятся разные ценности.

В ряде жизненных целей молодежи отражены базовые человеческие ценности: иметь хорошую семью (78 %); приносить пользу другим людям (49 %); жить в гармонии с самим собой (46 %).

В жизненных целях молодых людей активно отражаются материальные ценности: жить в достатке (68 %); устроиться на хорошую работу (63 %); иметь собственную квартиру (59 %); заработать много денег (43 %).

Некоторые жизненные цели напрямую связаны с ценностью самореализации молодых людей: реализовать свои таланты (45 %); стать яркой индивидуальностью (27,5 %).

Многие жизненные цели молодежи отражают стремление к власти, что также косвенно связано с ценностью самореализации: открыть свой бизнес (39 %); занимать высокое положение в обществе (27 %); получить возмож-

ность руководить другими людьми, доступ к власти (15,5 %); получить всеобщее признание, прославиться (15 %).

Взгляды на будущее. В мнениях молодых людей о своем будущем прослеживается как позитивный образ будущего, так и сомнения насчет успешного будущего, а также непосредственные страхи в ожидании будущего.

Каждый второй респондент демонстрирует оптимистичный взгляд на будущее, выбирая альтернативу о том, что они с уверенностью и оптимизмом смотрят в завтрашний день. Треть молодежи демонстрирует более скептические настроения, указывая, что они сомневаются в том, что их дальнейшая жизнь сложится успешно. Небольшая часть молодых людей (5,6 %) пессимистично оценивают свое будущее, заявляя, что они со страхом ждут завтрашнего дня. Следует отметить, что каждый десятый молодой человек затруднился дать однозначный ответ на вопрос об оценке своего будущего, что позволяет отнести данную часть респондентов к латентным пессимистам.

Перемены в российском обществе накладывают отпечаток на достаточно высокий уровень тревожности у молодых людей, который прослеживается в ответах респондентов по ряду вопросов: в оценке своего будущего, в выборе жизненного кредо, в определении ситуаций, которые тревожат молодежь. Высокая скорость социальных процессов, динамизм во всех сферах и структурах общественной жизни формируют у молодых людей чувство неопределенности. Как следствие, молодые люди испытывают затруднение при построении картины своего будущего, при определении своей позиции, своей роли и предназначения в будущем.

Заключение. В рамках проведенного исследования были изучены ценности российского студенчества. Одной из основных является ценность самореализации: для значительной части молодых людей жизненные кредо, цели и ориентиры связаны с возможностью реализовать себя в разных областях: в семье, в учебе, работе, творчестве, в кругу друзей. Самореализация, с одной стороны, является целью большинства молодых людей, с дру-

гой стороны, тревогой и опасением с точки зрения возможных барьеров на пути самореализации.

Следующей значимой ценностью для молодежи является ценность семьи. Она проявляется в представлениях молодых людей о счастье, которые они связывают именно с семьей; также в проекции воспитания своих будущих детей, у которых в первую очередь молодые люди будут воспитывать любовь к семье.

Активная жизненная позиция также представляет собой ценность для большинства представителей молодого поколения. Молодые люди стремятся быть вовлеченными в разные виды деятельности, самостоятельно решать проблемы и преодолевать трудности на своем жизненном пути, быть открытыми и свободными.

Обозначенный спектр основных жизненных ценностей молодых людей требует корректировки государственных и общественных механизмов работы с молодежью, разработки дополнительных инструментов, направленных на поддержку молодежных инициатив.

Список литературы / References

Гришаева С. А., Поляков М. Б., Бегичева О. Л., Тимохович А. Н. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики. М.: ИД ГУУ, 2017.

Grishaeva S. A., Polyakov M. B., Begicheva O. L., Timokhovich A. N. Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki [Value orientations of Russian youth and implementation of the state youth policy: results of the study]. Moscow, 2017. (in Russ.)

Елишев С. О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М.: Канон+, 2015.

Elishev S. O. Molodezh kak ob'ekt sotsializatsii i manipulyatsii [Youth as an object of socialization and manipulation]. Moscow, 2015. (in Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи. М.: Инфра-М, 2016.

- Zubok Yu. A., Chuprov V. I.** Sotsiologiya molodezhi [Youth Sociology]. Moscow, 2016. (in Russ.)
- Киреев Е. Ю., Красниковский В. Я., Сазонов А. А., Сазонова А. Л.** Молодежь Москвы. Ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития. М.: Наука, 2013.
- Kireev E. Yu., Krasnikovskii V. Ya., Sazonov A. A., Sazonova A. L.** Molodezh Moskvy. Tsennostnye priority, strategii povedeniya i perspektivy razvitiya [Youth of Moscow. Value priorities, strategies of behavior and prospects of development]. Moscow, 2013. (in Russ.)
- Леньков Р. В., Гришаева С. А., Колосова О. А., Тимохович А. Н., Пацула А. В., Гайдукова Е. А., Куликова О. А., Митрюшин С. А., Мишина Г. Н., Ромашова Л. О.** Социология молодежи. М.: Юрайт, 2015.
- Lenkov R. V., Grishaeva S. A., Kolosova O. A., Timokhovich A. N., Patsula A. V., Gaidukova E. A., Kulikova O. A., Mitryushin S. A., Mishina G. V., Romashova L. O.** Sotsiologiya molodezhi [Sociology of youth]. Moscow, 2015. (in Russ.)
- Луков В. А.** Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+, 2012.
- Lukov V. A.** Teorii molodezhi: mezdistsiplinarnyi analiz [Theories of youth: interdisciplinary analysis]. Moscow, 2012. (in Russ.)
- Селезнева А. В.** Молодежь в современной России. Политические ценности и предпочтения. М.: Аргмак-Медиа, 2015.
- Selezneva A. V.** Molodezh v sovremennoi Rossii. Politicheskie tsennosti i predpochteniya [Youth in modern Russia. Political values and preferences]. Moscow, 2015. (in Russ.)
- Тимохович А. Н., Филенко С. С.** Включенность молодых людей в субкультуры: результаты эмпирического исследования // Вестник университета (ГУУ). 2015. № 10. С. 303–307.
- Timohovich A. N., Filenko S. S.** Vkluyuchennost molodyh lyudei v subkultury: rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Involvement of young people in subcultures: results of empirical research]. *Vestnik Universiteta*

(GUU) [*Bulletin of University. State University of Management*], 2015, no. 10, p. 303–307. (in Russ.)

Чупров В. И., Zubok Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе. Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2016.

Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Otnoshenie k socialnoi realnosti v rossiiskom obshchestve. Sotsiokulturnyi mehanizm formirovaniya i vosproizvodstva [Attitude to social reality in the Russian society. Socio-cultural mechanism of formation and reproduction]. Moscow, 2016. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.05.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Александра Николаевна Тимохович, кандидат психологических наук, доцент Государственного университета управления (Рязанский проспект, 99, Москва, 109542, Россия)

Alexandra N. Timokhovich, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, State University of Management (99 Ryazanskii Ave., Moscow, 109542, Russian Federation)

an_timokhovich@guu.ru

УДК 322; 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-154-164

Полиэтнические общества: религиозно-культурная составляющая хозяйственной деятельности

Г. С. Солодова

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Длительное господство неоклассической экономической школы привело к акцентированию роли формальных, количественных факторов и законов. Произошло определенное сужение и абстрагирование набора анализируемых показателей, исключение культурных, социальных, религиозных факторов как обладающих причинно-следственным потенциалом. Однако социально-экономическая мотивация человека чрезвычайно сложна и неоднозначна. Полноценный анализ хозяйственно-экономических процессов не может обходиться без учета внеэкономических элементов – религии и культуры.

Ключевые слова

культура, религия, хозяйственно-экономическая деятельность, полиэтнические общества

Для цитирования

Солодова Г. С. Полиэтнические общества: религиозно-культурная составляющая хозяйственной деятельности // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 154–164. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-154-164

© Г. С. Солодова, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Polyethnic Societies: The Religious – Cultural Component of Economic Activity

G. S. Solodova

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Siberian State University of Telecommunications
and Information Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The prolonged domination of the neoclassical economic school led to the emphasis on the role of formal, quantitative factors and laws. There was a certain narrowing and abstraction of a set of analyzed indicators, exclusion of cultural, social, religious factors as having no causal potential. However, the socio-economic motivation of a person is extremely complex and ambiguous. A full-fledged analysis of economic processes cannot be done without taking into account non-economic elements – religion and culture.

Keywords

culture, religion, economic activity, polyethnic societies

For citation

Solodova G. S. Polyethnic Societies: The Religious – Cultural Component of Economic Activity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 154–164. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-154-164

Процессы глобализации, рост межкультурных коммуникаций привнесли кардинальные изменения в жизнь миллионов людей, оказали влияние на внутреннюю политику многих государств. В развитии современных обществ усилились динамичность, многовекторность. Это стало одной из причин того, что уже сформировавшиеся и еще приобретающие четкие очертания социокультурные и социально-экономические тренды нередко вступают между собой в конфликт.

Транснационализация экономики, распространение информационно-коммуникативных технологий, включенность представителей разных культур в единый хозяйственно-экономический процесс и социальный контекст в целом обуславливают обращение к факторам, влияющим на социальные и хозяйственно-экономические практики представителей разных культур и народов. Исходной посылкой работы служит положение о том, что причины сходства и различий экономического сознания и поведения следует искать в близости или отличиях факторов, носящих культурно-религиозную подоплеку. Это может быть схожесть обычаев, традиций, религиозных воззрений, духовного сознания в целом. Как отмечает Фукуяма, формирование норм, приемлемых для больших групп людей – наций, этнолингвистических общностей или цивилизаций, происходит неслучайно. При этом «религия по-прежнему остается важным источником культурных норм, причем даже в секулярных обществах» [2002]. Религиозные положения дают определенные морально-этические ориентиры, необходимые не только для традиционного, но и для современного светского, секуляризированного общества. Начала научного обсуждения данной тематики заложены М. Вебером и В. Зомбартом, показавшими предрасположенность представителей некоторых народов и религий к предпринимательской деятельности. Было сделано предположение о том, что духовно-нравственные ориентиры, содержащиеся в религиозных верованиях, обладают потенциалом влияния на экономическое сознание и поведение людей. Значимость религиозных идей как регуляторов хозяйственной жизни общества может быть довольно очевидной, декларируемой и однозначной, что присутствует в протестантизме, но может носить не выраженный, напрямую не проявляемый характер, что в большей мере характерно для православия.

Экономические культура и сознание, будучи социальной памятью общества, складываются с учетом особых природных, территориально-климатических условий жизни общества. В соответствии с этим разнообразием, хозяйственные представления могут существенно различаться. В данном случае культура выступает в роли социального механизма, который воспроизводит проверенные и соответствующие потребностям обще-

ства схемы поведения. Вопрос об экономической культуре – это, прежде всего, вопрос о нематериальных составляющих хозяйственной деятельности, о том, что, помимо чисто практических и утилитарных потребностей, движет хозяйственной деятельностью человека. Выбранный подход позволяет рассматривать экономическую культуру как синтез культурных, глубоко социальных и индивидуальных проявлений общественной жизни. Хозяйственно-экономические представления и практики интерпретируются как производная от культуры в целом, которая, в свою очередь, в традиционном обществе в значительной степени зависит от господствующих религиозных верований. Иначе говоря, понятия культуры, религии и хозяйственно-экономической деятельности, экономической культуры не являются взаимно независимыми.

В этом смысле можно говорить, что разные культуры и религии формируют разные типы индивидуального и коллективного сознания, включающие определенные наборы установок, предпочтений и предрасположенностей. Есть все основания говорить о корреляции социально-исторической динамики обществ и доминирующих религиозно-культурных представлений и ценностей.

Обратимся к некоторым особенностям развития европейской и восточной цивилизаций, их религиозной специфике, которая и сегодня играет весьма существенную роль. Значимость религиозного фактора проявляется в самих названиях типов цивилизаций – западно-христианский, исламский, индо-буддийский, дальневосточно-конфуцианский. Можно говорить о зависимости, если не о детерминации и подчиненности социальных и экономических взглядов религиозным. Обращение к рассмотрению религиозных взглядов связано с тем, что религиозная и социальная жизнь общества не изолированы и не противопоставлены, но находятся в тесной связи и единстве – религия выполняет роль духовной основы, нравственной направляющей, а иногда и императива. И христианство, и ислам способствовали развитию духовной и материальной культур, заложили основы христианской и мусульманской культур. Вместе с тем мировые религии не являются исторически изолированными – христианство своими корнями

ми уходит в иудаизм, ислам – в христианство и иудаизм. Еврейские, христианские общины жили в соседстве с мусульманами. Логично предположить, что это создало основу для определенной ментальной общности и духовной близости, в том числе в сфере социально-экономических представлений. Следует отметить, что становление и развитие многих социально-философских взглядов носило теософский характер, в особенности это характерно для арабоязычной философии Средневековья, неразрывно связанной с исламом.

В России религиозно-цивилизационную основу составила восточная ветвь христианства – православие, однако исторически сложившаяся полиэтничность и поликонфессиональность российского общества обуславливают обращение и к другим религиозным воззрениям [Солодова, 2006]. В данной работе основное внимание будет сосредоточено на сопоставлении православных и исламских истоков и суждений об основных принципах построения хозяйственной жизни.

Сходство общественного устройства в православной и мусульманской культурах проявляется в длительном существовании общины. Для православия и ислама характерно подчеркивание общинного, коллективного общежития. В дореволюционной России община считалась основой общественного и государственного устройства. По мнению славянофилов, она служит исходной точкой, неотъемлемой чертой всего русского прошлого и будущего. Общинная организация российских сельских сообществ в значительной степени является одним из социальных следствий сложных природно-климатических условий.

Издавна иноземцы, посещавшие Россию, в своих сочинениях, хотя бы кратко, останавливались на описании местного климата. Так, Д. Флетчер в своем труде «О государстве Русском», изданном в Англии еще в 1591 г., писал: «Зимой все бывает покрыто снегом, который идет беспрестанно и выпадает иногда на один или два ярда... Реки и другие воды замерзают на один ярд или более в толщину, как бы ни были быстры или широки. Зима продолжается обыкновенно пять месяцев... От одного взгляда на зиму в России можно почувствовать холод. В это время морозы бывают так велики, что вода, выдавливаемая по каплям или вдруг, превращается в лед,

не достигнув еще земли... Когда вы выходите из теплой комнаты на мороз, дыхание ваше спирается, холодный воздух душит вас. Не одни путешественники, но и люди на рынках и на улицах, в городах испытывают над собою действие мороза: одни совсем замерзают, другие падают на улицах; многих привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении... Часто случается, что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их: тогда жители принуждены бывают спасаться бегством... Как холодна зима, так лето чрезвычайно жарко, в особенности в июне, июле и августе: здесь оно гораздо жарче, чем в Англии» (цит. по: [Большаков, Рожнов, 1926]). В силу менее благоприятных климатических условий российские крестьяне ежегодно теряли 2–3 месяца благоприятного периода для сельскохозяйственных работ. «Природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для восточной, для народов, которым суждено было действовать, – мачеха», – так охарактеризовал причину отличий русского и западного развития С. М. Соловьев [Павлов-Сильванский, 1923].

Крестьянский труд был более тяжелым и рискованным, нежели в Западной Европе, и принцип «каждый сам за себя» не обеспечивал выживаемости. Взаимная помощь и поддержка, жизнеспособность общинного уклада в первую очередь были обусловлены необходимостью выживания и, как следствие, кооперацией крестьянских домохозяйств при проведении полевых работ. Поддержку и распространение в хозяйственной культуре получает не индивидуализм, а общинность. Происходит определенное слияние с миром (крестьянской общиной). Неотделенность человека от мира становится условием его спасения. Община служила гарантом, своеобразным залогом материального благосостояния и экономической «непотопляемости» семьи. Человек помогал другим и сам мог рассчитывать на поддержку окружающих. Такая помощь могла быть разовой, вызванной временным неблагополучием семьи, но могла иметь и более регулярный характер. Решение о помощи принималось на сельском сходе, собираемом зачастую по инициативе волостного старшины. Помогали вдовам, сиротам, тем, кто ставит новую избу, помогали жать, косить, моло-

тить. Работали бесплатно, однако после окончания было принято кормить работников.

Крестьянская община выполняла весомую и признаваемую социальную роль, ее нравственное и хозяйственное значение непреложно. Вместе с тем ее влияние не всегда оценивается положительно. Помимо неоспоримых плюсов взаимовыручки и взаимоподдержки, к возможным минусам общинного труда можно отнести вытекающее из него тяготение к коллективному разделению ответственности. В. А. Бердинских замечает: «Можно сказать и так, что неразвитость индивидуального сознания позволяла индивидуализироваться только деревенскому коллективу» [2001]. Характерна невыделенность личности, что проявилось в том числе в стремлении не выделяться, быть как все. Если для западной хозяйственной модели характерен индивидуализм, ориентация на себя, способность брать дело и отвечать за него единолично, то общинное землепользование допускало и предполагало коллективное ведение хозяйственных процессов и коллективное разделение его результатов и последствий. Хозяйственно-земледельческая деятельность, требовавшая объединения усилий, определила общинный тип организации сельских сообществ. Мировосприятие крестьянства, его экономическая культура преломлялись через призму общих интересов, длительное время носили общинный характер, что проявлялось в тяготении к уравнительным отношениям. Можно сказать, что произошло природно-климатическое обусловливание социальной организации до-революционного российского общества.

Природно-географический фактор оказался важным и для формирования хозяйственной культуры мусульманского Востока. В ней также присутствует стремление к коллективизму – мусульманская община (умма), помимо религиозных задач, была призвана облегчить материальные и хозяйственные проблемы человека. В предпринимательской деятельности приоритет всегда отдавался различного рода товариществам.

Зарождение мусульманской цивилизации проходило в условиях пустыни, что обуславливало кочевой образ жизни и не способствовало широкому распространению земледелия. Основными видами занятий среди этой части арабских племен были скотоводство и торговля. Экстремальный

температурный режим не содействовал активной хозяйственной деятельности. В исламской культуре большое внимание уделяется чистоте и умеренности хозяйствования, справедливости трудовой деятельности. Ислам не делает различий между умственным и физическим трудом, хотя труд духовенства считается наиболее полезным. Коран осуждает чрезмерное производство и потребление.

Несомненно важным и в православии, и в исламе является способ обретения богатств. Критерием служит безобманность, честность в накоплении. «Не доставляют пользы сокровища неправедные» (19 Прит. 2). «Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом» (20 Прит. 10). Обман, неправедность накоплений наказуемы и ведут к гибели человека. Аналогичные высказывания присутствуют и в Коране: «Горе обвешивающим, которые, когда отмеривают себе у людей, берут полностью, а когда мерят им или вешают, сбавляют!» (Коран, 83: 1–3). «Полностью соблюдайте меру и вес. Не снижайте людям в их вещах и не портите землю после ее устройства. Это лучшее для вас, если вы верующие!» (Коран, 7: 83). «И будьте верны в мере, когда отмериваете, и взвешивайте правильными весами. Это – лучше и прекраснее по результатам» (Коран, 17: 37).

Общим является и осуждение накопительства – богатство не должно быть самоцелью. Стяжательство, чрезмерная любовь к наживе ведет к духовной дисгармонии, соперничеству, стремлению превзойти друг друга богатством. В православии излишнее тяготение к достатку, сребролюбие как напряженное, бесконечное стремление к приобретению материальных благ относятся к душевным страстям. «Ибо, где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лук. 12. 34). В исламе в 102-й Суре Корана «Охота к умножению» говорится: «Увлекла вас страсть к умножению, пока не навестили вы могилы. Так нет же, вы узнаете!.. Вы непременно увидите огонь! Потом непременно вы увидите его оком достоверности! Потом вы будете спрошены в тот день о наслаждении!» (Коран, 102: 1–3, 6–8).

Одним из проявлений разного уровня достатка является социальное неравенство. Неравенство не является атрибутом только общественного

устройства. В христианстве присутствует довольно строгая иерархия отношений. Вражда и зависть к людям, более богатым, занимающим более высокий социальный статус, рассматривается как несогласие, осуждение «премудрых промыслов судьбы». Апостол Павел провозглашает: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога» (Рим. 13: 1). Вне зависимости от своего социального положения, звания каждый человек может спастись, поэтому каждый должен оставаться в том сословии, к которому принадлежит. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван». «В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед Богом» (1 Коринф. 7, 20, 24). Вместе с тем это не означает порицания или отрицания смены своего социального положения, иначе говоря, социальной мобильности. «Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучше воспользуйся» (1 Коринф. 7, 21).

Сходных позиций придерживается и ислам. В исламской доктрине имущественное неравенство само по себе не только необходимо в качестве стимула хозяйственной активности, но идеологически является продолжением принципа изначального равенства людей. Так, именно принцип равенства заставляет исламских теоретиков отказываться от насильственного перераспределения доходов и принимать материальное неравенство, а также и институт частной собственности, как должное: человек подчиняется только Богу и никому больше, а Бог создал людей с неодинаковыми характерами и способностями, и было бы несправедливым и преступным лишать людей того, что ими честно заработано. В Коране написано: «Кто родился в бедности, пусть умрет в бедности».

В целом заметим, что социокультурное понимание истоков экономической культуры позволяет говорить о нераздельности культурно-религиозной и хозяйственно-экономической составляющих общества. Экономическая культура является производной от культуры в целом, которая, в свою очередь, в традиционном обществе в значительной степени зависит от господствующих религиозных верований. Длительно формируясь, экономическая культура рассматривается как определенный фрагмент, часть общей культуры человека и представляет собой долговременную и устойчивую

систему ценностей в сфере экономики. Экономическая культура тяготеет к самовоспроизводству, т. е. повторению своих основных принципов и практик.

Рассмотренные факторы, обусловившие выбранные элементы хозяйственно-экономической культуры в православии и исламе, позволяют говорить об их определенном типологическом сходстве – религиозные установки, природно-климатическими условия, наличие общинной формы жизнедеятельности. Вместе с тем данное обстоятельство говорит лишь об определенной синкретичности религиозной и культурной сфер и не означает содержательного совпадения типов экономической культуры и хозяйственно-экономических практик.

Список литературы / References

- Бердинских В. А.** Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001.
Berdinskikh V. A. Krest'yanskaya tsivilizatsiya v Rossii [Peasant civilization in Russia]. Moscow, Agraife Publ., 2001. (in Russ.)
- Большаков А. М., Рожнов Н. А.** История хозяйства России: В материалах и документах. Л.: Гос. изд-во, 1926. Вып. первый.
Bolshakov A. M., Rozhnov N. A. Istoriya khozyaistva Rossii: V materialakh i dokumentakh [History of Russian economy: In materials and documents]. Leningrad, State publ. house, 1926, no. 1. (in Russ.)
- Павлов-Сильванский Н. П.** Феодализм в Древней Руси. М.; Пг., 1923.
Pavlov-Silvanskii N. P. Feodalizm v drevnei Rusi [Feudalism in ancient Russia]. Moscow, Petersburg, 1923. (in Russ.)
- Солодова Г. С.** Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений. Новосибирск: Параллель, 2006.
Solodova G. S. Sobstvennost', bogatstvo, sotsial'noe neravenstvo v Rossii: sotsiokul'turnaya determinirovannost' predstavlenii [Property, wealth, social inequality in Russia: sociocultural determinism of ideas]. Novosibirsk, Parallel Publ., 2006. (in Russ.)

Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002. С. 145–146.

Fukuyama F. Sotsial'nyi kapital [Social capital]. In: Culture matters. How values contribute to social progress. Eds. L. Harrison and S. Huntington. Moscow, Moscow school of political studies, 2002, p. 145–146. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Солодова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (ул. Кирова, 86, Новосибирск, 630102, Россия)

Galina S. Solodova, Doctor of Sciences (Sociological), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (86 Kirov Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

gsolodova@gmail.com

УДК 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-165-180

Социальное самочувствие межэтнического сообщества Новосибирска: опыт диагностики и его роль в муниципальном управлении

Ю. В. Попков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Социальное самочувствие людей разных национальностей рассматривается в качестве важной составляющей этносоциальной ситуации и качественной характеристики городского межэтнического сообщества. В свою очередь такое сообщество обосновывается как значимый объект национальной политики на муниципальном уровне. На основе обобщения результатов проведенных под руководством автора массовых социологических опросов дается характеристика социального самочувствия населения города Новосибирска – уровня общего благополучия и степени удовлетворенности отдельными сторонами жизни, идентичности, состояния и динамики межэтнических отношений, как они видятся представителями разных этнических групп. Фиксируется наличие, с одной стороны, в целом благоприятного социального самочувствия представителей разных национальностей и доброжелательных межэтнических отношений, с другой стороны, определенных тревог и волнений, связанных с социальным положением жителей и развитием этих отношений в последнее время. Выделяются задачи муниципального управления, которые решаются с помощью мониторинга социального самочувствия городского межэтнического сообщества.

Ключевые слова

социальное самочувствие, межэтническое сообщество, муниципальное управление, Новосибирск

© Ю. В. Попков, 2019

Для цитирования

Попков Ю. В. Социальное самочувствие межэтнического сообщества Новосибирска: опыт диагностики и его роль в муниципальном управлении // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 165–180. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-165-180

Social Well-Being of the Interethnic Community of Novosibirsk: Diagnostics Experience and Its Role in Municipal Governance

Yu. V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The social well-being of people of different nationalities is considered as an important component of the ethno-social situation and the qualitative characteristics of the urban inter-ethnic community. Such a community is justified as a significant object of ethnic policy at the municipal level. Based on the generalization of the results of mass sociological polls conducted under the leadership of the author, the paper describes the social well-being of the population of Novosibirsk: the level of general well-being and degree of satisfaction with certain aspects of life, identity, state and dynamics of inter-ethnic relations, as they are seen by different ethnic groups. It records, on the one hand, the existence of favorable social well-being and a benevolent attitude of the majority of residents towards members of other ethnic groups and, on the other hand, certain anxieties related to the social status of residents and the development of inter-ethnic relations in recent years. The author also highlights the tasks of the municipal government that are solved by monitoring the social well-being of the urban inter-ethnic community.

Keywords

social well-being, interethnic community, municipal governance, Novosibirsk

For citation

Popkov Yu. V. Social Well-Being of the Interethnic Community of Novosibirsk: Diagnostics Experience and Its Role in Municipal Governance. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 165–180. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-165-180

Важными условиями успешности государственного управления в сфере национальной политики является решение двух взаимосвязанных задач: с одной стороны, качественная диагностика состояния тех процессов, которые она призвана регулировать, с другой – четкая проработка ее концептуальных оснований и базисных приоритетов, заложенных в официальных доктринальных документах. Сами основания и приоритеты могут характеризоваться разной степенью соотнесенности с реальными процессами и существующими актуальными проблемами. Органы власти ориентируются на корректировку доктринальных источников, если возникает такая необходимость. Так, с учетом произошедших в последнее время изменений и в результате активной дискуссии среди экспертов в принятую в 2012 г. Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия) были внесены значительные текстовые поправки, закрепленные в указе Президента РФ от 6 декабря 2018 г.¹ В частности, уточнения сделаны в формулировках принципов, целей, задач и направлений национальной политики. Новацией является включение в текст Стратегии определений основных понятий, которые касаются данной сферы общественной жизни и соответствующего направления государственного управления. В нее дополнительно включены два новых раздела: «V. Целевые показатели реализации настоящей Стратегии» и «VI. Ожидаемые результаты реализации настоящей Стратегии». В документе четко фиксируется повышение ответственности местных властей за реализацию национальной политики.

В то же время многие важные, в том числе концептуально значимые вопросы национальной политики по сути не актуализированы и в новом варианте Стратегии. Мы уже подробно анализировали эту проблему [Попков, 2019]. Здесь сделаем акцент на тех вопросах, которые непосредственно касаются муниципального уровня управления.

¹ Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007> (дата обращения 03.04.2019).

Если оценивать ситуацию в общем, то следует констатировать, что местные (муниципальные) власти оказались в зоне повышенной ответственности за реализацию национальной политики при недостаточной проясненности необходимых для этого институциональных, правовых, административных, финансовых и кадровых возможностей. Их изыскание во многом ложится на плечи самих муниципалитетов.

В Стратегии никак не оговаривается и то обстоятельство, что структура местных органов власти в России отличается большим разнообразием с различающимися проблемами в области национальной политики. Ведь одно дело ситуация с многонациональным составом населения в городах-миллионниках, другое – в небольших по численности сельских районах или населенных пунктах. Очевидно, что задачи управления в данной сфере у них могут существенно различаться. По нашему убеждению, города, особенно крупные, в современных условиях выступают наиболее проблемными зонами национальной политики. Они отличаются наибольшим уровнем полиэтничности, характеризуются широким спектром этноконтактов. Именно в них концентрируются главные проблемные узлы межэтнических отношений. Следовательно, города должны быть признаны в качестве наиболее актуальных объектов национальной политики. Данный вопрос подробно анализируется в нашей недавно опубликованной монографии [Социокультурный мониторинг..., 2018]. Необходимость приоритетного акцента на городах и городских агломерациях как значимом объекте национальной политики убедительно отстаивают О. И. Вендина и Э. А. Паин [2018].

Еще один важный вопрос касается выделения конкретного объекта национальной политики в рамках самого города. Проблема объекта управленческого воздействия в Стратегии специально не обговаривается и не определяется не только применительно к городу, но и в отношении национальной политики в целом. Но можно предположить, что в качестве такового воспринимаются межнациональные (межэтнические) отношения, поскольку именно состояние этих отношений касается констатирующий раздел Стратегии.

С нашей точки зрения, объектом и одновременно целостной единицей исследования и управленческого воздействия в русле национальной политики на муниципальном уровне призваны выступать не только межнациональные (межэтнические) отношения, но и конкретные межэтнические сообщества в целом как некоторые интегрированные комплексные образования, исторически складывающиеся в процессе межэтнических взаимодействий. Поэтому среди важных инструментов реализации национальной политики следует признать мониторинг не просто межнациональных и межконфессиональных отношений и предупреждения конфликтов, как об этом говорится в Стратегии, а мониторинг состояния всего соответствующего межэтнического сообщества [Социокультурный мониторинг..., 2018].

Подробно методологическое и методическое обоснование мониторинга межэтнического сообщества и построение системы его конкретных показателей было предпринято нами ранее (см., в частности: [Попков, Костюк, 2018]). Идея подобного мониторинга состоит в рассмотрении его не только как исследовательской, но и как управленческой практики – составной части механизма муниципального управления. Его реализация помогает отслеживать состояние, изменения и общую динамику этносоциальных процессов, решать текущие социальные проблемы, осуществлять моделирование городского межэтнического пространства.

В системе показателей мониторинга межэтнического сообщества важное место занимают вопросы социального самочувствия представителей разных этнических групп, которое мы рассматриваем в качестве определенного индикатора состояния этносоциальной ситуации и качественной характеристики городского межэтнического сообщества, анализируемого сквозь призму восприятия его со стороны городских жителей. Режим мониторинга дает возможность отследить данные процессы в динамике.

Для иллюстрации потенциала предложенного подхода представим далее анализ социального самочувствия жителей города Новосибирска, включающий выявление степени удовлетворенности представителей разных этнических групп отдельными сторонами жизни, значимости для них разных

видов идентичности (гражданской, региональной, городской, этнической), оценок состояния и динамики межэтнических отношений, отношения к мигрантам и др. Его эмпирической базой послужили результаты проведенных в 2014 и 2017 гг. под руководством автора массовых социологических опросов, в общей программе и содержании которых был представлен блок по проблемам социального самочувствия ².

Но прежде чем обратиться к эмпирическим материалам, сделаем несколько замечаний относительно феномена социального самочувствия.

Тема социального самочувствия стала в последнее время весьма обсуждаемой (обзор работ по данной проблеме см., в частности: [Чугуненко, Бобкова, 2013]). Мы солидарны с позицией данных авторов в оценке этого явления: «Социальное самочувствие населения становится, с одной стороны, важнейшим показателем эффективности социальной политики государства, с другой – определяющим фактором отношения большинства народа к властным субъектам» [Там же. С. 15]. В то же время не можем согласиться с теми, кто полагает, что самочувствие носит субъективный характер [Кашкина, 2012]. Очевидно, что оно имеет непосредственное отношение к определенному субъекту, однако зависит не только от этого субъекта, но и от условий, которые заданы социальной средой, его соци-

² В ходе массового опроса 2014 г. сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (организатор опроса – Е. А. Ерохина) всего было опрошено 419 чел. (методом группового и индивидуального анкетирования) из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп. Характер выборки – целевая, непропорциональная. Среди опрошенных выделена группа из 50 чел., которые в свое время приехали из регионов Кавказа и Средней Азии. Им было задано несколько дополнительных вопросов по проблемам их адаптации в местном сообществе. По существу это было пилотажное исследование, его задача состояла в апробации разработанной методики. Но оно достаточно адекватно отражало состояние массового сознания горожан по анализируемой теме, поэтому его возможно рассматривать как полноценное исследование. Повторный массовый опрос новосибирцев по данной методике был проведен в 2017 г. (организатор опроса Н. Д. Вавилина). Всего опрошено 1 500 чел., из них 1 200 респондентов представляли местное население (их отбор осуществлялся на основе формирования многомерной, стратифицированной выборки) и 300 чел. – это мигранты (для их отбора использовалась целенаправленная выборка).

альным положением и существуют независимо от него, т. е. выступают по отношению к данному субъекту объективными. Иначе говоря, социальное самочувствие, на наш взгляд, правомерно определить как субъектный (свойственный субъекту) феномен, формирование которого определяется комплексом субъективных (т. е. зависимых от данного субъекта) и объективных (независимых от него) обстоятельств. В итоге социальное самочувствие выражает определенное, а именно ценностно-эмоциональное, отношение субъекта к своему социальному положению и характеризует степень удовлетворения его актуальных потребностей [Дрегалю, Ульяновский, 2010. С. 488].

Переходя к анализу результатов наших конкретных исследований, отметим, что социальное самочувствие людей оказывает значимое влияние на их поведение в разных сферах жизни, включая сферу межнациональных отношений. Оно имеет также дифференцирующее воздействие на характер оценок тех или иных сторон этносоциальной ситуации у представителей разных национальностей. Учитывая особенности во взаимоотношениях принимающего и прибывающего в город населения и специфику процесса диаспоризации разных этнических групп мигрантов в городском этнокультурном пространстве, далее для конкретного анализа будут выделены три основные группы респондентов: русские, представители народов Средней Азии и представители народов Кавказа.

Для опрошенных характерен достаточно высокий уровень удовлетворенности своей жизнью в целом: в 2014 г. каждый второй был вполне доволен жизнью и еще 37 % удовлетворены ею частично. Всего 5 % респондентов выражали однозначное недовольство и 8 % затруднились ответить. В 2017 г. произошло сокращение доли довольных (на 10 %) и увеличение (на 8 %) недовольных. Таким образом, фиксируется негативная динамика общего социального самочувствия жителей города за этот период.

Одновременно с этим существует значительная разница оценок по этому вопросу в разных этнических группах. Насколько можно судить по ответам, меньше всего полностью удовлетворены своей жизнью рус-

ские. За три года более критичными стали представители народов Средней Азии: если в 2014 г. 70 % из них были вполне удовлетворены своей жизнью, то в 2017 г. их стало значительно меньше – 41 %. На 11 % повысилась доля недовольных среди представителей народов Кавказа.

На прямой вопрос о своем самочувствии в настоящее время чуть более половины опрошенных отмечают уверенность и спокойствие. Неуверенность и беспокойство свойственно в целом 40 % респондентов (2017 г.). Здесь также существуют определенные различия: меньше других положительно настроены русские, но и среди них доля таковых составляет чуть более половины; у представителей народов Кавказа и Средней Азии она выше – соответственно 64 и 69 %.

На фоне общего более или менее благополучного социального самочувствия удовлетворенность конкретными сторонами жизни не столь значительна. При этом близкими и относительно высокими по результатам обоих исследований мнения русских и представителей иных этнических групп являются всего по трем параметрам – содержание работы, жилищные условия и работа учреждений культуры. По всем другим составляющим показатели ниже, а различия больше. Так, в 2014 г. работой учреждений образования были довольны всего 29 % русских, 44 % представителей народов Кавказа и 55 % – Средней Азии, в 2017 г. – соответственно 28, 42 и 42 %.

Больше всего однозначно не удовлетворены респонденты уровнем своих доходов, медицинским обслуживанием и работой местных органов власти. Это касается всех выделенных групп опрошенных. Если говорить о динамике мнений за время наблюдения, то важно отметить некоторое снижение уровня критичности при оценке обозначенных параметров у русских респондентов и его повышение у опрошенных, представляющих народы Кавказа и Средней Азии. Особенно заметен рост критичности у последней группы.

Мнения опрошенных по выделенным вопросам коррелируют с их оценками своего материального положения в целом: в 2014 г. каждый второй из всего массива респондентов относил себя к группе людей со средним достатком, всего 4 % – с высоким и 29 % – с низким достатком.

В 2017 г. первых два показателя понизились на один процент, а третий показатель вырос на пять процентов. Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения субъективного восприятия уровень материального благополучия за этот период снизился у всех выделенных групп. Возможно, именно данное обстоятельство является одним из основных факторов роста критических оценок по анализируемым вопросам.

Очевидно, что мнение конкретных людей относительно собственного благосостояния определяется многими обстоятельствами, будучи в значительной мере субъективной оценкой. Но важно то, что этот показатель оказывает значимое воздействие на оценку многих других сторон своего социального положения и межнациональных отношений. Примечательным является в этой связи следующий факт: в 2017 г. 70 % респондентов согласились с утверждением, что если бы в материальном плане люди жили лучше, то менее напряженными были бы и межнациональные отношения. При этом доля таковых среди русских больше, чем в других группах.

Неблагоприятная динамика, хотя и не сильно выраженная, зафиксирована в оценке респондентов отношения к себе со стороны ближайшего окружения (коллег и руководителей по работе, соседей) и окружения дальнего (других жителей города), что является важной составляющей социального самочувствия людей. В то же время абсолютное большинство из них продолжают рассматривать эти отношения как хорошие и нормальные. Интересно, что отношения к себе ближайшего окружения оцениваются в целом как более доброжелательные, чем отношения дальнего окружения.

Несмотря на отмеченные негативные тенденции по ряду параметров, данные социологических опросов позволяют сделать общий вывод о существовании в Новосибирске благополучной социальной городской среды.

Важным показателем социального самочувствия людей являются структура и степень выраженности разных видов идентичности. Применительно к сфере этносоциального развития и межнациональных отношений значение

имеют помимо гражданской идентичности, на чем делается основной акцент в Стратегии государственной национальной политики, также этническая, региональная и локальная (в нашем случае городская) идентичности, которые в данном документе даже не упоминаются. Хотя, например, без позитивной этнической идентичности невозможна, на наш взгляд, реализация целевой установки Стратегии на сохранение этнокультурного многообразия, а без определенного уровня локальной идентичности нельзя достичь единства городского межэтнического сообщества и его благополучия.

Значимость выделенных видов идентичности для представителей разных этнических групп респондентов представлена в таблице.

Важность разных видов идентичности
для респондентов из этнических групп (2014 и 2017 гг.), %
The Importance of Different Dorms of Identity
for Respondents from Ethnic Groups (2014 and 2017), %

Виды идентичности	Русские		Народы Кавказа		Народы Средней Азии		Весь массив	
	2014	2017	2014	2017	2014	2017	2014	2017
Гражданская	85	55	58	46	43	27	78	50
Региональная (сибирская)	75	50	28	37	21	40	70	45
Этническая	80	69	78	72	74	60	78	68
Локальная (новосибирская)	68	48	70	37	64	21	70	44

Можно говорить в целом о высоком уровне значимости большинства обозначенных видов идентичности. Следует обратить внимание на то, что этническая идентичность у русских стала доминировать в общей структуре идентичностей, как и у других респондентов, у которых она с 2014 г. сохранила высокую стабильность.

Выявленная в результате массовых опросов определенная неустойчивость (изменчивость) выделенных видов идентичности отражает существование проблем в сфере этнонациональной политики. Как представляется, предпринимаемая в последнее время настойчивая пропаганда гражданской (общенациональной) идентичности, которая, по сути, презентуется как альтернатива этнической идентичности, не всегда является эффективной (если только применяемые методики исследования не запрограммированы изначально на получение искомого результата). В действительности существуют сложные механизмы и технологии формирования гражданской идентичности, которые не должны игнорировать ее реальную сопряженность и взаимодополнительность (а не взаимоисключение) с идентичностью этнической. Для органов же муниципального управления существенно значимой является одновременно задача формирования позитивной городской идентичности путем создания привлекательного образа города.

Содержание социального самочувствия, непосредственно связанного с межэтническими отношениями, исследовалось по ряду параметров.

Во-первых, это общая оценка состояния межэтнических отношений, которая измерялась с двух сторон. Отношения к представителям своей национальности в 2014 и 2017 гг. воспринимались респондентами как достаточно благожелательные. А вот оценка существующих отношений между людьми разных национальностей в городе значительно менее оптимистична. На фоне относительно высокого уровня удовлетворенности жизнью в целом межэтнические отношения воспринимаются в общей массе опрошенных скорее как терпимые, чем хорошие.

Одновременно просматривается раскол в общественном мнении представителей разных этнических групп по этому вопросу. Представители русского населения оценивают существующие в городе межнациональные отношения гораздо более критически, чем представители народов Средней Азии и Кавказа. Вероятно, это в значительной степени связано с заметным изменением в последние годы этнокультурного ландшафта Новосибирска под влиянием активных миграционных потоков, главным образом из

Средней Азии, в меньшей степени – с Кавказа. В результате местное население наблюдает теперь иную, чем это было несколько лет назад, этносоциальную ситуацию, рассматривая ее как напряженную.

В то же время, если говорить в целом по всему массиву опрошенных, следует констатировать пусть и небольшую, но позитивную динамику оценок состояния межэтнических отношений за три года: в совокупности ответ «хорошие» и «терпимые» в 2014 г. составлял 70 %, в 2017 г. – 76 %.

Во-вторых, это оценка динамики межнациональных отношений. Если вынести за скобки затруднившихся ответить на этот вопрос (таковых более трети) и отметивших неизменность данных отношений (таковых примерно четверть), то среди остальных негативные оценки преобладают над позитивными. Это касается как периода нескольких предшествующих лет, так и ближайшей перспективы. И здесь наблюдается раскол общественного мнения: более пессимистическую позицию занимают русские по сравнению с представителями других народов, особенно Средней Азии.

В-третьих, это установки в межэтнических отношениях. Здесь мы ограничимся анализом данных о предпочтениях при выборе руководителя и коллег по работе, брачного партнера, друга (подруги). Для всего массива опрошенных выявилась четкая закономерность: чем более «дальними» и независимыми являются отношения между людьми, тем в большей мере национальность для них не имеет значения. Так, национальность не важна для 48 % опрошенных в вопросе выбора партнера по работе и лишь для 17 % – при выборе брачного партнера. В 2017 г. получены аналогичные данные. Тем самым наиболее значимой в предпочтении людей своей национальности выступает сфера семейных отношений, которые как раз и характеризуются наиболее тесными личными контактами. Данный вывод соответствует общей тенденции развития национальных отношений в России в последнее время. Эта тенденция существенно отличается от той ситуации, которая была свойственна советскому периоду, когда национальность очень часто была не важна при выборе супругов.

В-четвертых, это отношение к мигрантам. Данный вопрос представляется принципиально важным, поскольку основу межнациональной напряженности составляют в последнее время отношения местного населе-

ния с мигрантами. Как показали исследования, отношение к мигрантам со стороны городского сообщества Новосибирска за три года принципиально не изменилось. Так, в 2017 г. по сравнению с 2014 г. полностью совпадающей осталась доля нейтральных оценок (27 %) и оценок негативных (21 %). Сократилась доля полагающих, что к мигрантам отношение бывает разное (с 41 до 33 %), почти в два раза увеличилось число позитивных оценок (с 4 до 7 %). Но если исключить нейтральные оценки, то заметное доминирование негативных ответов над позитивными сохранилось.

Если сравнить весь касающийся межэтнических отношений спектр оценок, даваемых представителями принимающего сообщества и мигрантов, то следует констатировать, что сами мигранты, в отличие от местного населения, не склонны драматизировать ситуацию. И это является вполне логичным: они сознательно сделали выбор и приехали в Новосибирск, психологически готовы встретиться с трудностями и настроены на их терпеливое преодоление. Критическое отношение горожан по многим обсуждаемым вопросам говорит о существовании в массовом сознании определенного рода тревог и волнений, связанных с изменением этносоциальной ситуации в последнее время. В городском сообществе сформировался стереотип, проявляющийся в негативном отношении к мигрантам. Как и всякий стереотип, он порой проявляет себя стихийно, автоматически, имеет место в том числе у тех жителей, которые редко сталкиваются с мигрантами, но в большинстве случаев имеет реальные объективные основания, поскольку мигранты изменили этнокультурный облик города, усилили конкуренцию, сместившуюся в последнее время в область обладания социальными ресурсами.

Таким образом, социальное самочувствие жителей города Новосибирска, связанное с разными составляющими этносоциальной обстановки, характеризуется противоречивостью, что, с одной стороны, отражает противоречивость самой жизненной ситуации, с другой – находит выражение в неоднозначных оценках представителей разных групп межэтнического сообщества. В то же время при наличии в общественном сознании опре-

деленных проблемных зон в целом можно сделать вывод о существующей здесь достаточно благоприятной этносоциальной атмосфере и доброжелательном отношении большинства жителей к представителям иных этнических групп.

В значительной степени это определяется хорошо поставленной систематической работой мэрии Новосибирска по вопросам национальной политики. Одним из важных условий эффективности муниципального управления в данной сфере является использование результатов социологических исследований по диагностике текущей ситуации и ее динамике. Мониторинг социального самочувствия городского межэтнического сообщества, осуществляемый совместными усилиями исследователей и соответствующих структур мэрии, уже стал повседневной практикой ее управленческой деятельности.

Говоря о роли мониторинга социального самочувствия межэтнического сообщества в муниципальном управлении, можно выделить несколько основных задач, которые решаются с его помощью. Он позволяет: во-первых, измерять выраженные в общественном мнении «социальную температуру» этого сообщества и градус его социального благополучия; во-вторых, выявлять наличные проблемные узлы как основание для корректировки приоритетов текущей работы; в-третьих, определять целевые социальные группы, требующие особого внимания; в-четвертых, конкретизировать задачи по решению выявленных проблем применительно к разным структурам мэрии и городским районным администрациям; в-пятых, видеть динамику изменений этносоциальной ситуации и на этой основе определять перспективу работы в рамках стратегического муниципального планирования.

Список литературы / References

Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор, 2018. 184 с.

Vendina O., Pain E. *Mnogoetnichnyy gorod. Problemy i perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziyem v krupneyshikh gorodakh* [Multi-ethnic city. Problems and prospects of managing cultural diversity in major cities]. Moscow, Sector Publ., 2018. 184 p. (in Russ.)

Дрегало А. А., Ульяновский В. И. Социология региональных трансформаций: В 2 т. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. Т. 1: Региональный социум 1989–1998: от надежды к разочарованию. 493 с.

Dregalo A. A., Ul'yanovsky V. I. *Sotsiologiya regional'nykh transformatsiy* [Sociology of Regional Transformations]. In 2 vols. Arkhangelsk, North (Arctic) Federal Uni. Publ., 2010, vol. 1, 493 p. (in Russ.)

Кашкина Л. В. Социальное самочувствие населения монопрофильного города // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 43–48.

Kashkina L. V. *Sotsial'noye samochuvstviye naseleniya monoprofil'nogo goroda* [Social well-being of the population of a single-industry city]. *Arctic and North*, 2012, no. 8, p. 43–48. (in Russ.)

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы социокультурного мониторинга межэтнического сообщества // Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. С. 156–160.

Popkov Yu. V., Kostyuk V. G. *Kontseptual'nye i metodicheskie osnovy sotsiokulturnogo monitoringa mezhetnicheskogo soobshchestva* [Conceptual and methodological foundations of the socio-cultural monitoring of an inter-ethnic community]. In: *Socio-cultural monitoring of an urban inter-ethnic community: methodology, methodology, practice*. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NSTU Publ., p. 56–160. (in Russ.)

Попков Ю. В. Модель социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества в реализации национальной политики на муниципальном уровне // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 114–124.

Popkov Yu. V. *Model' sotsiokul'turnogo monitoringa gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva v realizatsii natsional'noy politiki na muni-*

tsipal'nom urovne [Model of sociocultural monitoring of urban inter-ethnic community in the implementation of national policy at the municipal level]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2019, no. 2, p. 114–124. (in Russ.)

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

Socio-cultural monitoring of an urban inter-ethnic community: methodology, methodology, practice. Ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NSTU Publ., 2018, 347 p. (in Russ.)

Чугуненко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 15–23.

Chugunenko V. M., Bobkova E. M. Novyye tendentsii v issledovanii sotsialnogo samochuvstviya naseleniya [New trends in the study of social self-feelings of the population]. *Sociological Studies*, 2013, no. 1, p. 15–23. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

11.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Попков Юрий Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuri V Popkov, Doctor of Philosophy, Professor; Chief researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

popkov@philosophy.nsc.ru

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-181-193

Системный анализ развития сельских локальных сообществ

В. С. Шмаков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуются процессы социально-экономического и социокультурного развития сельских локальных сообществ, выступающих в форме своеобразных моделей, демонстрирующих истинную природу трансформационных процессов в сельскохозяйственных регионах. На основе использования системного анализа определены особенности развития, связи (внутренние и внешние), функции развития сообществ. Выделены механизмы, оказывающие влияние на стабилизацию и устойчивое развитие села: производственно-экономические, социокультурные, институциональные. Сельские локальные сообщества как система обладают структурностью, т. е. имеют внутреннее строение, взаимное расположение элементов (в рамках одного и того же состава элементов возможны те или иные модификации структуры) и являются своеобразной статической моделью системы.

Ключевые слова

сельские локальные сообщества, система, элементы, структура, функции, системный анализ

Для цитирования

Шмаков В. С. Системный анализ развития сельских локальных сообществ // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 181–193. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-181-193

© В. С. Шмаков, 2019

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

System Analysis of the Development of Rural Local Communities

V. S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article explores the processes of socio-economic and socio-cultural development of rural local communities in the form of specific models that demonstrate the true nature of transformation processes in agricultural regions. Using the system analysis, it establishes the features of development, relations (internal and external) and community development functions. The paper also singles out the mechanisms affecting stabilization and sustainable development of the village: industrial, economic, socio-cultural, and institutional. Rural local communities as a system have a structure, that is, they have an internal composition, the relative position of elements (some modifications of the structure are possible with the same composition of elements) and are a kind of static model of the system.

Keywords

rural local communities, system, elements, structure, functions, system analysis

For citation

Shmakov V. S. System Analysis of the Development of Rural Local Communities. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 181–193. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-181-193

В процессе трансформации российского сельского хозяйства особое значение приобретают институциональные изменения, связанные с формированием новых форм собственности, становлением многоукладной экономики, реформой аграрной политики государства, эволюцией функционирования человеческого капитала села на новых принципах, выражением которых и выступают складывающиеся отношения собственности и хозяйствования. Меняются количественные и качественные социально-экономические и социокультурные характеристики сельских локальных сообществ. Кризисные явления, связанные с незавершенностью институциональных преобразований, привели к изменениям в системе жизнеобеспечения, низкому уровню доходов жителей села, разрушению социальной инфраструктуры, ухудшению демографии, деградации человеческого капи-

тала, оттоку рабочей силы из системы сельского хозяйства страны, нарастанию социально-экономических диспропорций в агропромышленном комплексе (далее – АПК) и появлению депрессивных сельских территорий. Изучение производственно-экономических и социокультурных проблем развития сельских локальных сообществ имеет важное значение для решения широкого круга вопросов. Жители села участвуют в решении многих экономических, социальных, демографических и экологических проблем, осуществляют ряд важнейших социально-экономических и социокультурных функций, сельские территории служат пространственным базисом для размещения производств различных отраслей АПК и других сфер экономики. Необходимо комплексное изучение сельских локальных сообществ на основе актуализации исследований всех компонентов системы АПК. На устойчивое развитие АПК Российской Федерации оказывают существенное влияние несколько обстоятельств. 1. Государственная аграрная политика. 2. Формирование и развитие человеческого капитала. 3. Становление многоукладной экономики. 4. Институциональные изменения. 5. Инновационное развитие села. 6. Развитие аграрной науки, техническое и технологическое обеспечение. 7. Зависимость от природных и климатических факторов. 8. Многофункциональность сельских территорий. 9. Мелкодисперсность сельского расселения. 10. Слабо развитое инфраструктурное хозяйство. 11. Большие проблемы в демографической сфере [Шмаков, 2015].

Недостаточная разработанность проблемы предпосылок и условия устойчивого развития сельских локальных сообществ определяет востребованность анализа развития современного села на основе системной методологии. Необходимо осознать и принимать во внимание, что сельское локальное сообщество выступает как совокупность субъектов, взаимодействующих между собой и с окружающей средой, как система, связанная общей функциональной зависимостью и единой функциональной целью. Как отмечают В. Н. Волкова и А. А. Денисов, потребность в использовании понятия «система» возникает в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что изучаемое явление представляется достаточно сложным, не пол-

ностью понятным, при этом целым, единым, и возникает необходимость акцентировать внимание на его упорядоченности, целостности, наличии закономерностей построения, функционирования и развития исследуемого объекта [2014]. Мы полагаем, что системный анализ позволяет сосредоточить внимание на сельских локальных сообществах как именно системе, которая содержит свои особенности развития, свойства и отношения, обладает структурой и функциями. Сельские сообщества как система имеют свойственные им тенденции и условия развития, создают продукцию, формируют человеческий капитал села и т. д., определяют перспективные формы и механизмы их формирования, изменения и функционирования. Выявление стратегических направлений поступательного движения и совершенствования сельских локальных сообществ, анализ их функциональной роли, установление особых принципов организации инновационного развития села, могут содействовать углубленному теоретическому и практическому обеспечению перехода сообществ на путь устойчивого развития, созданию условий для их непрерывного прогрессирования, возможности выбора альтернатив и направлений развития. В перспективе создание методик оценки развития АПК, дающих возможность ранжировать предприятия по уровню их социальной значимости (государственный, региональный, муниципальный), может способствовать созданию мощных территориально-производственных комплексов, территориально-производственных кластеров, позволит разработать модели интегративной оценки становления, формирования и функционирования сельских локальных сообществ, что вполне может служить поддержкой для формирования эффективных механизмов устойчивого развития села.

В качестве объекта нашего исследования мы определяем сельские локальные сообщества, представляемые в виде системы и анализируемые на основе базовых принципов системного анализа. В предметную область исследования мы включаем социально-экономические и социокультурные процессы, происходящие в сельских локальных сообществах, характеризующиеся целым рядом особенностей развития села как системы: понятие, структура, элементы, функции, механизмы. Изучение сельских локальных сообществ в условиях глобализации предполагает выделение трех уровней

их функционирования: глобальный, региональный и локальный. Село сохраняет свою специфику на локальном уровне, вырабатывая собственные механизмы социально-экономического, социокультурного развития, присущие только им адаптационные реакции к изменяющимся условиям жизни. Сельские локальные сообщества, в своем анагенезе представляются по форме как своеобразные модели, демонстрирующие постоянно меняющуюся сущность трансформационных процессов и роль системного анализа в исследовании сообществ как системы. При этом важны: определение соответствующего сообщества как объекта системного анализа, формулировка понятия, сущности, особенностей, свойств, связей (внутренних и внешних), структуры и функций его развития. Это позволяет более полно представить количественные и качественные характеристики процессов, происходящих в российском селе, выделить систему факторов и показателей эволюции сообществ в условиях модернизации, выявить основные тенденции и перспективы совершенствования АПК, его взаимосвязи с внешней средой, определить механизмы социально-экономического и социокультурного развития сельских локальных сообществ.

Определений понятия «система» в литературе достаточно много, остановимся на наиболее простом и распространенном: система – множество связанных между собой элементов, рассматриваемых как целое, относительно независимое от окружающей среды, явление. Системный анализ является научно-методологической дисциплиной и представляет комплекс научных методов, принципов и средств исследований сложных систем в совокупности и связи всех его элементов, определяющий этапы проведения исследований [Мишенин, 2001; Голубков, 2009; Батоврин, 2012; Мыльников и др., 2013]. В основе методологии системного анализа лежат три концепции: описание системы, выявление проблемы, выбор и реализация направления ее решения. С этой точки зрения системная методология представляет собой наиболее упорядоченную основу для анализа таких сложных открытых систем, как сельские локальные сообщества, установления их основных компонентов, сфер деятельности, структуры и функций.

Одной из наиболее важных особенностей применения системного анализа представляется необходимость соблюдения гармонии, применяемых формализованных и неформализованных средств и методов исследования. Это достаточно сложно. Так, например, методики Э. Квейда [1969] и С. Оптнера [1969] предлагают больше внимания уделять проблеме разработки и исследования альтернатив принятия решений. В. Г. Афанасьев, прослеживая функциональную зависимость между компонентами исследуемой системы, в первую очередь выделяет ее внутренние связи (между компонентами и системой в целом), внешние связи (между системой в целом и другой системой, чьим компонентом она является) [2018]. В литературе глубоко и всесторонне исследуются положения о том, что такое система, каковы ее состав, структура, функции. Большое место отводится изучению взаимодействия общественных систем с окружающей природной и социальной средой, становлению, совершенствованию и развитию систем. Если говорить в целом, то функциональный анализ сводится к определению различных видов функциональных зависимостей, обнаруживающих и раскрывающих основную суть исследуемой системы.

Выделим основные особенности, характеризующие сельские локальные сообщества как систему.

Целостность. Сельские сообщества состоят из отдельных, связанных между собой, сформировавшихся в процессе эволюции, элементов, представляющих определенное единство, имеющих особенности строения, обособленную позицию, структуру, функции и обладающие относительной независимостью от внешней среды, что определяет их как самостоятельную систему.

Иерархичность. Сельские локальные сообщества по мере своего развития формируют достаточно сложное образование, состоящее из целого и элементов (чаще всего сельское сообщество замыкается на одном или нескольких предприятиях, обеспечивающих население рабочими местами и образующие совокупность связей, сочетающих все элементы сообщества в определенную целостность; эти элементы представляют собой подсистемы) и обеспечивающее единство ее развития и функционирования. Все

элементы системы, как ее части, обладают определенными свойствами и некоторой самостоятельностью и имеют связи с другими подсистемами. Локальные сообщества, являясь сложной системой (число подсистем которой достаточно велико, а состав разнороден), имеют границы, разделяющие их между собой и отделяющие их от внешней среды. Они могут являться достаточно незамкнутыми, допускающими взаимовлияние, внешние воздействия, что обеспечивает оптимальное приспособление к окружению и успешное развитие во времени. Вся система должна находиться в состоянии внутреннего и внешнего равновесия.

Сообщества обладают определенной *автономностью*, *самоуправляемостью*, *адаптивностью*, т. е. способностью реагировать на изменение условий жизни, приспосабливаться к ним наилучшим для себя способом и достигать цели по поддержанию основных характеристик своего функционирования на необходимом уровне, обладать способностью к самовоспроизводству и саморазвитию.

Сообщества как системы обладают *структурностью*, т. е. имеют определенное внутреннее строение, взаимное расположение элементов и включают совокупность связей между элементами системы. Прослеживается зависимость свойств одного элемента от свойств другого, что обеспечивает целостность и возможность регулирования развития и функционирования систем в целях достижения поставленных задач. Структура является своеобразной статической составляющей системы, включающей ее внутреннее строение и связи. Связи разделяют по ряду признаков: управление (горизонтальные и вертикальные, прямые и обратные, внешние и внутренние и др.); по характеру взаимодействия элементов (слабые и сильные, жесткие и гибкие). Всё, что не входит в систему, принадлежит внешней среде. Систему и ее внешнюю среду разделяет граница. Внешняя среда – совокупность естественных и искусственных систем, которые оказывают действие на сообщества. Сельские локальные сообщества как всякая система характеризуются наличием своих особенностей, свойств, обладают определенной структурой и функциями. Соответственно, их целостная деятельность является результатом взаимодействия всех структурных составляющих,

определяющих функционирование ее отдельных уровней, подсистем и элементов, позволяющих осуществлять передачу информации, ставить цели, выполнять функции управления, устанавливать связи и отношения с внешней средой и пр. Необходимо подчеркнуть, что целостное функционирование является результатом взаимодействия всех ее уровней, подсистем и элементов. Как справедливо отмечает К. Н. Лебедев, для многих сложных социальных систем характерно наличие разных по уровню, иногда не коррелирующих между собой целей [2008]. И здесь важное место занимает «функция» системы, представляющая способы, средства и методы ее взаимодействия с внешней и внутренней средой, и выражающая поведение системы как упорядоченной, закономерной и организованной структуры, приводящей к достижению поставленных целей. Функция системы – это проявление свойств, качеств системы во взаимодействии с другими объектами системного и несистемного порядка, своеобразное выражение определенной относительно устойчивой реакции системы на изменение ее внутреннего состояния и ее внешней среды. Функции системы как целого определяют функции, которые выполняет в системе каждый из ее компонентов. Наличие функций системы определяется существованием внешней и внутренней среды. Внутренние функции системы создают условия для существования, развития и регулирования элементов, взаимосвязей внутри системы. Это способ взаимодействия частей внутри целого. К внутренним можно отнести функцию целеполагания, определяющую цели и задачи развития сообществ; распорядительную, регулирующую действия органов управления; координационную, благодаря которой происходит налаживание совместных действий элементов; учета и контроля (проверка соответствия производимых действий принятым нормам и законам); оценочную, регулирующую поведение элементов системы внутри и по отношению к внешней среде, что требует постоянной координации и корректировки элементов, взаимосвязей между ними. Внешние функции системы регулируют отношения с внешней средой, включая задействование и использование ее вещественных, энергетических, информационных и др. ресурсов. Их количество достаточно велико, но многие из них имеют индивидуальную неповторимость и являются для

данной системы наиболее важными. Выделим их касательно собственно сельских локальных сообществ. Потребительские функции – получение из внешней среды сырья, материалов, технологий, энергии, информации и т. д., которые обеспечивают существование и развитие системы. Обслуживающие функции – связь с системами как более высокого, так и более низкого уровня. Любая система занимает определенное место в иерархии внешних систем, и необходимы иерархические взаимосвязи. Адаптивные функции особенно характерны для развития сельских локальных сообществ, очень часто вынужденных приспосабливаться к меняющимся, часто не по их воле, условиям. Они реализуются в виде сотрудничества системы с ее окружением, взаимного изменения поведения и пр. Функции поглощения – взаимодействие в процессе экспансии внешней среды и других систем. Эта позиция характеризует систему как активное либо пассивное образование, находящееся в состоянии интерактивности со средой, поглощающее либо отдающее часть элементов, ресурсов, связей и свойств. Наконец, функция согласования позволяет регулировать отношения внутри системы и с внешними системами в процессе своей реализации как целого. По большому счету, все эти функции исполняют роль активатора и регулятора системы, в ходе внутренних и внешних взаимодействий, проявляя свойства системы. Функции сельских локальных сообществ как системы определяют основные тенденции и механизмы социально-экономического и социокультурного развития села. Выделим наиболее важные механизмы, оказывающие организующее влияние на устойчивое инновационное развитие сельских локальных сообществ. Их можно объединить в три основные группы: производственно-экономические, социокультурные и институциональные. В той или иной степени они ориентированы на эффективные инструменты формирования инновационного потенциала сельскохозяйственных регионов, на обеспечение социально ориентированного развития сельских сообществ и АПК.

1. Производственно-экономические механизмы определяют комплексное развитие сельского хозяйства, в их рамках решаются вопросы обновления и совершенствования или же, напротив, деградации сельских

локальных сообществ. Если осуществляется процесс их совершенствования, то разрабатываются стратегия, программы и инструментарий инновационного развития АПК, осуществляется мониторинг развертывания и функционирования системы комплекса, эффективности его работы.

2. В ситуации совершенствования сельских локальных сообществ, разработка социокультурных индикаторов их развития способствует созданию механизмов становления социального благополучия населения, отражающих устойчивое развитие, уровень и качество жизни жителей, формирование и поддержание инфраструктуры, обеспечивающих эволюцию их человеческого капитала.

3. Систематизация и классификация институциональных факторов и условий, определяющих устойчивое развитие и направленных на создание эффективных экономических, политических и социокультурных институтов, определяющих сферу социально-экономической и социокультурной деятельности, оказывают определяющее влияние на формирование системы институциональной среды, служат стимулятором задействия факторов улучшения жизни сельских локальных сообществ, обеспечивающих инновационность и устойчивость их развития. Например, развитие кластерной системы ведения сельского хозяйства, ориентированного на применение новых технологий и новой техники, полную переработку сырья, может в значительной степени повысить производительность труда и увеличить выход конечного продукта, а в итоге будет способствовать улучшению качества жизни жителей села, переходу сельских локальных сообществ на социально ориентированное развитие.

Итак, функциональный анализ жизнедеятельности сельских локальных сообществ сводится в первую очередь к определению различных видов функциональных зависимостей, обнаруживающих и раскрывающих суть исследуемой системы как совокупности связанных и взаимодействующих между собой элементов, образующих некую структуру, исполняющую определенные функции. Сельские локальные сообщества включают в себя несколько подсистем: экономико-производственную, социокультурную, технологическую, экологическую (природоохранную), определяющих их особенности, структуру и функции. Как вполне самостоятельные подсистемы

темы они имеют тоже структурированные составляющие: территория расселения сельских локальных сообществ; производственные, организационные, социально-политические и культурологические структуры; экологические и природоохранные. Отличаются рядом особенностей, характеризующих именно данную подсистему: зависимость от природно-климатических условий ведения хозяйства; сезонность сельской экономики; низкое плодородие земель; мелкодисперсность сельского расселения; многофункциональность сельских территорий; слабая инфраструктурная обустроенность; специфика демографии сельских сообществ; интересы, ценностные ориентации и потребности входящих в них индивидов; образ и стиль их жизни, связанные с этосом крестьянства.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что сельское локальное сообщество обладает всеми признаками саморазвивающейся системы, является источником ряда незаменимых общественных благ, выполняет множество важнейших функций: производственно-экономическую, социокультурную, демографическую, экологическую, рекреационную (контроль над территориями) и ряд других. Для обеспечения устойчивого производственно-экономического и социокультурного развития сельских локальных сообществ требуется создание социально-экономического механизма системного развития, на основе которого возможно решение глобальных задач, стоящих перед сельскими локальными сообществами, включая широкомасштабное развитие аграрного сектора, определяемое спецификой интересов субъектов сельского хозяйства и их противоречиями, с использованием всех имеющихся ресурсов (природных, климатических, человеческих, экологических, ландшафтных и др.), а также внимание к наиболее отсталыми сельскими регионам (каких у нас большинство).

Список литературы / References

Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 2018.

Afanasiev V. G. Sistemnost i obshchestvo [System and society]. Moscow, 2018. (in Russ.)

- Батоврин В. К.** Толковый словарь по системной и программной инженерии. М., 2012.
Batovrin V. K. Tolkovyi slovar po sistemnoi i programmnoi inzhenerii [Explanatory dictionary of system and software engineering]. Moscow, 2012. (in Russ.)
- Волкова В. Н., Денисов А. А.** Теория систем и системный анализ. М., 2014.
Volkova V. N., Denisov A. A. Teoriya sistemis i sistemnyi analiz [System theory and system analysis]. Moscow, 2014. (in Russ.)
- Голубков Е. П.** Методы системного анализа при принятии управленческих решений. М., 2009.
Golubkov E. P. Metody sistemnogo analiza pri prinyatii upravlencheskikh reshenii [Methods of system analysis in management decision-making]. Moscow, 2009. (in Russ.)
- Квейд Э.** Анализ сложных систем. М., 1969.
Quaid E. Analiz slozhnykh system [Analysis of complex systems]. Moscow, 1969. (in Russ.)
- Лебедев К. Н.** Системный подход и методология менеджмента. М., 2008.
Lebedev K. N. Sistemnyi podhod i metodologiya menedzhmenta [System approach and management methodology]. Moscow, 2008. (in Russ.)
- Мишенин А. И.** Теория экономических информационных систем. М., 2001.
Mishenin A. I. Teoriya ehkonomicheskikh Informacionnykh system [Theory of economic information systems]. Moscow, 2001. (in Russ.)
- Мыльник В. В., Титаренко В. В., Волочиенко В. А.** Исследование систем управления. М., 2013.
Mylnik V. V., Titarenko V. V., Volochienko V. A. Issledovanie system upravleniya [The study of control systems]. Moscow, 2013. (in Russ.)
- Оптнер С. Л.** Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1969.
Optner S. L. Sistemnyi analiz dlya resheniya delovykh i promyshlennykh problem [System analysis to solve business and industrial problems]. Moscow, 1969. (in Russ.)

Шмаков В. С. Инновационный потенциал развития российского села // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 2. С. 101–111.

Shmakov V. S. Innovatsionnyi potentsial razvitiya rossiiskogo sela [Innovative potential of Russian rural development]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 101–111. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

10.03.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Шмаков Владимир Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy), Leading researcher Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

vsshmakov@gmail.com

УДК 1 : 3; 001.8 : 3

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-194-208

Социальное развитие в континууме урбанистического и сельского измерений

В. В. Самсонов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены основные критерии противопоставления «сельских» и «городских» (урбанистических) территорий и сообществ с целью выявления, какие из признаков классификации территорий имеют скорее случайный, исторически преходящий характер и атрибутивно-константные свойства, сущностно связанные со спецификой экономической и социальной организации сельских территорий и сохраняющие поэтому свою актуальность в качестве маркеров сельского социального пространства.

Ключевые слова

дихотомия, континуум, сельские и урбанистические территории, социальное пространство, типологический анализ

Для цитирования

Самсонов В. В. Социальное развитие в континууме урбанистического и сельского измерений // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 194–208. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-194-208

© В. В. Самсонов, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Social Development in the Continuum of Urban and Rural Dimensions

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper discusses the main criteria for contrasting “rural” and “urban” territories and communities in order to identify which of the classification criteria of the territories are more random, historically transient, and attribute-constant properties that are essentially related to the specifics of economic and social organization of rural areas, therefore retaining their relevance as markers of rural social space.

Keywords

dichotomy, continuum, rural and urban territories, social space, typological analysis

For citation

Samsonov V. V. Social Development in the Continuum of Urban and Rural Dimensions. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 194–208. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-194-208

В обыденном представлении сельские территории, характеризующиеся косностью и консерватизмом своих жителей, выступают противоположностью городу с точки зрения подверженности серьезным социальным и экономическим изменениям, в своей восприимчивости к ним. Поэтому уже в начале нашей эры возникает дихотомическое представление о соотношении села и города, отраженное, к примеру, в термине «paganus» («поганые») как характеристике «языческих» сельских районов Римской империи, в силу инертности к переменам слабо затронутых христианским вероучением, в отличие от христианизированных городов. Во времена становления социальной философии как науки дихотомия села и города получила закрепление в работах таких классиков социологии, как Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. Попытки теоретического переосмысления сущности сельского социального пространства содержатся

в крестьяноведческих исследованиях 1960–1980-х гг., авторы которых пытались теоретически объяснить факт перемещения революционных движений того времени в аграрную периферию стран Третьего мира (хотя до этого крестьянство долгое время считалось самой инертной в плане революционной активности социальной группой). Однако крестьяноведческие исследования, оформившиеся в антропологический субстантивизм (К. Поланьи, Дж. Скотта и др.), в итоге пришли к той же, хотя и несколько измененной селско-городской дихотомии. А именно, они утверждали, что крестьянство отличается от горожан с их модерно-капиталистической рациональностью, базирующейся на принципах индивидуализма, эгоизма, максимизации прибыли, особым типом рациональности, присущей традиционным обществам с их «более древней моральной экономикой», характеризующейся «вложенностью» экономики в общественные отношения (на принципах реципрокности, редистрибуции и дарообмена), в отличие от капиталистического общества, в котором социальное подчинено экономическому.

Таким образом, дихотомия города и деревни, урбанистических и сельских территорий – один из древнейших и наиболее устойчивых теоретических дуализмов, укорененных в нашей культуре и традиции социальных наук. Однако данная дихотомия подвергается серьезной критике со стороны исследователей, географов, социологов и экономистов, ориентированных на анализ реальных изменений сельского социума. Конкуренция значительно различающихся смысловых трактовок «сельского» свидетельствует о том, что дискурсивное конструирование этого концепта сопровождается его наполнением иногда не совсем оправданными (или даже произвольными) характеристиками и смыслами. А эмпирические исследования демонстрируют искусственность некоторых теоретических построений.

В данной работе рассматриваются основные критерии противопоставления «сельских» и «городских» (урбанистических) территорий и обществ с целью выявления, какие из признаков классификации территорий имеют скорее случайный, исторически преходящий характер, а какие – атрибутивно-константные свойства, сущностно связанные

со спецификой экономической и социальной организации сельских территорий и сохраняющие поэтому свой статус маркеров сельского социального пространства. При этом предполагается, что следует говорить скорее не о дихотомии качественно различающихся социальных миров (сельского и городского), а об иерархически организованном континууме, имеющем два полюса, на одном из которых (т. е. город, урбанистическое социальное пространство) сосредоточены властный, культурный, инновационно-экономический потенциал общества, а второй полюс (село) может быть охарактеризован как объект властно-управленческих инициатив, традиционно отстающий в культурном и технологическом развитии, в связи с чем сельские районы позиционируются как заповедник традиционной культуры и самобытности, а в их экономике преобладают технологически и культурно инерционные практики, связанные с производством продукта на основании использования и прямого присвоения природных ресурсов [Holloway, Kneafsey, 2007].

Функция обеспечения продовольствием и природными ресурсами (включая полезные ископаемые, топливо и строительные материалы) на протяжении всей истории неизменно мыслилась как основная для сельского пространства. Если города возникают в качестве центров производства, обмена, торговли и политического управления, сельская местность традиционно связана с эксплуатацией природных ресурсов. Идея сельской местности как пространства производства и эксплуатации, возможно, была единственной наиболее важной идеей в формировании сельского пространства, породившей определенные ландшафты, модели поселений, формы социальной организации, политические структуры и экономические системы. В отличие от обрабатывающей промышленности и сферы услуг, сельское хозяйство является базовым видом экономической деятельности, поскольку физическое выживание человека зависит от наличия продовольствия. При этом географически аграрное производство сильно рассредоточено из-за потребности в почвенных ресурсах и, таким образом, зависит от эффективности транспортной сети, системы перевозок грузов и товаров на расстояния. Сельская посе-

ленческая сеть также оказывается сильно рассредоточенной, а плотность населения в сельской местности неизменно ниже, чем в городской.

В наши дни представлявшийся ранее самым надежным отраслевой подход в классификации территорий как «сельских» (т. е. отнесение к данной категории сообществ с преимущественно сельскохозяйственной специализацией экономики) сегодня кажется уже недостаточным, в связи с влиянием глобальных структурных изменений, выражающихся во включении локальных микроэкономик в систему глобального рынка, и соответствующих изменений в процессах адаптации сельских домохозяйств и в диверсификации экономики села. Эти изменения увеличивают социальное и культурное разнообразие многих сельских районов, что ведет к расширению культурного и экономического ландшафта сельских территорий и одновременно к возникновению сущностно новых конфликтов в ценностях и в образе жизни сельских жителей.

Наиболее распространенной адаптационной реакцией сельских сообществ на эти изменения является новая конфигурация экономической активности и источников доходов, характеризующаяся изменением (снижением) роли аграрного производства и возрастающей значимостью экономической активности населения за пределами аграрного сектора и трансфертов, включающих как частные предприятия, связанные с миграцией и нео-отходничеством, так и государственные, связанные с конкретными системами социальной поддержки [Losch, White, 2011. P. 36]. Диверсификация экономики выражается в том, что привлекательность сельских территорий, т. е. способность привлекать ресурсы и сохранять свой человеческий потенциал, в значительной степени зависит от возможности сельских территорий создавать альтернативные источники дохода, не имеющие отношения к сельскому хозяйству. Масштабность этого явления породила многочисленную исследовательскую литературу, посвященную «сельской неаграрной экономике», включающей в себя всю деятельность неаграрного характера, т. е. несельскохозяйственный частный сектор в сельской местности (в том числе неформальный), институты государственного и муниципального управления в сельских районах и социальную инфраструктуру. Рост неаграрной эко-

номической активности и занятости населения вне села, сопровождаемый встречными процессами субурбанизации, влечет за собой кардинальное изменение сельского образа жизни и трансформацию культурного облика сельских жителей [Нефедова, 2013]. Если в развивающихся странах диверсификация экономической активности домохозяйств обусловлена недостаточными возможностями официальной занятости в аграрном секторе, переизбытком аграрного населения и низкими доходами от слабо оснащенного в техническом плане аграрного труда, то в развитых странах Европы диверсификация обусловлена ситуацией невозможности дальнейшего расширения аграрного производства (в связи с достижением в середине 1980-х гг. технологических пределов роста), причем многофункциональность сельских территорий со временем становится проявлением новых отношений между городом и деревней [Ploeg et al., 2000]. Наши исследования, осуществленные в различных регионах, убедительно свидетельствуют о возрастании значения не-аграрной занятости сельского населения. Работа за пределами села, в том числе вахтовым методом, все чаще выступает альтернативой занятости населения в сельском хозяйстве. Даже в самых удаленных поселениях все большее число предприимчивых жителей села заняты «неотходничеством». С другой стороны, экономика сельских районов становится все более диверсифицированной, поскольку сектор услуг значительно растет за счет сельского хозяйства [Самсонов, 2013].

Многие исследователи подчеркивают подчиненное положение и низкий социально-экономический статус сельского социума в качестве одного из основных конституирующих признаков сообществ такого типа. Положение это характеризуется подчинением (субординацией), выливающимся в зависимые отношения сельского социума по отношению к группе «внешних управляющих» [Wolf, 1966. P. 13], или «структурное подчинение крестьянства внешним силам» [Mintz, 1974. P. 94]. Сама по себе специализация крестьянских хозяйств на возделывании земли возможна только в контексте общественной дифференциации и формирования рынков специализированных товаров и услуг, – от материальных (продукты,

орудия производства и т. д.) до управленческих, – и обеспечения безопасности. Обмен продуктов, производимых жителями села, становится возможен вследствие появления излишков (прибавочного продукта), которые поступают на рынок, а также изымаются внешними (по отношению к крестьянству) властными структурами.

Именно так возникает тесная пространственно-экономическая связь между сельскими и урбанистическими территориями – в виде городского (урбанистического) центра и прилегающих к нему внутренних сельских территорий, сообществ. Второстепенные и третичные функции центра выполняют сельские пригородные сообщества, напрямую ориентированные на снабжение города излишками продовольствия и сырья, необходимых для производства всего спектра экономических товаров [Woods, 2010]. При этом практически в любой властной системе жители села оказываются социальной группой, либо напрямую эксплуатируемой, либо находящейся в неравноправном положении (с точки зрения экономики это выражается в неравноправном обмене, «ножницах цен»). Крестьяне немногочисленны и разобщены территориально, им сложно объединиться ради отстаивания своих интересов, поэтому жители села не могут противостоять мероприятиям по изъятию у них товарных излишков и такие практики в конце концов в той или иной форме становятся институционализированными.

Особенные отношения с властью, специфика аграрного производства (в которой основными элементами традиционно выступают крестьянское подворье (семейное хозяйство) и/или их простейшее объединение), особенности сельской поселенческой сети (малая плотность населения и жизнь в замкнутых социальных коллективах) порождают сходные формы социальной самоорганизации, для которых свойственны перенесение в сферу горизонтальных связей реципрокных образцов солидарности, характерных для малых социальных групп или кровно-родственных коллективов (в связи с чем крестьянские сообщества иногда принимают вид «большой семьи»), и определенная степень отстраненности (отчужденности) от центральных органов власти. Попытки теоретического описания сообщества такого типа приводят к появлению утопических

социально-консервативных концептов социальной организации, преобладающих на предшествующих этапах развития и якобы сохраняющихся в сельской «глубинке», не затронутой капиталистическими, модерновыми изменениями.

Традиция описания таких идеально-типических форм социальной организации заложена Ф. Тённисом, в 1887 г. опубликовавшим работу «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» (в переводе «Сообщество и общество»), в которой он противопоставлял отношения, основанные на естественной воле (*wesenwille*), формируемые в «больших» семьях или сельских поселениях (*Gemeinschaft*), тем, которые преобладают в современных капиталистических государствах (*Gesellschaft*) и основанных на рациональной воле (*kurwille*). Тённис прямо указывал, что эти два типа отношений являются идеальными конструктами и в реальности отсутствуют сообщества с полностью доминирующими отношениями *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*, выступающими в качестве стандартов, согласно которым реальность может быть опознана и описана (путем выявления преобладающих ориентаций и действий, указывающих на склонность к тому или другому типу).

Таким образом, Ф. Тённис заложил основы типологического анализа, развитие которого можно увидеть в классических трудах М. Вебера и в его учении о типах социального действия (прогрессирующих от традиционного и ценностно-рационального к рациональному), в котором можно обнаружить много сходств с идеей Тённиса о том, что мировая история направлена на рост *Gesellschaft* и о динамике развития Европы из средневековой коммунальной организации в индивидуалистическую, капиталистическую. Также некоторое сходство с идеями Ф. Тённиса можно увидеть в выдвинутом французским социальным философом и социологом Э. Дюркгеймом (1858–1917) различии между механической солидарностью (*Gemeinschaft*-подобной) и органической солидарностью (*Gesellschaft*-подобной). Дюркгейм в своей работе «Разделение труда в обществе» (1893) описал распад социальных связей, объединявших средневековую Европу на основе механической солидарности и сходства индивидов в их пред-

ставлениях о политике, экономике, вопросах семьи и религии. Изменения, ознаменованные промышленной революцией в Англии и политической революцией во Франции, привели к культурно-политической дифференциации, основанной на разделении труда, а новый (Gesellschaft-подобный) тип «органической» солидарности основан на взаимозависимости и взаимодополнимости специализаций, что позволяет независимым индивидам выполнять разные задачи и все же вносить свой вклад в общее дело, работать на систему, даже если они ничего не знают о других. Причем, как показал Дюркгейм в работе «Самоубийство» (1897), органической солидарности, объединяющей индивидов на уровне обществ-системы, недостаточно на индивидуальном уровне и на уровнях личных, групповых отношений в семье или религиозных сообществах, сплоченных эмоциональной интеграцией (Gemeinschaft-подобной), все еще необходимой в социальных структурах, основанных на органической солидарности. Такое уточнение, относящее формы солидарности, базирующиеся на различных типах социальных связей, не к различным эпохам, и не к дихотомии сельского и городского пространства, а к социальным объектам различного уровня (с преобладанием эмоциональных связей в малых коллективах и формально-рациональных в сложносоставных больших сообществах) оказывается весьма ценным и получившим подтверждение в последующих эмпирических исследованиях, – в частности, в американской традиции исследования сообществ.

Американские социологи Л. Вирт и Р. Редфилд, пытаясь создать методологию сравнительного исследования сообществ, опирающуюся на классические типологические деления, разрабатывают набор переменных, реально измеримых или фиксируемых, описывающих сельский / городской континуум, на полюсах которого находятся противоположные типы традиционной дихотомии. Луи Вирт в своей статье «Урбанизм как образ жизни» [Wirth, 1938] показывает, что городской стиль жизни может быть определен тремя характеристиками, а именно численностью и плотностью населения, а также степенью неоднородности городского населения; более высокие показатели этих переменных, выявляемые при сравнении населенных пунктов разных размеров и типов, позволяют

говорить о таких характеристиках *Gesellschaft*, как специализированное разделение труда, безличные отношения, конкуренция и эксплуатация, сопровождающиеся «формальным контролем» поведения. Он также полагал, что рост неоднородности создает более сложную систему стратификации, денежную экономику, стандартизированное поведение. Такие переменные, по мнению Вирта, объясняют различия между *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, описанные в классических европейских работах Тённиса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля. Основным компонентом *Gemeinschaft*, механической солидарности, народного общества и диффузных отношений являются общие социальные связи. Отсутствие таких связей будет характерно для *Gesellschaft*, с его органической солидарностью, урбанизмом и специфическими отношениями. Между двумя полярными типами может быть размещено любое реальное сообщество, которое затем можно сравнить с другими фактическими случаями для определения существующих уровней *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*. А Р. Редфилд в «Народной культуре Юкатана» [Redfield, 1941] демонстрирует, что чем меньше, изолированнее и однороднее сообщество, тем более образ жизни в нем будет *Gemeinschaft*-подобный. В статье Редфилда «Народное общество» описан идеальный тип *Gemeinschaft*: изолированное однородное сообщество, базирующееся на отношениях родства, силе культурных традиций и характеризующееся сильным чувством групповой солидарности, общими средствами производства, минимальным разделением труда, основанным на дифференциации половых ролей. Такое идеальное народное сообщество оказывается экономически самодостаточным, не зависящим от более широкого окружающего общества. Важность типологического подхода заключается в использовании контрастирующих идеальных типов, существующих на противоположных полюсах континуума.

Сегодня социологи признают, что, хотя некоторые характеристики сельско-городского континуума, предложенные классическим типологическим подходом, представляются верными до сих пор, он представляет незначительную объяснительную ценность для описания изменений, вызванных урбанизацией, индустриализацией, субурбанизацией. Однако

в некоторых областях, например, в исследованиях «первичных» групповых взаимодействий, отношений родства и соседства, актуальность этого подхода признается и сейчас, а предложенные им индикаторы (например, сила родственных и дружеских связей в сообществе) могут быть полезны и для современных описаний социальных характеристик сообщества.

Как можно видеть, традиционный концепт сельского социального пространства формируется пересечением ряда разноположных признаков, характерных для сельской местности в определенный период, часть из которых уже утратила свое маркирующее значение. К таким признакам принадлежат следующие.

- Экономическая специализация (сельскохозяйственное производство, практики добычи природных ресурсов). Долгое время данный (отраслевой) маркер был одним из самых надежных оснований классификации территорий, пространств как сельских. Однако в наши дни он утратил такое значение, в связи с ростом сельской неаграрной экономики, диверсификацией экономических практик и жизненных стратегий, а также в связи с возросшим значением тенденций субурбанизации и возросшим значением рекреационного использования сельских пространств городскими жителями. Технологическое переоснащение аграрного производства и растущая, по мере интеграции локальных экономик в глобальный рынок, специализация сельскохозяйственных производств привели к тому, что большие площади сельской территории фактически стали избыточными в качестве производственных площадей. Во многих регионах вакуум был заполнен новой экономикой потребления, основанной на коммерциализации ландшафтов, практиках туризма и «активного отдыха».

- Особенности сельской поселенческой сети, выражающиеся в малой плотности населения. Этот признак сельского пространства является в современных практических исследованиях и программах развития сельских территорий одним из наиболее распространенных, и в контексте представления село-городского деления как континуума он сохранит свое значение – скорее всего до исчезновения самой потребности в данной дихотомии (так как сельские сообщества всегда будут менее населенными, по сравнению с урбанистическими центрами).

- Связанная с особенностями сельской поселенческой сети специфика социальной организации, состоящая в малочисленности (по сравнению с городом) социальных коллективов и немногочисленности субъектов социального взаимодействия. В связи с этим в сельских сообществах, как и в первичных и малых социальных группах, менее выражены формальные взаимосвязи и более распространены отношения, основанные на эмоциональных связях, соседстве и родстве. Этот характерный признак сельских сообществ подтверждается данными эмпирических исследований и сохраняет свою актуальность и поныне почти в той же степени, что и во времена возникновения типологического подхода. Однако данная характеристика происходит скорее не из сущностных, качественных различий, не из дихотомии сельского и городского социального пространства как таковой, а из разницы социальных объектов различного уровня.

- Особое (скорее подчиненное) положение сельского социального пространства во властной иерархии общества. Данный признак имел место и в политических системах, основанных на прямой эксплуатации деревни городом, выступающим центром власти, но также сохраняется и в политических системах представительной демократии – опять же в силу особенностей системы сельского расселения, немногочисленности сельских сообществ. В силу этих особенностей село остается и будет оставаться скорее объектом, чем субъектом властно-управленческих решений. Государство в первую очередь принимает активное участие в управлении сельским развитием посредством официальных классификаций сельских и городских районов, используемых впоследствии как при разработке, так и при осуществлении государственной политики по отношению к селу.

- Экономическо-организационная особенность сельской экономики, традиционными элементами которой являются микроэкономики крестьянского подворья или семейные фермы, что определяет и некоторые другие отличительные признаки традиционной организации сельского хозяйства (субстантивный характер, слитность семейных и производственных отношений и т. п.). В некотором смысле именно крестьянско-семейная организация сельской экономики отражает неразрывность

социально-конструктивного и материального характера сельского социального пространства: семейная ферма является ключевым мотивом во многих представлениях о селе и сельских жителях, но она также является отличительной материальной сущностью. Как материальное образование семейная ферма оказывает воздействие на местную сельскую экономику, сельскую среду и сельское сообщество, что в свою очередь влияет на дискурсивное воспроизводство сельских районов [Mormont, 1990]. Однако и этот принцип не безусловен, как показывает история, например, опыт социалистической реконструкции села в СССР, когда сельская экономика функционировала в виде коллективных и совместных хозяйств, а деревня, тем не менее, в значительной степени сохранила свою специфику.

- Как таковые, сельские территории часто наделяются символическим значением как символы национальной идентичности или как контрапункт современности, их можно также представить как отдаленные, отсталые, недостаточно развитые в инновационном, культурном, технологическом планах пространства, нуждающиеся в модернизации. В рамках иерархически организованного сельско-городского континуума технологическое и культурное отставание села от города является закономерным следствием того факта, что именно урбанистические центры являются двигателями инновационного развития – в силу большей плотности населения и дифференцированного характера специализации труда городских жителей, более способствующих культурному и технологическому прогрессу, по сравнению с сельской экономикой, которая всегда будет менее специализирована и в какой-то части ориентирована на самообеспечение.

Таким образом, традиционное деление социального пространства на городское и сельское, являясь отчасти плодом социального конструирования, отражает ряд перечисленных выше существенных особенностей иерархически организованного и пространственно локализованного континуума урбанистических центров – провинции – сельской «глубинки», и хотя часть традиционных представлений, маркирующих определенные пространства как «сельские», имеет исторически преходящий характер, другая их часть имеет реальный и непреходящий характер, представляя

собой атрибутивно-константные свойства, связанные с особенностями взаимодействия различных частей социального континуума и факторами, посредством которых «сельское» производится и воспроизводится.

Список литературы / References

- Нефедова Т. Г.** Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
- Nefedova T. G.** Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoi Rossii: Otvety geografa [Ten topical questions about rural Russia: Geographer's answers]. Moscow, Nauka, 2013, 456 p. (in Russ.)
- Самсонов В. В.** Трансформации сельского социума и кризис трудового этоса крестьянства // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 4. С. 101–107.
- Samsonov V. V.** Transformatsii sel'skogo sotsiuma i krizis trudovogo etosa krest'yanstva [The transformation of rural society and the crisis of the labor ethos of the peasantry]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 4, p. 101–107. (in Russ.)
- Holloway L., Kneafsey M.** Possible Food Economies: A Methodological Framework for Exploring Food Production-Consumption Relationships. *European Society for Rural Sociology*, 2007, no. 1 (47), p. 1–18.
- Losch B., White E.** Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. Washington, World Bank, 2011, 308 p.
- Mintz S. W.** A note on the definition of peasantries. *Journal of Peasant Studies*, 1974, no. 3, p. 86–102.
- Mormont M.** Who is rural? or, how to be rural: towards a sociology of the rural. In: Rural Restructuring. Global processes and their responses. London, David Fulton Publ., 1990, p. 21–44.
- Ploeg J. D., Renting H., Brunori G.** Rural Development: from Practices and Policies towards Theory. *Sociologia Ruralis*, 2000, no. 4 (40), p. 391–408.

- Redfield R.** The Folk Culture of Yucatan. Chicago, Uni. of Chicago Press, 1941, 212 p.
- Wirth L.** Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology*, 1938, vol. 44, p. 8–20.
- Wolf E. R.** Peasants. New Jersey, Prentice-Hall, 1966, 272 p.
- Woods M.** Rural. London, Routledge, 2010, 352 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

15.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Самсонов Всеволод Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod V. Samsonov, Senior Researcher, PhD (Philosophy), Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

highbook@yandex.ru

УДК 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221

Этническая идентичность в условиях проживания в сельской местности: модели воспроизводства и механизмы репрезентации

М. Р. Зазулина

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируются основные тенденции социокультурного развития этнолокальных сообществ татар, проживающих в сельских районах Новосибирской области. Показано, что основными механизмами репрезентации этничности выступают воспроизводство традиций в сфере культуры, сохранение языка и религиозная принадлежность. Сделан вывод о том, что воспроизводство этничности приобретает осознанный и избирательный характер. В то же время имеет место изменение содержания всех маркеров, лежащих в основе этнической идентичности.

Ключевые слова

этнос, моноэтнические сообщества, сельские сообщества, этническая идентичность, механизмы репрезентации этничности, социокультурные процессы, сибирские татары, Новосибирская область

Для цитирования

Зазулина М. Р. Этническая идентичность в условиях проживания в сельской местности: модели воспроизводства и механизмы репрезентации // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 209–221. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221

© М. Р. Зазулина, 2019

Ethnic Identity in the Conditions of Living in Rural Areas: Patterns of Reproduction and Mechanisms of Representation

M. R. Zazulina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The main trends of socio-cultural development of ethno-local communities of Tatars living in rural areas of the Novosibirsk region are analyzed. It is shown that the main mechanisms of representation of ethnicity are the reproduction of traditions in the field of culture, the preservation of language and religion. It is concluded that the reproduction of ethnicity becomes conscious and selective. At the same time, there is a change in the content of all markers underlying ethnic identity.

Keywords

ethnos, mono-ethnic communities, rural communities, ethnic identity, mechanisms of representation of ethnicity, socio-cultural processes, Siberian Tatars, Novosibirsk region

For citation

Zazulina M. R. Ethnic Identity in the Conditions of Living in Rural Areas: Patterns of Reproduction and Mechanisms of Representation. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 209–221. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-209-221

Несмотря на усиливающиеся процессы глобализации, феномен этнической идентичности продолжает сохранять свою значимость в современном мире. В то же время, именно благодаря влиянию глобализации, представления об этнической идентичности переживают сегодня этап активной трансформации: происходит постепенное изменение содержания маркеров, лежащих в основе представлений о своей этнической принадлежности.

Одним из факторов, оказывающих значительное влияние на процессы этнической идентификации, является сегодня территориальный фактор. Проживание в сельской и городской местности по-разному влияет

на сплоченность этнических групп и на процессы этнической идентификации.

В мировой научной литературе феномен этничности прочно связывается с феноменом локального сообщества, а категория этничности используется в качестве одной из основных для понимания современного статуса сельской глубинки и сельского образа жизни. Дискурс о сельском образе жизни оказывается соотносим с дискурсом о национальной и этнической идентичностях. Проживание в сельской местности позволяет сформировать идентичность *n*-го уровня, дополняющую другие формы идентичности, которые подпитывают друг друга, позволяя поддерживать практические формы своей реализации [Neal, 2016]. Сельская местность зачастую и правомерно рассматривается как пространство-носитель квинтэссенции духа различных национальных и этнических культур. При этом речь может идти о сельской местности как о базисе для усиления национальной идентичности и поддержания идентичности титульного этноса, а также о сельской местности как пространстве самобытности автохтонных этнических культур [Woods, 2010].

В Российской Федерации сельская местность является традиционным местом проживания не только представителей титульного этноса, здесь традиционно проживают и этносы, имеющие статус коренных малочисленных народов, и этносы, имеющие статус титульной нации в пределах своего субъекта Федерации и проживающие в его пределах (например, татары или алтайцы), а также этносы, имеющие статус титульной нации, но проживающие за пределами своего субъекта Федерации (таковы сообщества татар, проживающих на территориях Новосибирской, Омской, Тюменской областей). В каждом из этих случаев компактное проживание в сельской местности оказывается значимым фактором, позволяющим говорить о специфических чертах этнолокальных сообществ и о складывающихся моделях воспроизводства этнической идентичности.

В данной статье будут рассмотрены особенности воспроизводства этнической идентичности этнолокальных сообществ татар, компактно проживающих в сельских районах Новосибирской области. Для этого будет

описана социокультурная ситуация, сложившаяся в обследованных сообществах: основные процессы, протекающие в сфере языка, следования традициям и в сфере религиозности, характерные для этих сообществ на современном этапе развития. Также будет проанализировано влияние, которое оказывает на этнолокальные сообщества проживание в сельской местности.

Эмпирической базой для выводов, которые делаются в статье, послужили данные исследования, реализованного при участии автора в 2015 г. на территории Новосибирской области. Исследованием были охвачены практически все населенные пункты, расположенные в сельской местности и являющиеся местами компактного проживания представителей татарского этноса: Аул Кошкуль, Малый Тебис, Аул Тебис, Белехта, Тармакуль (Чановский район), Аул-Бергуль, Аул Шагир (Куйбышевский район), Новокурупкаевка, Аул Тандов (Барабинский район Новосибирской области). В ходе исследований применялся целый ряд методов: включенное наблюдение, анкетный опрос рядовых жителей, глубинные интервью с лидерами сообществ, работа с официальными документами и статистикой.

Новосибирская область традиционно является местом компактного проживания представителей татарского этноса. Татар, проживающих на территории Новосибирской области, принято относить к группе сибирских татар, образовавшейся на территории Западной Сибири в результате сложных этнодемографических и миграционных процессов. Современные ученые приходят к выводу, что этногенез сибирских татар происходил на фоне взаимопроникновения и смешения различных по происхождению племен и народностей, прежде всего угорских, самодийских, тюркских и монгольских [Ульянова и др., 2015]. Кроме этого, часть современных представителей татарского этноса, проживающих в Новосибирской области, являются потомками так называемых «мишар», выходцев с Поволжья, под влиянием социально-политических факторов мигрировавших на территорию Сибири в XVIII в.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что современные представления об этнической идентичности среди татар, компактно проживающих в Новосибирской области, строятся на основе таких категорий,

как национальный язык, культура и религиозная принадлежность. Однако степень воспроизводства каждого из этих маркеров в условиях реального существования этнолокальных сообществ является различной. Во-первых, существуют значительные региональные и локальные вариации в репрезентации этих маркеров, обусловленные историей появления и существования этнолокальных сообществ на той или иной территории, а также влиянием всей сложившейся совокупности социальных, экономических и даже политических факторов. Так, например, татары-мишары, мигрировавшие на территорию современной Новосибирской области с Поволжья, не исповедовали ислам, а были язычниками. В результате современные процессы этнической идентификации татар, проживающих здесь, в меньшей степени связаны с развитием религиозности, и в большей степени – с процессами сознательного воспроизводства традиций в сфере культуры и сохранения языка, которые и являются основными механизмами репрезентации этничности (т. е. позволяют подчеркнуть свою принадлежность к татарскому этносу).

Во-вторых, характерной чертой современной ситуации является изменение характера воспроизводства этничности и мотиваций, лежащих в основе этого процесса. Исследования показали, что этническая идентификация и способы репрезентации этничности в обследованных сообществах носят осознанный и подчеркнуто показательный характер. Современные татары осознают, что они татары, и гордятся этим. Более того, они полагают, что принадлежность к татарскому этносу требует от них следования национальным традициям, знания языка, религии. В то же время происходит постепенное изменение содержания всех маркеров, лежащих в основе этнической идентичности, зачастую они воспроизводятся в более простой, упрощенной форме, либо воспроизводятся их наиболее яркие и знаковые элементы. Именно перечисленные тенденции определяют специфику этносоциальных и этнокультурных процессов в обследованных сообществах.

Ситуация в сфере сохранения языка, зафиксированная в ходе исследования, оказалась особенно показательной. Более 90 % опрошенных респон-

дентов в совершенстве владеют татарским языком, т. е. могут свободно говорить и писать на нем. Одним из факторов сохранения языкового и культурного своеобразия является сознательная установка на использование национального языка в бытовых сферах, зафиксированная во всех татарских поселках. Несмотря на то, что обучение в школах на территории поселков ведется на русском языке, в быту используется преимущественно татарский язык (а в ряде населенных пунктов даже на молодежных дискотеках включается преимущественно татарская музыка в современной аранжировке). Однозначно, татарский язык используется чаще, чем русский, во всех бытовых сферах, в том числе при общении с детьми.

Еще одним фактором сохранения национального языка является замкнутость этнолокальных сообществ татар: из девяти обследованных населенных пунктов, в которых компактно проживают татары, семь являются моноэтничными, и еще два – полиэтничными (в этих поселках, кроме татар, проживают казахи, т. е. этнос, близкий по языку и идентичный по религиозной принадлежности; и этот фактор скорее способствует сохранению языкового и культурного своеобразия татарского этноса). Сокращение объема употребления татарского языка связано с близостью к урбанистическим центрам, пусть даже небольшим.

Помимо установки на сохранение языка существует установка на сохранение культурного своеобразия, которая проявляется, прежде всего, как сохранение обрядовости в наиболее значимых событиях (традиционная свадьба – никах, обряд наречения имени, обрезание и пр.). При этом анкетные опросы показали, что субъективная оценка своего знания о традициях является достаточно низкой: о хорошем знании обычаев и традиций своего народа заявили около трети опрошенных. Однако тех, кто совсем ничего не знает, тоже практически нет. Можно утверждать, что основная масса населения знает традиции частично, соответственно и придерживаются тоже частично. На наш взгляд, этот момент является характерной чертой современной ситуации, когда в основе возрождения этнических традиций лежит утилитарный интерес: они узнаются именно для того, чтобы использоваться и таким образом, через использование, подтвердить свою этническую принадлежность.

Соответственно, происходит воспроизводство традиций, имеющих в первую очередь обрядовый, показательный характер, максимально эффективно позволяющий подчеркнуть уникальность национальной культуры и свою принадлежность к ней. В бытовой сфере следование традициям репрезентируется, прежде всего, в феномене национальной кухни, а также использовании средств массовой информации на национальном языке. Формируемая таким образом современная традиционность является одним из самых простых и доступных механизмов репрезентации этничности.

Несмотря на то, что субъективная оценка своего знания о традициях и обычаях является достаточно низкой, а следование им – неполным, положение этноса ощущается его представителями как достаточно стабильное. Более половины респондентов отмечают отсутствие какой-либо опасности утратить национальную самобытность. В то же время нельзя не отметить, что более 40 % современных представителей этноса отмечают наличие ряда проблем, связанных прежде всего с постепенной утратой языка и национальных традиций. Однако для большинства респондентов проблемы, стоящие перед татарами, имеют не столько культурный, сколько социально-экономический характер (например, плохое качество дорог, бедность). Таким образом, состояние этнокультурной сферы и соответственно перспективы дальнейшего воспроизводства этничности рассматриваются не сами по себе, а как следствие проблем социально-экономических. По мнению экспертов, именно решение таких проблем должно создавать условия для максимально эффективного развития этнокультурной сферы.

Если говорить о ситуации в сфере религии, то основным трендом, определяющим специфику развития современной религиозности среди татар, проживающих на территории Сибири, является «поверхностный ислам» (такую меткую характеристику ситуации дал в ходе интервью один из имамов). «Поверхностный ислам» означает, что количество верующих не уменьшается, но изменяются содержание и качество религиозности, религиозная идентичность сопровождается соблюдением лишь самых общих

религиозных правил. Эта тенденция характерна не только для сообществ татар Новосибирской области, но и для татар, проживающих в других обследованных нами регионах.

Необходимо отметить, что религиозная ситуация среди татар Новосибирской области отличается от ситуации в других областях. Несмотря на то, что более 80 % представителей татарского этноса, проживающих здесь, считают себя мусульманами, этот показатель ниже, чем в других областях. Например, в Тюменской области о принадлежности исламу заявили более 90 % опрошенных.

Характерным является и тот факт, что ни в одном из населенных пунктов / мест компактного проживания татар в Новосибирской области нет мечети. В нескольких деревнях на это ведется сбор средств, практически во всех деревнях действуют имамы (духовные лидеры), но мечети как таковые отсутствуют. Также характерно, что за все время исследования не удалось найти ни одного человека, совершившего хадж, т. е. паломничество в «святые» места. В то же время в Тюменской области совершивших хадж достаточно много. Более того, исследование показало, что хадж для татар, проживающих в Тюменской области, выступает своеобразным подтверждением образа жизни и статуса. Возможность совершить хадж позволяет одновременно подчеркнуть свою принадлежность к татарскому этносу и свой элитный статус среди его представителей (поскольку финансово не все могут позволить себе такое путешествие).

Как мы уже отметили выше, положение дел в сфере религиозности среди татар Новосибирской области обусловлено исторически. Формирование местных популяций татар происходило по-другому, чем, например, казанских или тюменских. Племена, близкие к татарским и называющие себя «бараба», жили здесь издревле. Современные ученые выделяют барабинских татар в отдельную этнографическую группу среди сибирских татар, отмечая, что в их формировании в достаточной степени представлены некоторые «паневразийские», а также «сибирская» гаплогруппы, но практически не выражены «переднеазиатские» и «восточноазиатские» гаплогруппы [Имекина и др., 2017].

В XVIII в. сюда началась активная миграция представителей татарских субэтносов, в основном так называемых «мишар» с берегов Волги, которые считали себя язычниками.

Современные татары, проживающие в обследованных поселках, выделяют себя в отдельную субэтническую группу сибирских или барабинских татар. В основе такого выделения лежит не только фактор географического проживания, но и ряд других признаков, прежде всего различия во внешнем виде, в употребляемом языке, особенности национальной кухни. В целом можно утверждать, что подобная самоидентификация призвана подчеркнуть и субэтнические различия, и региональную и локальную специфику расселения («сибирские» в том числе означает «традиционно проживающие в Сибири», не «казанские» и не «крымские»). Подобная географическая идентичность, идентичность места связана с представлением о необходимости совместного проживания на родной земле и является важной составляющей и субэтнической идентичности, и этнической идентичности. Несмотря на то, что самоидентификация себя в качестве сибирских или барабинских татар достаточно распространена, она не является приоритетной. Осознавая, что татарский этнос разнороден, татары считают себя, прежде всего, просто татарами, идентифицируют с татарским этносом в целом. Татары Новосибирской области демонстрируют яркий пример существования в современном мире сложной, многоуровневой структуры идентичности. В данном случае субэтническая идентификация уживается с идентификацией этнической и обе они прекрасно дополняются общенациональной гражданской идентификацией в качестве россиян.

Итак, современные представления об этнической идентичности среди татар, компактно проживающих в Новосибирской области, строятся на основе таких категорий, как национальный язык, культура и религиозная принадлежность. Именно эти маркеры лежат в основе идеального, символического представления о своей этнической принадлежности: чтобы быть человеком определенной национальности, необходимо знать язык, соблюдать традиции и быть мусульманином. Однако такая совокуп-

ность маркеров является действительно «идеальной». В реальности соответствие этим требованиям хоть и желательно, но отнюдь не обязательно. Многочисленные интервью показали, что, не зная язык, человек не перестает считать себя татарин, а главное, его не перестают считать таковым окружающие. То же касается и религиозной принадлежности: в современных условиях можно не исповедовать ислам и оставаться представителем татарского этноса.

В данном случае важно учитывать, что в общей структуре этнической идентичности снижение по каким-либо причинам привлекательности одних этномаркеров сопровождается повышением привлекательности других, развитие которых происходит по принципу компенсации. Сокращение привлекательности религиозности как этномаркера (если о таковом процессе вообще имеет смысл говорить в условиях, когда 80–90 % представителей этноса считают себя мусульманами) компенсируется ростом внимания к другим маркерам, таким как язык и культура.

В целом можно говорить о том, что в сообществах татар Новосибирской области сложилась определенная модель воспроизводства этничности, которая позволяет воспроизводить эту этничность достаточно успешно. Рост этнического самосознания и процессы этнической идентификации здесь в меньшей степени связаны с развитием религиозности и в большей степени с процессами сознательного воспроизводства традиций в сфере культуры и сохранения языка, которые являются основными механизмами репрезентации этничности.

В основе складывающейся ситуации лежит изменение содержания базовых этноидентифицирующих маркеров: поверхностное следование нормам и правилам в сфере религии, сознательная установка на сохранение языка и сознательное следование традициям. Установки на следование этим этномаркерам все чаще приобретают осознанный характер, их выбор позволяет объективировать этническую принадлежность, осмыслить ее, дает возможность испытывать чувство гордости от сделанного выбора. Подобный механизм репрезентации этничности в современной ситуации становится одним из самых простых и доступных способов подчеркнуть свою идентичность и уникальность. В результате можно говорить о том, что су-

ществующая модель воспроизводства этничности в целом имеет именно осознанный и даже показательный характер и складывается из отдельных осознаваемых установок на сохранение элементов, которые считаются значимыми, структурирующими этничность.

Возможность такой репрезентации этничности обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, это моноэтнический характер проживания и относительная замкнутость сообществ. Это в свою очередь оказывается возможным лишь в ситуации сельского образа жизни и удаленности от урбанистических центров. Влияние этих факторов позволяет избежать потери культурного своеобразия, а также размывания популяции за счет межэтнических браков даже в условиях иноэтничного окружения и сильного воздействия русскоязычной среды. В сочетании с сознательной установкой на воспроизводство значимых этномаркеров, это способствует созданию уникальной социокультурной ситуации, позволяющей сохранить этническое своеобразие этнолокальных сообществ татар в достаточно полном объеме.

Еще одним фактором, играющим консолидирующую этнос роль, оказывается возможность потребления уже готовых культурных образцов, причем таких, которые уже являются «осовремененными», соответствующими современным технологическим и медийным стандартам. Отсюда – важная роль СМИ, которые создают и постоянно транслируют уже готовые образцы культурного поведения. Именно такая ситуация характерна для обследованных сообществ, которые постоянно получают поток медийной и шире – информационной поддержки из республики Татарстан в виде книг, периодических изданий, целых каналов, вещающих на татарском языке, национального музыкального контента в современной аранжировке.

В заключение отметим, что влияние современных глобализационных процессов на развитие этнолокальных сообществ является крайне противоречивым. Конечно, удаленность этнолокальных сообществ, их моноэтничность и обособленность в наибольшей степени способствуют сохранению национальной культуры и языка. В то же время с точки зрения перспектив развития этноса именно подобный тип сообществ демонстри-

рует тенденцию к старению и депопуляции. Это обусловлено, прежде всего, низким потенциалом социально-экономического развития территорий проживания. Напротив, близость этнолокальных сообществ к крупным урбанистическим центрам неминуемо приводит к усилению их воздействия на традиционную культуру, но в то же время гарантирует возможности для активного социально-экономического развития села и его сохранения в дальнейшем в качестве места компактного проживания этнолокальных сообществ.

Наше исследование показало, что основные проблемы, стоящие перед новосибирскими татарами в местах их компактного проживания, имеют не столько культурный, сколько социально-экономический характер, они связаны не с влиянием иноэтничного окружения, а с социально-экономическими факторами. Таким образом, состояние этнокультурной сферы и соответственно перспективы дальнейшего воспроизводства этничности должны рассматриваться в контексте социально-экономической ситуации.

Список литературы / References

Имекина Д. О., Падюкова А. Д., Балаганская О. А., Агджоян А. Т. и др.

Структура генофондов тоболо-иртышских и барабинских татар по данным о полиморфизме Y-хромосомы // Генетика человека и патология: Сб. науч. тр. Томск: Изд-во «Литературное бюро», 2017. Вып. 11. С. 47–48.

Imekina D. O., Padyukova A. D., Balaganskaya O. A., Agdzhoyan A. T. et al. Struktura genofondov tobolo-irtyshskikh i barabinskikh tatar po dannym o polimorfizme Y-khromosomy [Structure of gene pools of tobolo-Irtysh and Barabinsk Tatars according to y-chromosome polymorphism]. In: Genetika cheloveka i patologiya [Human Genetics and Pathology]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Tomsk, 2017, no. 11, p. 47–48. (in Russ.)

Ульянова М. В., Лавряшина М. Б., Поддубиков В. В., Зазулина М. Р. и др.

Итоги комплексного исследования процессов воспроизводства населения в локальных группах тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области: генетико-демографические аспекты // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 2, № 1 (61). С. 36–43.

Uliyanova M. V., Lavryashina M. B., Poddubikov V. V., Zazulina M. R.

et al. Itogi kompleksnogo issledovaniya protsessov vosproizvodstva naseleniya v lokal'nykh gruppakh tobolo-irtyshskikh sibirskikh tatar Tyumenskoi oblasti: genetiko-demograficheskie aspekty [Results of a comprehensive study of population reproduction processes in local groups of tobolo-Irtysh Siberian Tatars of the Tyumen region: genetic and demographic aspects]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2015, vol. 2, no. 1 (61), p. 36–43. (in Russ.)

Neal S. Rural Identities: Ethnicity and Community in the Contemporary English Countryside. London, Routledge, 2016, 170 p.

Woods M. Rural. London, Routledge, 2010, 352 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

03.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Зазулина Мария Рудольфовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Mariya R. Zazulina, Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

zamashka@yandex.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-222-244

М. Мандельбаум и историография философии

М. Н. Вольф

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Взгляды М. Мандельбаума на историографию философии претерпели определенную эволюцию. Показаны эпистемические основания историко-философской позиции Мандельбаума. С позиций критического реализма и его применения к социальным наукам Мандельбаум анализирует преимущества и недостатки монистического, или холистического, подхода, частных монизмов и плюрализма. Наиболее состоятельной плюралистической концепцией он полагает историю идей А. О. Лавджоя, однако ее использование в качестве историко-философской методологии ограничено. Сменившая ее интеллектуальная история должна быть отнесена к частичным монизмам, однако, по версии Мандельбаума, она получает ряд преимуществ, если начнет использовать плюралистическую методологию. Именно в этом варианте возможно отождествление истории философии и интеллектуальной истории. Представлены возражения аналитических философов против такого отождествления.

Ключевые слова

историография философии, монизм, плюрализм, частичный монизм, история идей, интеллектуальная история, М. Мандельбаум, А. О. Лавджой, аналитическая история философии

Для цитирования

Вольф М. Н. М. Мандельбаум и историография философии // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 222–244. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-222-244

© М. Н. Вольф, 2019

M. Mandelbaum and Historiography of Philosophy

M. N. Volf

Abstract

The views of M. Mandelbaum on the historiography of philosophy have undergone a certain evolution. The paper shows the epistemological foundations of Mandelbaum's historical and philosophical position. From the standpoint of critical realism and its application to social sciences Mandelbaum shows the advantages and disadvantages of the monistic or holistic approaches, partial monisms and pluralism. He considers A. O. Lovejoy's history of ideas to be the most reasonable pluralistic conception, although its use as a historical and philosophical methodology is limited. Intellectual history, which replaced it, should be called a partial monism, however, according to Mandelbaum, it gets a number of advantages if it begins to use a pluralistic methodology. In this version of methodology, the history of philosophy and intellectual history can be identified. The paper also presents some objections of analytic philosophers against this identification.

Keywords

historiography of philosophy, monism, pluralism, partial monism, history of ideas, intellectual history, M. Mandelbaum, A. O. Lovejoy, analytic history of philosophy

For citation

Volf M. N. M. Mandelbaum and Historiography of Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 222–244. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-222-244

Инициатором аналитической дискуссии об историографии философии¹ можно считать Мориса Мандельбаума, профессора философии в университете Джона Хопкинса (с 1957 по 1974 г.), президента (1962) и председателя управляющего совета (1968–1974) Американской философской ассоциации [Beck et al., 1987]. Мандельбаум, рассуждая о причинах исторических процессов и хода истории, впервые обозначил свою область интересов как «историографию» философии (или истории философии), которая позже обрела множество дополнительных наименований, среди них методы истории, философия истории (включая философию истории философии) и т. п., а сам Мандельбаум до сих пор признается первым аналитическим

¹ Дискуссия обсуждалась нами в статье: [Вольф, 2018].

философом истории. По сути, вопрос об историографии истории философии или об *истории* истории философии – это вопрос о методах, которые историки предмета должны применять к своему материалу, чтобы добиться тех результатов, к которым они стремятся. На первый взгляд цель, которую преследуют историки – это достоверная (лучше сказать, истинная) реконструкция универсального прошлого, монистическая, или холистическая, картина, исключая какие-либо множественные противоречивые оценки. Но о каком-либо монистическом прочтении или написании истории, в том числе и истории философии, говорить сложно, поскольку оно зависимо от интерпретаций, точек зрения, используемых фактов, базовых идеологий, личности историка и т. п. Понятно, что такая ситуация не могла показаться сколько-нибудь удовлетворительной для аналитических философов, стремившихся к поиску универсальных законов, единственному объяснению и использованию методов, близких к таковым в точных и естественных науках. Именно Мандельбаум ставит перед собой задачу каким-то образом согласовать представления о неизбежности плюралистических интерпретаций в истории с возможностью создания объективного историко-философского метода.

Для того чтобы понять, что именно предлагает Мандельбаум в качестве исторической методологии, нужно понять, из каких базовых эпистемологических принципов он исходит и как они определяют познание мира, а главное, общества и его истории². Будучи сторонником критического реализма, Мандельбаум для собственных целей использует уточняющий для этого направления термин «структуризм», который характеризует его теорию общества³. Оставаясь в рамках аналитической философии в качестве приверженца критического или научного реализма, Мандельбаум ставит себя в оппозицию рационализму, с одной стороны, и феноменологии,

² Общее резюме взглядов и работ М. Мандельбаума см.: [Lloyd, 1989].

³ Обзор концепции критического реализма не в привычном ключе эпистемологии и философии науки, а в отношении, в котором его развивал М. Мандельбаум – социальных наук и практик, социального объяснения и натурализма, см.: [Maurice Mandelbaum and American Critical Realism, 2010].

логическому эмпирицизму и инструментализму – с другой. В том, что характеризуется при этом как рационализм (равно как и в одной из его версий – идеализме), реализм не приемлет методологического холизма, согласно которому общество является самостоятельной и автономной единичной сущностью, наделяемой собственным сознанием и существующей благодаря мыслям и действиям отдельных людей внутри нее [Lloyd, 1989. Р. 299]. Между феноменологией, логическим эмпирицизмом и инструментализмом не много общего, однако все они противостоят реализму в силу их приверженности индивидуализму. Феноменологи исходят из того, что любые феномены определяются конкретной частной точкой зрения, ее изменение приводит к изменению представлений о феномене; реальность инструменталистов не является объективной, она производится методологией или технологией [Ibid. Р. 299]. Наконец, с логическими эмпирицистами Мандельбаум разошелся в понимании места каузальных связей в познании мира и истории: эмпирицисты не в состоянии отличить инвариантные последовательности событий от актуальных причинных условий для тех или иных событий [Ibid. Р. 303]. Они пытаются дедуцировать причины событий, тогда как, по мнению Мандельбаума, их следует открывать в структурах комплексных систем: «реальные причины являются необходимыми и существенными условиями событий» [Ibid.]. В то же время критический реализм, разделяемый Мандельбаумом, оказывается близок к прагматическому, или политическому, реализму, хотя и не вполне с ним совпадает. С точки зрения прагматистов, реализм – это «широкая политика, которая руководствуется скорее исследованиями, чем строгими требованиями в отношении реальности, истинности и ложности теорий... Статус теорий оказывается в таком подходе более сложным и дискуссионным, чем простое бивалентное отношение истины и лжи. Их цель скорее достоверность, чем истина» [Ibid. Р. 298]. Мандельбаум бы наверняка одобрил, если бы узнал то определение, которое предлагает для характеристики природы неопрагматист Дж. Марголис: «...все прагматисты, в сущности, согласны со следующим и окончательным диктумом, что природа – это “поток”, который не является “хаосом”, но представляет собой пространст-

во изменяющихся процессов, позволяющее обнаружить достаточно регулярные структуры, ни одна из которых не является безусловно инвариантной и не исключает возможности перемены» [Марголис, 2008. С. 89]. Однако Мандельбаум расходится и с прагматистами, несмотря на их ориентированность на историчность, процессуальность, на поиск структур и отказ от абсолютного универсализма. Принимая указанные положения, прагматисты, однако, уходят в другую крайность, и их точка зрения чревата релятивизмом, который Мандельбаум не приемлет: в прагматизме, как и в релятивизме, знание зависит от концептуальной схемы познающего, которая каждый раз оказывается частной, а не универсальной, и сама определяет предпосылки, с позиций которых осуществляется познание. И хотя Мандельбаум, в отличие от классических аналитиков (ср.: [Дэвидсон, 1993]), признает наличие концептуальной схемы, он полагает, что, обеспечивая предпосылки и условия познания внешнего мира, она сама трансформируется и верифицируется в процессе его познания.

Столь сложные взаимоотношения с другими эпистемологическими теориями и следующими из них теориями общества Мандельбаум крайне щепетильно выстраивает, чтобы, взвесив все возможные плюсы и минусы, подобрать такую теорию, которая бы в полной мере отражала не столько принципы познания мира, сколько принципы организации общества и истории. По мнению Мандельбаума, существует необходимость в такой эпистемической перспективе, в которой мы не потеряем ни общество с его институтами, ни его историю. Для него это условие принципиально, поскольку «историк имеет дело с человеческими мыслями и действиями в их социальном контексте и с их социальными последствиями» [Mandelbaum, 1965. P. 44].

Существенным здесь оказывается различие им прошлого и истории, где прошлое существует объективно и независимо от наших умов, тогда как история представляет собой совокупность фактов, т. е. высказываний о мире, между которыми существуют отношения причинно-следственной связи, а ее субъективный характер очевиден. В конечном итоге Мандельбаум находит «золотую середину», позволяющую соотнести условия функционирования как отдельных индивидов, так и структуры в целом, как

объективное, так и субъективное, процессуальность истории и присущее ей внутреннее единство.

Методологический структуризм, разделяемый Мандельбаумом в его собственной версии как институционализм, по его мнению, служит наиболее удобным инструментом для указанных целей. Он, как и любой реализм, исходит, во-первых, из признания существования внешней реальности, независимой от наших способов ее познания, и вопрос различия между видами реализма заключается только в том, где находится эта внешняя реальность и каким образом открывается познанию. В отличие от эмпирического реализма (реализм здравого смысла) критический или научный реализм утверждает, что реальность представляет собой скрытую структуру, и явления только указывают на нее, не гарантируя знания о ней, и что одних только чувственных данных недостаточно для познания внешней реальности, поэтому ее природа должна быть обнаружена посредством науки и независимо от явлений, регистрируемых органами чувств [Lloyd, 1989. Р. 298]. В свою очередь, общество является свободной структурой правил, ролей и отношений, все они существуют отдельно от конкретных людей, которые образуют общество, выстраивая с ним скорее диалектические, чем однонаправленные детерминирующие отношения. Вместе с тем структуризм понимает общество не только как *структуру*, но и как *процесс*, в котором «структуры общественно институционализированных систем правил, ролей и отношений производятся, воспроизводятся и трансформируются через человеческие мысли и действия» [Ibid. Р. 300].

Институционализм характеризуется Мандельбаумом как частичный монизм и является некоторой формой культурного монизма, который противопоставлен холизму или социологическому (абсолютному) монизму [Mandelbaum, 1965. Р. 43–49]. Последний настаивает, что «любой элемент в обществе связан с другими элементами внутри этого общества таким образом, что он может быть понят только через их понимание и через понимание общества в целом» [Ibid. Р. 46]. Любая попытка выделить какой-то элемент и проанализировать его независимо, изолированно ведет к существенным искажениям целой картины. В отличие от него институциона-

лизм допускает, что при существующей и достаточно жесткой взаимосвязи различных общественных систем, – экономической, политической, юридической, системы родства, образования и т. д., – любая из них может претерпевать исторические изменения, которые могут быть частично независимыми от остальных систем, но в то же время каждую из них невозможно понять абсолютно изолированно и вне соотнесения с другой [Mandelbaum, 1965. Р. 49]. В каком-то смысле, продолжая оставаться монизмом, институционализм делает существенную уступку в отношении плюралистических систем, поскольку если мы имеем дело с элементом, который хоть в малой степени способен пусть не существовать отдельно от целой системы, но быть логически от нее отвлечен, то это в свою очередь означает возможность перемещать его из одной системы в другую, а на уровне частных историй это означает его перемещение из одного общества в другое. Тем самым мы можем быть уверены, что в результате такой процедуры данный элемент не претерпит каких-либо радикальных изменений или утраты специфических для него свойств. Именно этим принципом и руководствовались сторонники истории идей.

Артур О. Лавджой, создатель истории идей, также был сторонником критического реализма и при этом в явном виде – сторонником плюралистической позиции. Его работы оказали значительное влияние на Мандельбаума, и вместе с критическим реализмом он унаследовал от Лавджоя и свой интерес к проблемам историографии и к собственно истории идей. В статье 1948 г., включенной в фestsриффт к 75-летию Артура Лавджоя, Мандельбаум дает очень емкую характеристику эпистемических резонансов, из которых исходит Лавджой: «...моей целью, – пишет он, – будет попытка извлечь из его произведений основные теоретические взгляды, которые характеризуют его подход к прошлому и знаниям о нем» [Mandelbaum, 1948. Р. 412], и вместе с ними он обозначает и основные эпистемические проблемы историографии.

Сам Лавджой характеризует свои взгляды как «темпоралистический реализм», однако Мандельбаум уточняет, что это скорее темпоралистический плюрализм, поскольку реальность у Лавджоя «обладает определенными неопровержимыми чертами плюрализма» [Ibid. Р. 412–413], а следствия из

этой теории носят явный эпистемический, а не метафизический, вопреки ожиданиям, характер.

Прежде всего, природу исторического знания, способ постижения прошлого невозможно объяснить без посредства «репрезентативной теории идей» Лавджоя. И снова, вопреки ожиданиям, Лавджой остается в рамках реализма, а не идеализма, поскольку базовый инструментарий познания в его концепции опытный, а не рациональный. Когда речь идет о познании, как правило, подразумевается познание или настоящего опыта, или каких-либо внетемпоральных фактов. Однако историк или историограф имеет дело с прошлым, и знание, которое он получает – это (вспоминая известное расселовское деление на знание-знакомство и знание-описание [Рассел, 2001. С. 32–41]) всегда знание опосредованное, поскольку непосредственное обращение к прошлому, прямой контакт с ним невозможны. Единственный мост к прошлому – это идеи. Все, что мы можем знать о прошлом, мы знаем только через посредство идей [Mandelbaum, 1948. P. 414]. Существует установка, что знанием может быть только то, с чем познающий ум имеет непосредственный контакт, и вследствие ее «историк никогда не сможет адекватно понять природу прошлого» [Ibid. P. 415]. Эта проблема решается посредством репрезентативной функции идей, которая позволяет знать прошлое без непосредственного контакта с ним.

Тут могут возникнуть некоторые затруднения. Во-первых, следует отличать знание от опыта, и в отличие от непосредственного опыта знание «избирательно и не совпадает с полной актуальностью прошлого, оно обязательно искажает истинную природу того, что мы стремимся узнать» [Ibid.]. Иными словами, мы сталкиваемся с невозможностью абсолютного знания и познания реальности в целом. Во-вторых, возникает проблема контекста: поскольку знание *прошлого* опосредуется через идеи *настоящего*, то искомое событие извлекается из того комплекса, частью которого оно было, и переносится в новый контекст, который и становится определяющим для события, тогда как им должны быть исходный контекст и время, в которых это событие произошло [Ibid.].

Эти возражения снимаются с позиций плюралистической установки Лавджоя: «реальность не только содержит различные элементы разных видов, но и любой объект или событие являются сложными, обладая различными свойствами» [Mandelbaum, 1948. P. 416]. Тем самым один набор свойств какой-либо сущности может относиться к одному контексту, другой набор – к другому контексту, поэтому работа с одним набором не искажает и не изменяет другой. Кроме того, эти наборы свойств могут находиться в различных отношениях к различным объектам или событиям, в том числе, как к прошлому, так и к настоящему. Иными словами, одно и то же явление или событие может быть совершенно адекватно и безболезненно помещено как в контекст настоящего, так и в контекст прошлого, и это не исказит сущности самого события. Ключевым параметром для понимания таких действий оказывается понятие «точки зрения» (perspective): любой историк видит и отбирает факты, исходя из определенной позиции, однако она не искажает событие, но только фиксируется на некоторых конкретных отношениях одного комплекса свойств с другим объектом или контекстом.

На основании сказанного становится ясно, что события релятивизируются к точке зрения историографа, но «релятивность» в данном случае не несет в себе стандартного негативного оттенка утраты объективности знания. Сам Лавджой настаивал на объективности исторического познания, поскольку среди различных отношений, которые фиксируются историком, присутствует еще один, особый их тип – причинно-следственная связь, которая и делает выводы историка объективными [Ibid. P. 418]. По мнению Лавджоя, любые генерализации, к которым приходят историки, в действительности делаются на основании причинно-следственных связей.

Историография «до Лавджоя» не согласилась бы с его видением причинного анализа и конечных целей историка. По его мнению, и поиск каузальных связей, и конечная цель исторического поиска служат не только и не столько установлению подлинного прошлого, сколько написанию «истории настоящего», и посвящены в действительности тому, что «считается важным в настоящем» [Ibid. P. 420]. Этот вывод, конечно, ошеломителен, поскольку до Лавджоя история всегда была посвящена прошлому и только

ему. Но в действительности историк обращает внимание на некоторые события, поскольку они обусловлены определенными факторами, которые следует называть «проблемами». То, что нечто является проблемой, становится очевидным только через призму настоящего, и оказывается, что прошлое в принципе не может быть рассмотрено в отрыве от настоящего, его видение в любом случае будет определяться целями, интересами и ценностями сегодняшнего дня.

Главная интенция эпистемологических взглядов Лавджоя, по мнению Мандельбаума, заключается в следующем: «...знание прошлого является предварительным условием разумного действия в отношении будущего... поскольку... проблемы настоящего не могут быть решены без обращения к знанию, которое вытекает из аккуратного и непринудительного видения прошлого» [Mandelbaum, 1948. P. 421]. Цель историографического исследования тем самым выходит за границы познания прошлого, она гораздо более глобальна и заключается в том, чтобы «понять природу человека и его поведение» [Ibid.]. По сути, подытоживает свои рассуждения Мандельбаум, метод, который используется Лавджоем – аналитический: «Многочисленные нити истории переплетаются и разделяются, образуя сложную паутину, чью природу необходимо проследить, следуя за ее непрерывностями и отмечая места соединения этих нитей. Аналитическая процедура критического историка – это метод, который позволяет выполнить эту задачу. И историк, который привносит в свою работу понимание человеческой природы, широкое знакомство с историческими феноменами и бескорыстную преданность делу знания, будет вознагражден не только знанием, но и просвещением относительно проблем настоящего, которые приносит такое знание» [Ibid. P. 423].

Мандельбаум убежден в том, что Лавджой является аналитическим историком философии, и это, пожалуй, первая попытка говорить об аналитической истории философии и называть кого-то ее приверженцем. Указывая на слабые места в исследовательской программе Лавджоя в рамках истории идей, Мандельбаум отмечает, что главным из них следует считать упущения в способах установления исторических и генетических, а не

только логических *связей* определенных единичных идей (*unit-idea*), желание видеть связь там, где ее может и не быть. Другим недостатком можно считать упущения в оценках собственно персоналий [Mandelbaum, 1965. P. 40–41]: недостаточное внимание к особенностям работы автора, недостаточный интерес к его мотивации и собственным целям, которые могут оказаться не менее важными, чем идеи для понимания оказанного им исторического влияния. За связями и параллелями, которые выстраиваются вокруг концептов того или иного философа или историка, теряется независимость авторской мысли, его оригинальность, а взамен мы можем получить такие линии исторической связи, которые, возможно, в самом прошлом и не существовали.

При этом ценность предложенной методологии в том, что она необычайно точна в установлении исторических параллелей:

Привлекая внимание к возможным параллелям в использовании понятий различными мыслителями и показывая двусмысленности и путаницу, которые могут содержать некоторые из этих понятий, Лавджой дал интеллектуальному историку мощный набор аналитических инструментов и привел пример их использования, от которого каждый может извлечь выгоду [Ibid. P. 41].

Слабости теории идей, на которые указывает Мандельбаум, отнюдь не являются следствием методологии, которую использует аналитический историк философии, но скорее обусловлены особенностями философского темперамента самого Лавджоя: он мог отдаваться страсти проводить различия и заниматься поиском аналитической ясности, испытывал отвращение к двусмысленностям и требовал точности, мог детально исследовать интеллектуальное содержание произведений в духе критической отстраненности, не касаясь ни объема произведений, ни их ценности, ни осмысления их значимости, и делал это иногда в ущерб исторической консистентности собственных заключений.

По мнению Мандельбаума, недостатки истории идей в какой-то мере компенсируются в интеллектуальной истории, ее прямой наследнице. Но и у той, и у другой есть очевидные общие проблемы, которые они также разделяют с более традиционной историей философии: это проблема связности социальных явлений и событий в исторической перспективе и воз-

возможность их взаимного влияния. Каким образом можно установить, как и насколько социальное наследие прошлого меняет свое содержание, природу и способы функционирования, продолжаясь в настоящем или наследуясь им? Для ответа на этот вопрос Мандельбаум отталкивается от концепции социологического монизма, полагая его наиболее устоявшимся в исторических исследованиях и наиболее знакомым, и формирует шкалу, на которой отмечает альтернативные ему концепции по мере их от него удаления, обозначая их как варианты «частного монизма», и на противоположном полюсе размещает плюрализм, которого, как мы видели, придерживался Лавджой.

Абсолютная форма монизма, или холизма, долгое время будучи крайне популярным и почти единственным способом написания социальной истории, осталась невостребованной в XX в. Среди его сторонников Мандельбаум перечисляет Гегеля, Маркса, Шпенглера. Вместо общей истории новый век пишет разнообразные «специальные» истории, поскольку становится понятно, что более или менее успешной будет такая история, которая отражает то, как развивалась какая-то отдельная область, со своим собственным непрерывным существованием, и которая не претендует на охват всего единства всех аспектов общественной жизни. Однако для Мандельбаума такие истории по-прежнему понимаются как монистические, он присваивает им термин «частичные монизмы». Они лишены недостатков крайних положений на его шкале: поскольку некоторые исторические нити значительно связаны друг с другом, выделить что-то одно и пытаться рассматривать его вне всякой связи с чем-либо еще, с какими-то смежными и близкими областями, как это предлагает делать плюрализм, не даст удовлетворительного результата, как и абсолютно монистическое установление тотальной связи всего со всем.

Интеллектуальная история оказывается одной из форм такого частичного монизма. Задача интеллектуального историка заключается в том, чтобы отыскать фундаментальный набор предпосылок, который определяет интеллектуальный климат эпохи, а также понять, какие изменения эти предпосылки претерпевают от эпохи к эпохе. С историей идей интеллекту-

альную историю роднит то, что последняя также работает с общими идеями или с образцами идей, которые определяют интеллектуальные проблемы, но история идей не разделяет той точки зрения, что основой объяснения тех или иных нитей истории будет являться только один набор предпосылок. Более того, выявляя предпосылки, она рассматривает их как результаты, а не как причины конкретной культурной деятельности и интеллектуальной жизни того или иного времени [Mandelbaum, 1965. P. 50]. Плюралистическая позиция, вместо единства предпосылок, стремилась бы понять разные виды интеллектуальной деятельности людей с точки зрения различных традиций, пытаясь обнаружить конкретные влияния, которые разные традиции оказывали друг на друга. Если же обнаруживается какое-либо единство в интеллектуальной деятельности эпохи, оно объясняется не единым набором предпосылок, а этими специфическими влияниями.

Вместе с тем у плюралистического подхода есть очевидные плюсы, благодаря которым он может быть адаптирован к интеллектуальной истории, равно как и к другим специальным историям, нивелируя недостатки монистического подхода. Во-первых, сторонникам плюралистического подхода не приходится писать историю чего-либо в терминах какой-либо более крупной социальной или культурной единицы. Во-вторых, задача проследить влияния между конкретными событиями исключает несоизмеримость событий, чья специфика обусловлена областью их происхождения:

...плюрализм не отрицает перекрестных влияний: он рассматривает ткань исторических событий как содержащую множество нитей, каждая из которых может время от времени пересекать любую другую, подвергаясь ее влиянию и влияя на нее также» [Ibid.].

С точки зрения монизма невозможно проанализировать какой-либо элемент в общей системе изолированно и не исказить общей картины: в силу полной взаимосвязи всех элементов истории, если изменения произойдут в каком-либо одном локусе, они с необходимостью повлекут изменения в другом. Плюрализм не разделяет этой позиции, и даже отрицает истинность монизма, в том числе и частичного. Плюралисты признают наличие связей только там, где возможно установить взаимные влияния эле-

ментов интеллектуальной и культурной истории, для монистов связи все равно будут, даже если нельзя установить прямого влияния этих элементов друг на друга. Именно поэтому плюрализм допускает, что можно написать вполне состоятельную «специальную» историю, даже если не рассматривать ее как часть чего-то большего и не видеть всей картины целиком, оставаясь в пределах только одной нити прошлого. В целом Мандельбаум, хотя и придерживается собственной версии частичного монизма, относится к плюрализму вполне лояльно: «Хотя позиция тех, кто отрицает плюрализм, имеет определенную правдоподобность, я был бы готов выступить против них...» [Mandelbaum, 1965. P. 52]. Если учесть неоднородность культурной жизни и нерепрезентативность исследуемых групп, то трудности с созданием холистической картины будут возникать в любом случае, и в этом отношении «плюрализм обеспечивает методологическую гипотезу, более соответствующую фактам, с которыми должны иметь дело специальные историки, чем любая форма монистической доктрины» [Ibid.].

Однако, даже если признать методологию специального монизма или перейти на сторону плюрализма, это не облегчит задачу написания истории философии, поскольку трудности здесь возникают уже на шаге определения философии, а именно, кто такие философы и какие проблемы они решают. Во-первых, размах тем, которые обсуждают те, кого обычно считают философами, настолько широк, что разграничения между философией и не-философией часто выглядят просто произвольными. Во-вторых, нет четкого критерия, кого именно – при таком размахе тем – считать философом, а кого – нет. Даже если мы принудительно ограничим круг философских персоналий, то с точки зрения плюралистической методологии ситуация такова, что эти «философы» постоянно оказываются под влиянием других людей, не принадлежащих к области философии и обсуждавших те же самые проблемы, но в другом ракурсе. Если отталкиваться только от тем и проблем, то нам пришлось бы включить в число философов тех, кого ни при каких других условиях мы не стали бы в это число включать [Ibid. P. 56–57].

Фактически история философии, какой мы ее знаем, представляет собой сеть, которая иллюстрирует отношения между различными философскими учениями, что и формирует философскую традицию. Эти отношения могут быть представлены и как влияния, и как критические отклики последователей на предшественников. Коль скоро существует одна традиция, то в ее рамках можно установить интеллектуальные основания и предпосылки, которые разделялись всеми философами внутри нее, что выражено в обстоятельствах обсуждения одних и тех же проблем [Mandelbaum, 1965. P. 59]. Соответственно, из таких рассуждений вытекает, что не существует одного-единственного импульса или одной-единственной предпосылки, которая была бы универсальна для всех философов. Это означает, что у истории философии, написанной с плюралистических позиций, больше преимуществ, чем у использующей холистическую методологию.

Другой вопрос, будет ли это плюрализм истории идей или модифицированный плюрализм интеллектуальной истории? Мандельбаум указывает на несостоятельность истории идей для написания истории философии в силу миграционного характера единичной идеи [Ibid.]. Первоначально идея действительно может возникнуть в философском контексте, но затем, развившись, она мигрирует в разные другие культурные контексты, в том числе и в полностью лишенные философского импульса, и приживается там. Соответственно, ситуация может развиваться двояко. Первый случай – позитивный, когда мы имеем дело с непрерывным существованием единичной идеи в философском контексте, такую идею легко проследить, легко выявлять ее влияния и даже обнаруживать связи. И чаще всего историки философии пытаются устанавливать связи между поколениями философов, чем регистрировать разрывы в исторической нити, их причины и следствия. Эти разрывы могут быть и в существовании идеи в связи с ее переходом в новый нефилософский контекст. Встретив такую идею, например, в проповеди или стихотворении, в научном труде, историк философии обречен не опознать в ней ее философские корни. Для историка идей такой проблемы нет – он регистрирует саму идею, формы ее существования, возможные влияния, не замечая разрывов в философском про-

цессе. Для историка философии такой подход грозит утратой собственно исторического и философского содержания.

В той мере, в какой влияния последнего рода определяют общую картину мышления философа, и в той мере, в какой единичные идеи должны рассматриваться только как отдельные элементы в рамках таких более крупных моделей, вклад историков идей в историю философии должен быть признан ограниченным [Mandelbaum, 1965. P. 60].

Что касается интеллектуальной истории, то тут картина представляется Мандельбауму более конструктивной [Ibid. P. 61ff]. Если традиционный историк философии обречен фиксировать разрывы связей между традициями или между отдельными учениями конкретных философов, то интеллектуальный историк имеет дело с непрерывным потоком истории. Допустим, что в какой-то момент времени или в каком-то конкретном обществе интерес к философским проблемам сходит на нет, философская традиция умирает. История философии фиксирует обрыв традиции и прекращает дальнейшие поиски существования именно этой традиции; она постулирует, что традиция изменилась, сменилась на другую и т. п., и далее разрабатывает новый вариант. Интеллектуальная история настаивает на том, что даже если умирает интерес к философии в некоторый момент времени, в некотором обществе, это еще не значит, что с ней вместе полностью уничтожается интеллектуальная жизнь, которая в какой-то мере базируется на тех же самых интеллектуальных предпосылках, что и философия, а это значит, что литература, политика или юриспруденция остаются в качестве хранителей интеллектуальных образцов, на основании которых может вернуться к жизни или вырасти и продолжиться новая философская традиция в русле старой интеллектуальной традиции.

Тем не менее, при всех преимуществах интеллектуальной истории, у истории философии должна оставаться собственная специфика, которая позволяет ей сохранять собственную частную историю и не сливаться в единый поток с общей интеллектуальной историей. Очень часто желание обнаружить философию там, где ее не было, заставляет историков выдавать образцы интеллектуальной жизни общества за философские, и интеллектуальная история неплохо с этим справляется. Роль философии начи-

нают играть литература, идеология, мировоззрения и любые другие формы проявления человеческой интеллектуальной деятельности, погруженные в единый поток интеллектуальной истории общества. Так появляются «национальные философии», «литература как философия», «философия вселенных “Звездных войн” и “Терминатора”» и т. п. Задача историка философии в таком случае состоит в том, чтобы показать, что у философии есть свой особый набор проблем, не характерных более никаким общественным институтам, своя особая специфическая среда, которая, разумеется, включена в поток интеллектуальной истории, но не тождественна ему. Принятие любой формы монизма – либо полного, допускающего единство предустановленных связей между историческими событиями, либо частного, признающего единые предпосылки для любой интеллектуальной деятельности, – лишает философию ее собственной внутренней истории.

Мандельбаум чувствует эту опасность нивелирования философской специфики в случае сведения философии к интеллектуальной истории. Он пишет:

Вместо того чтобы рассматривать отношения между философами как внутренне присущие философии, они воспринимаются как выражение более общих исторических сил; философские доктрины рассматриваются как попадающие в порядок, объяснение которого лежит вне самой философии [Mandelbaum, 1965. P. 64].

И тем не менее он полагает, что если интеллектуальная история будет отдавать преимущество принципам плюрализма, то такой подход позволит наиболее выгодно писать и историю философии. В отличие от других форм интеллектуальной деятельности, именно философия наиболее органично способна к соединению с другими видами интеллектуальной активности людей, и она же среди всех других оказывает наибольшее влияние на них, что и позволяет в ряде случаев отождествлять историю философии и интеллектуальную историю. «Через принятие плюралистического взгляда на отношения между человеческими институтами можно лучше всего понять как непрерывность философии, так и ее изменяющиеся черты» [Ibid. P. 66].

Следующим этапом обсуждения вопросов истории философии и ее предмета можно назвать Симпозиум по философии и историографии Американской философской ассоциации (American Philosophical Association) (1977), на котором М. Мандельбаум более четко сформулировал проблемы, касающиеся методологических вопросов историографии философии [Mandelbaum, 1977]. Во-первых, самая острая проблема, которая стоит перед историком философии, это то, как он определяет область своего исследования, на каких основаниях выделяет тех, кого считать философами. Во-вторых, как историки философии должны понимать отношения между инновациями и продолжающимися традициями, существующими в философской мысли, и что вообще можно считать философской традицией. Наконец, должен ли историк попытаться объяснить различия между основными убеждениями разных философов, и в каких терминах он может это сделать, поскольку обычно философ не раскрывает (подлинной) мотивации своих представлений и их предпосылок [Ibid. P. 562–568].

В 70-е гг. эйфория, связанная с появлением истории идей и интеллектуальной истории, сходит на нет, каждое из этих направлений занимает собственную специфическую историографическую нишу, и уже мало кто считает, что они смогут заменить собой историю философии. Вопрос о том, как писать историю философии, по-прежнему актуален, и Мандельбаум снова безукоризненно точно улавливает интенцию нового витка дискуссий вокруг истории философии. На этот раз он предвосхищает спор между апроприационистами и контекстуалистами, который будет развиваться в последующие десятилетия, а также четко формулирует претензии контекстуалистов, которые те предъявляют сторонникам присваивающего подхода⁴. Мы позволим себе процитировать развернутый пассаж:

[Н]ельзя упускать из виду... того отношения, которое имеет изучение прошлых философов к философским проблемам своего времени. Во многих недавних исследованиях основных философов прошлого внимание было сосредоточено на особых аспектах их работ, которые оказываются наиболее интересными современным философам. Как следствие, эти главные фигуры рассматриваются с точки зрения света,

⁴ О споре см.: [Вольф, 2016].

который они, по-видимому, проливают на текущие философские проблемы. Это, конечно, всегда было одним из способов, которым философы использовали свое прошлое. Но что следует сказать об этой практике, каким бы образом она не обосновывалась, так это то, что она не должна рассматриваться как замена историческому исследованию, и те, кто занимается этим, не должны рассматриваться так, будто они действительно являются историками философии. Это следует из того факта, что если кто-либо обсуждает философа прошлого с точки зрения современных проблем, то он не будет со всей ясностью видеть, что сделало эти проблемы важными для философа в то время; он будет рассматривать его с точки зрения наших проблем, а не в терминах его отношения к конкретной философской традиции, к которой он принадлежал, и влияний, которые в то время заставили его сформулировать свою мысль таким образом, каким он это сделал» [Mandelbaum, 1977. P. 570].

Мандельбаум совершенно четко показал суть противостояния аналитических философов, чей подход к прошлому, как правило, оказывается аисторичным, и они предпочитают присваивать проблемы прошлого, осовременивать их, выключая из свойственного им контекста, и сторонников контекстуалистских или историцистских подходов, которые в угоду сохранения контекста, языка и стиля текста забывают о его философском содержании и о том, почему этот текст все еще должен быть актуальным для современности.

Для объяснения деятельности историографии философии на новом этапе Мандельбаум привлекает концепции внутренней и внешней истории, фактически отражающие интерналистский и экстерналистский подходы, приписываемые И. Лакатосу и Т. Куну соответственно, которые на тот момент широко обсуждались и использовались в истории и философии науки и социологии знания [Ibid. P. 569]. Но речь по-прежнему идет о том, что философией движет не только внутренняя история дисциплины, отношения между взглядами внутри какой-либо традиции, но и внешние факторы – социальные изменения или институциональные сдвиги. И хотя в статье 1977 г. Мандельбаум сменил терминологию и говорит теперь в терминах критической и опытной истории, в терминах не универсальных предпосылок, а первичных вер, его симпатия к истории идей и интеллектуальной истории сохраняется и легко узнаваема, и он все дальше отходит от монистической позиции. Теперь Мандельбаум убежден, что главная за-

дача историка философии заключается в поиске влияний, как это было свойственно истории идей:

Когда историки пренебрегают внешними влияниями, становится не только невозможным понять, в каких отношениях философское предприятие стоит к другим аспектам жизни того времени, но и разнообразие взглядов между различными философами, которые тем не менее принадлежат к одной и той же традиции, останется в значительной степени необъясненным [Mandelbaum, 1977. P. 570].

Эта его мысль подкрепляется теперь уже явным неприятием монизма:

...история философии не состоит из Единой, неразрывной и однородной традиции... [Н]ет и не может быть адекватной, единой, всеобъемлющей истории философии, построенной так, как ее представлял себе Гегель: как единое развивающееся целое... [Ibid. P. 572].

Ответом на положения Мандельбаума стало коллективное заявление ведущих философов Америки последних двух десятилетий XX в. Именно его приверженность интеллектуальной истории и сведение к ней истории философии и подверглись наиболее острой критике со стороны аналитических философов и историков философии – Р. Рорти, Дж. Б. Шнеевинда и Кв. Скиннера, вступивших в дискуссию с Мандельбаумом, правда, спустя почти два десятилетия [Philosophy in History, 1984]. Примечательно, что книга имеет прямое посвящение: «Морису Мандельбауму». Их главный аргумент против – это указание на практически бесконечное расширение предмета интеллектуальной истории. Они очень точно и в слегка ироничном ключе отметили это, открывая свою книгу словами: «Вообразите тысяче-томную работу, которая называется “Интеллектуальная история Европы”...» [Ibid. P. 1]. Дальше мысль можно было не развивать, фраза звучит как анекдот, хлестко и емко, но все-таки, если «История философии Европы» своим предметом допускала бы *только* философию (независимо от того, насколько широко или узко она определяется), то «Интеллектуальная история...» добавила бы туда, помимо философии, экономику, закон, мораль, науку и все что угодно, лишь бы оно имело дело с продуктами человеческого интеллекта. Такую историю написать невозможно, и примечательно, что и сам Мандельбаум отмечал это раньше. Вместе с тем отме-

тим главный посыл критики аналитическими философами «интеллектуальной» истории философии. Он заключается в том, что, если мы хотим сохранить равновесие в историко-философском знании и оценить, какой вклад в собственно философский поиск вносит историческая компонента в истории философии, прежде всего мы должны учесть те аспекты и направления, в которых история философии *должна* обладать философским характером, а не историческим.

В качестве итога отметим, что мало кто из современных историков философии способен так же ясно и четко сформулировать эпистемические основания своей исследовательской позиции и возражения конкурирующим направлениям. Труды Мандельбаума показывают, что методологические основания исследования – это далеко не формальная и избыточная часть историко-философской работы, и без нее историк философии вряд ли до конца осознает, что именно он делает, когда пишет историю своего предмета. К сожалению, на западе фигура Мандельбаума почти забыта, а российскому читателю практически не известна, но именно его имя хотелось бы вынести в основание списка аналитических историков философии.

Список литературы / References

Вольф М. Н. Историография истории философии как модус аналитической истории философии // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 189–201.

Volf M. N. Istoriografiya istorii filosofii kak modus analiticheskoi istorii filosofii [Historiography of the history of philosophy as a modus of the analytic history of philosophy]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, vol. 16, no. 2, p. 189–201. (in Russ.)

Вольф М. Н. Методологические споры вокруг истории философии: контекстуализм или апроприационизм? // Философия и наука: проблемы соотношения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы Междунар. конф. Москва, 7–9 дек. 2016 г. / Отв. ред. Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2016. С. 393–400.

Volf M. N. Metodologicheskie spory vokrug istorii filosofii: kontekstualizm ili apropiatsionizm [Methodological debates about the History of Philosophy: contextualism or appropriationism?]. In: *Filosofiya i nauka: problemy sootneseniya. Aleshkinskie chteniya*, 2016 [Philosophy and science: problems of correlation. Alyoshin's readings, 2016]. Moscow, RSHU Publ., 2016, p. 393–400. (in Russ.)

Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия. Избранные тексты / Сост., вступ. ст., примеч. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 144–159.

Davidson D. Ob idéе kontseptualnoi shemy [On the Very Idea of a Conceptual Scheme]. In: *Analiticheskaya filosofiya. Isbrannyye teksty* [Analytic philosophy. Selected texts]. Moscow, MSU Publ., 1993, p. 144–159. (in Russ.)

Марголис Дж. Первые прагматисты // Американская философия. Введение / Под ред. А. Т. Марсубяна и Дж. Райдера; пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2008. С. 89.

Margolis J. Pervye pragmatisty [The first pragmatists]. In: *Amerikanskaya filosofiya. Vvedenie* [American philosophy. Introduction]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2008, p. 144–159. (in Russ.)

Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Наука, 2001.

Russel B. Problemy filosofii [The Problems of Philosophy]. Novosibirsk, Nauka, 2001. (in Russ.)

Beck L. W., Bowie N. E., Duggan T. Maurice H. Mandelbaum 1908–1987. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1987, vol. 60, no. 5, p. 858–861.

Lloyd Ch. Realism and Stucturism in Historical Theory: A Discussion of the Thought of Maurice Mandelbaum. *History & Theory*, 1989, vol. 28, no. 3, p. 296–325.

Mandelbaum M. Arthur O. Lovejoy and the Theory of Historiography. *Journal of the History of Ideas*, 1948, vol. 9, no. 4 (Arthur O. Lovejoy at Seventy-Five: Reason at Work), p. 412–423.

Mandelbaum M. The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy. *History and Theory*, 1965, vol. 5, no. 5 (The Historiography of the History of Philosophy), p. 33–66.

Mandelbaum M. The History of Philosophy: Some Methodological Issues. *The Journal of Philosophy*, 1977, no. 74 (10), p. 561–572.

Maurice Mandelbaum and American Critical Realism. Ed. by I. F. Versteegen. London, New York, Routledge, 2010, 184 p.

Philosophy in History. Eds. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984.

Материал поступил в редколлегию

Received

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Вольф Марина Николаевна, доктор философских наук, директор Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Marina N. Volf, Doctor of Science (Philosophy), Director, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

rina.volf@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-245-257

Может ли театр страстей Сенеки воспитать добродетельного человека?

А. А. Санжениаков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается педагогическая составляющая драматургии Сенеки. Предлагается решение затруднения, заключающегося в том, что, с одной стороны, в своих философских трактатах Сенека однозначно заявляет о пагубном влиянии страстей на душу человека, с другой стороны, в своих драматических произведениях он изображает сюжеты, перенасыщенные страстями, оборачивающимися убийствами, предательством, изменами и другими преступлениями. Высказывается предположение, что особенность драматических произведений Сенеки не сводится к простой данности традиции, видящей страсть главной движущей силой как древнегреческой, так и древнеримской трагедии. Показано, что Сенека намеренно использует определенные художественные приемы, чтобы достичь педагогического эффекта.

Ключевые слова

античный театр, стоицизм, педагогика, античная трагедия, Сенека

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-36-01006)

Для цитирования

Санжениаков А. А. Может ли театр страстей Сенеки воспитать добродетельного человека? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 245–257. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-245-257

© А. А. Санжениаков, 2019

Can Senecan Theater of Passions Educate a Virtuous Person?

A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the consideration of the pedagogical content of Seneca's tragedy. The article provides a solution for the problem, which is contained in the controversy – on the one hand, Seneca as other Stoics believes that the passions negatively affect the soul of human being, on the other hand, his tragedies portray plots overrun with passions involving murder, perfidy, betrayal and other crimes. The author suggests that this feature of the plot of dramatic works of Seneca cannot be explained by simple respect of the tradition, according to which the passion is the main driving force of both the ancient Greek and ancient Roman tragedies. The author shows that Seneca intentionally uses certain artistic techniques to achieve the pedagogical effect.

Keywords

ancient theater, stoicism, pedagogy, ancient tragedy, Seneca

Acknowledgements

The work is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-36-01006)

For citation

Sanzhenakov A. A. Can Senecan Theater of Passions Educate a Virtuous Person? *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 245–257. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-245-257

Ведь что такое трагедии, как не страсти людей,
дорожащих тем, что относится к внешнему миру?

Эпиктет

Читатель таких произведений Сенеки, как «Медия» и «О гневе» будет обескуражен той разницей в отношении к человеческим страстям, которую демонстрирует автор этих работ. В философском трактате «О гневе» Сенека подробно шаг за шагом доказывает, что гнев не может быть чем-то по-

ложительным, он исключительное зло, всегда приносящее вред и совсем не способное принести какую-либо пользу. Поэтому его, как и другие страсти, следует полностью истребить в своей душе, а программа метриопатии заведомо является проигрышной стратегией. В своих же трагедиях он в гипертрофированной форме представляет все возможные пороки человеческой души, и гнев в особенности. Медея, убивающая своих детей, Федра, клеветущая на пасынка, Геркулес, умерщвляющий свою супругу вместе с детьми, Атрей, убивающий детей своего брата Фиеста – все эти персонажи действуют исключительно согласно своим страстям, проявившимся в самой крайней степени. В связи с этим возникает неминуемый вопрос, каким образом сочетаются философские взгляды Сенеки с его драматургическим творчеством? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратимся сначала к стоической этике и психологии, затем рассмотрим роль страсти в античном театре и, наконец, попытаемся найти ответ на поставленный вопрос, обратившись к философским и драматическим текстам Сенеки.

Этика и психология стоиков о страсти

Стоическая философия в качестве конечной цели видит жизнь согласно природе. Провозглашенная основателем Стои, эта максима была подхвачена и развита его последователями (Клеанфом, Хрисиппом, Панетием, Посидонием), а затем нашла своих приверженцев в римском интеллектуальном обществе (самыми знаменитыми сторонниками и продолжателями были Сенека, Музоний Руф, Гиерокл, Эпиктет, Марк Аврелий). Позволим себе дать изложение этого императива в общих словах, которые охватывали бы как древнегреческое понимание, так и римское. Согласно общестойческой доктрине, мир представляет собой целое, единство которого обеспечивается благодаря божественной силе. Поскольку человек включен в эту целостность в качестве ее части, ему, по мнению стоиков, следует стремиться как можно более соответствовать и уподобляться этому целому¹. Это уподобление возможно только через соответствующее располо-

¹ В «Размышлениях» читаем: «Видал ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отрезанную голову, лежащую где-то в стороне от остального тела? Таким делает себя –

жение души, которое в конечном счете так упорядочивает мысли и действия человека, что они сливаются с божественным логосом и миропорядком. Под соответствующим расположением души понимается максимальное развитие разума, ведущего начала души, как его обозначали стоики. Дело в том, что бог, по мнению стоиков, является разумным существом и организует весь мир согласно разумным принципам, поэтому императив «живи согласно природе» по своей сути соответствует максиме «живи согласно разуму». Природа человека заключает в себе разумное начало, но оно может быть деформировано и в итоге искажения стать средоточием страстей.

В отличие от платонического ² и перипатетического взглядов на устройство человеческой души, предполагающих наличие в ней нескольких противоборствующих способностей, стоические философы придерживались того мнения, что душа человека не дискретна ³, но подчинена одной способности – ведущему началу (τὸ ἡγεμονικόν) ⁴. Сравнивая ведущее начало с пауком, который контролирует каждое движение паутины, стоики на-

в меру собственных сил – тот, кто не желает происходящего и сам же себя отщепляет или творит что-нибудь противное общности. Вот и лежишь ты где-то в стороне от природного единения, ты, который родился как часть его, а теперь сам себя отрубил. Но вот в чем здесь тонкость: можно тебе воссоединиться снова. Этого бог не позволил никакой другой части, чтобы сперва отделиться и отсечься, а потом сойтись. Ты посмотри, как это хорошо он почтил человека: дал ему власть вовсе не порывать с целым, а если порвет, то дал прийти обратно, срастись и снова стать частью целого» (VIII 34) [Марк Аврелий, 1993. С. 5].

² В IV книге «Государства» Платон излагает свое учение о душе и ее частях. По его мнению, в человеческой душе имеется три самостоятельных начала – разумное (λογιστικόν), неразумное (ἄλογιστον), или, иначе говоря, вожделеющее (ἐπιθυμητικόν), и яростное (θυμοειδές). Благодаря первому началу человек способен рассуждать, благодаря второму – влюбляться, испытывать голод, жажду и прочие вожеления, а за счет третьего – гневаться (439 d–441 a) [1994. С. 213–215].

³ Хотя, по стоикам, человеческая душа условно разделяется на восемь частей: ведущее начало, пять чувств, речевая и породительная способности (ФРС I 143), по справедливому замечанию А. А. Столярова, «вернее говорить не о *частях* души в собственном смысле, а о *потоках пнеумы*, исходящих из ведущего начала» [1995. С. 139].

⁴ Поэтому их учение о душе человека можно назвать «психологическим монизмом». См.: [Санжеников, 2013].

стаивали на том, что в душе нет ничего, что бы возникало без контроля данной разумной способности. Если в психологии Платона и Аристотеля аффективное начало имеет в душе самостоятельный статус и продуцирует соответствующие реакции вне зависимости от разума, который может лишь ограничивать аффекты, но не искоренять их полностью, то в стоической психологии аффекты представляют собой искаженные вариации разумного начала. Полагая наличие в душе главенствующей разумной силы, подчиняющей себе все прочее, стоики пришли к выводу, что человек по своей природе существо рациональное, но может перестать быть таковым, что мы можем наблюдать в большинстве случаев. «Они считают также, что аффективная и неразумная часть души не есть нечто отличное от разумной ее части по какому-либо видовому свойству или по природе, – но та самая часть души, которую они называют рассудком и “ведущим”, будучи чем-то всецело обращаемым, переходящим в аффекты и принимающим различные состояния и расположения, становится пороком или добродетелью, а ничего изначально неразумного в ней нет» (ФРС I 202). Иначе говоря, мы по-прежнему имеем дело с разумом, но в поврежденной форме. На физическом уровне это повреждение выражается в том, что пневматическая структура души сокращается или расширяется (по Зенону), что сопровождается на логическом уровне ложными суждениями (по Хрисиппу). Так, ложное утверждение, что «деньги суть благо» приводит к сребролюбия (ФРС III 456).

Прибегая к красноречивой риторике, римские стоики продолжили борьбу древнегреческих предшественников со страстями. В своих «Размышлениях» Марк Аврелий пишет, что «душа, свободная от страстей, есть твердыня, ибо нет у человека более надежного убежища, скрывшись в которое, он не боялся бы погони. Кто не видит этого – невежда, а кто видит и не пользуется этим убежищем – несчастен» (VII 48). Претерпев ряд содержательных изменений в Среднем периоде (Панэтий и Посидоний), стоицизм вступает в римский период с некоторыми платоническими и перипатетическими включениями, что, в частности, выразилось в представлении о порочности как о сформировавшемся навыке. Так, Эпиктет отме-

чает, что от страстей в душе «остаются некие следы и ссадины, и если кто не сведет их хорошенько, то, вновь пораженный бичом по ним же, он уже не ссадины получает, а язвы. Так вот, если ты хочешь не быть гневливым, не давай пищу этому своему устойчивому внутреннему состоянию, не подбрасывай ему ничего способствующего его усилению» [Беседы Эпиктета, 1997. С. 130]. Этот пассаж вполне согласуется с мнением Аристотеля о пороке и добродетели как складах души, приобретаемых посредством упражнения и привычки. Другим существенным изменением было включение в душу иррационального начала – неразумной части, что существенно скорректировало первоначальные монистические установки Стои. Говорить о полной отмене этой установки вряд ли правильно, поскольку, согласно Сенеке, неразумная часть находится «в подчинении у разумной» [1977. С. 212]. В целом учение Сенеки отличается некоторой непоследовательностью, что отразилось на его позиции относительно природы страстей. С одной стороны, он говорит, что в человеке присутствуют злая сила и стремления, связанные с его телом, с другой, полагает, что пороки не врождены нам [Столяров, 1995. С. 298]. Тем не менее нет сомнения, что общестоиическая устремленность на искоренение страстей из души полностью разделялась Сенекой.

Страсти в античном театре

Как сказано в эпилоге к настоящей статье, трагедия есть не что иное, как изложенные стихотворным размером страсти людей, дорожащих тем, что относится к внешнему миру. Очевидно, что стоический мудрец был бы неважным персонажем античной трагедии. Как отмечается в «Поэтике» Аристотеля, наилучшим характером трагедии будет среднестатистический гражданин, поскольку именно ему будут более всего сочувствовать зрители. Однако на первом месте в трагедии должен стоять не набор характеров (*этосов*), а событийная линия («сказание»), в которую вовлечены эти персонажи. При этом те претерпевания («страсти»), которые происходят на сцене (гибель, боль, раны, мучения), вызывают в зрителе страх и состра-

дание, через которые происходит очищение (*катарсис*)⁵. Таким образом, идеальное действующее лицо трагедии, по Аристотелю, это «такой человек, который не отличается ни добродетелью, ни праведностью, и в несчастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки (*hamartia*), быв до этого в великой славе и счастье, как Эдип, Фиест и другие видные мужи из подобных родов» [1983. С. 658–659].

Если Аристотель видит в страхе и сострадании главную эмоциональную составляющую древнегреческой трагедии, то для драматургии Сенеки таковым был гнев, который по силе своей равен любви, что особенно видно в трагедии «Медея». «Ты меру ищешь ненависти? Пусть она / Сравняется с любовью» (397–398), – говорит Медея в трагедии философа-стоика. Хор подтверждает эти слова: «Владеть она не может / Ни гневом, ни любовью, / А ныне слили силы / Гнев и любовь. Что будет?» (866–869). Эмоциональный фон трагедий настолько сильный, что, кажется, Сенека пытается превзойти своих древнегреческих наставников. Если оставить в стороне вопрос соперничества с классиками античной драмы, то остается вопрос о цели создания трагедий, живописующих человеческие страсти и их связи со стоической философией, приверженцем которой был Сенека.

Роль страсти в трагедиях Сенеки

Первая догадка, которая приходит на ум, заключается в том, что страсть в трагедиях Сенеки выполняет воспитательную роль. Будучи антипримерами, персонажи его трагедий показывают, что может произойти с человеком, который отринул разум и позволил неразумной части души восторжествовать над разумной. Однако автор «Нравственных писем к Луцилию» не мог рассматривать трагедию как основной или даже решающий педагогический инструмент. Об этом свидетельствует серьезность, с которой Сенека подходил к воспитательному процессу. В «Нравственных письмах» он не раз наставляет и увещевает Луцилия, чтобы тот был усерден в занятиях,

⁵ Существует отдельная проблема интерпретации катарсической теории Аристотеля (см.: [Санжеников, 2018]).

образовывал себя⁶. В 108-м письме Сенека сравнивает тех учеников философов, которые ходят к ним на уроки лишь для досуга и развлечения, с посетителями театра, которые получают удовольствие от речи и действия на сцене [1977. С. 271]. Ввиду этого некоторые исследователи поддаются соблазну оставить попытки связать философские воззрения Сенеки и его драматические опыты, называя подобные попытки логической ошибкой [Kohn, 2003]. Другие, напротив, считают, что эта связь должна быть хотя бы потому, что эти произведения написал один человек [Schiesaro, 1997]. Марта Нуссбаум приходит к выводу⁷, что стоики рассматривали театр как место по формированию «критического зрителя», который будет наблюдать за событиями на сцене «заинтересованным, но критически беспристрастным» взглядом [Nussbaum, 1993. Р. 137]. Однако подобным зрителем не может быть мудрец (*sapiens*), поскольку он уже достиг добродетели, и неразумный человек (*insipiens*) не подходит на эту роль, так как он не способен относиться к зрелищу беспристрастно. Поэтому единственными возможными кандидатами на эту роль выступают «продвигающиеся» (*proficientes*) – те, кто делает прогресс по направлению к добродетели, поскольку они могут быть вовлечены в трагедию, но при этом делать правильные выводы, опираясь на уже имеющиеся задатки [Schiesaro, 1997. Р. 103]. Вместе с тем положительный эффект от созерцания трагедии граничит и с определенными рисками. Стоики понимали, насколько сильно влияют на душу поэзия, музыка и театральное искусство. Так, Клеанф использовал эту силу более безопасным образом в своем знаменитом «Гимне

⁶ Например, ср: «желание стать добродетельными – полпути к добродетели. Но знаешь, кого я назову добродетельным? Человека совершенного и независимого, которого никакая сила, никакая нужда не испортит. Такого я и прозреваю в тебе, *если ты будешь упорен в своих стараниях* (курсив наш. – А. С.), если будешь поступать так, чтобы между твоими делами и словами не было не только противоречия, но и расхождения, если и то и другое будет одной чеканки» [Сенека, 1977. С. 62].

⁷ Воспитательное содержание «Медеи» Сенеки рассматривается в статье В. К. Пичутиной [2018]. В статье доказывается, что Ясон в трагедии Сенеки демонстрирует истинный канон стоической добродетели, сохраняя себя в неизменном состоянии и демонстрируя последовательность действий.

Зевсу». Под безопасностью здесь понимается то, что стихотворная форма сочеталась с благопристойным содержанием и служила во благо посредством разъяснения и красноречивого изложения философских концепций. Филодем сообщает: «...Клеанф говорит, что лучшими примерами (параδείγματα) являются поэтические и музыкальные, – ибо философское рассуждение хоть и способно в достаточной степени открыть вещи божественные и человеческие, но совсем не имеет собственных выразительных средств для описания божественного величия; а метры, мелодии и ритмы лучше всего достигают истины созерцания божественных вещей» (ФРС I 486).

Воспитание философией и театром

Обратимся к воспитательным компонентам философии Сенеки, чтобы выяснить, каким способам образования он уделял внимание. Иначе говоря, рассмотрим те пути, которые следует использовать при воспитании добродетельного мужа. Затем выясним, есть ли эти моменты в трагедиях, написанных Сенекой. Первый способ воспитания – размышление. «Каждый день размышляй об этом, чтобы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком – за колючие кусты и острые камни» [Сенека, 1977. С. 8]. Эта своего рода когнитивная практика позволяет укрепить мужеством и закалить дух «против того, что может произойти даже с самыми могущественными» [Там же]. Второе условие на пути к добродетели – тщательный отбор окружения. «Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься. Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает... Дальше от народа пусть держится тот, в ком душа еще не окрепла и не стала стойкой в добре: такой легко переходит на сторону большинства» [Там же. С. 12]. Третий путь к добродетели – чтение правильной литературы, к числу которой Сенека, несомненно, относит собственные сочинения: «Как составляют полезные лекарства, так я заносу на листы спасительные наставления, в целительности которых я убедился на собственных ранах: хотя мои язвы не закрылись совсем, но расплзаться вширь перестали. Я указываю другим тот правильный путь, который сам

нашел так поздно, устав от блужданий» [Там же. С. 14]. Четвертое наставление Сенеки – упражнять тело, чтобы оно было надежным союзником души. «Угождайте же телу лишь настолько, насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым и целебным. Держите тело в строгости, чтобы оно не перестало повиноваться душе» [Сенека, 1977. С. 14]. Этих нескольких примеров достаточно, чтобы понять, что сугубо воспитательных моментов зритель трагедии не обнаружит на сцене. Те образы, которые мы видим в «Медее», «Эдипе», «Федре», «Финикиянках», «Геркулес в безумии», «Фиест», вряд ли могли бы служить хорошим примером для юного Луцилия. Какой же тогда педагогический эффект, помимо уже предложенного М. Нуссбаум воспитания «критического зрителя», мы можем усмотреть в трагедиях Сенеки? С нашей точки зрения, один из важных педагогических моментов, например, в «Медее» заключается в том, что даже такая доведенная до крайнего безрассудства женщина, как Медея, находит на одно мгновение силы, чтобы задуматься, все ли она верно делает. «К злодейству худшему / Готовься, дух! Моими, дети, были вы, / Но за отца преступного заплатите. / Ударил в сердце страх, все тело холодом / Сковало, гнев погас в груди трепещущей. / Вернулась мать, прогнав жену безумную. / Моих детей, родных моих ужели же / Я кровь пролью? Уймись, о гнев безумящий! / Гнуснейший грех, злодейство небывалое, / Прочь от меня!» (923–932) [Сенека, 1983. С. 31]. В итоге гнев побеждает смирение, но сам факт борьбы и возможной победы разума говорит о том, что аффективное начало не настолько сильно, чтобы даже в самых предельных своих проявлениях не услышать голоса разума. Этот короткий миг показывает, что в душе всегда есть место разумному началу.

Подводя итоги, напомним, что мы видели своей задачей рассмотрение противоречия между драматическим и философским творчеством Сенеки. Если в своих философских трактатах Сенека нещадно критикует все возможные страсти и пороки души человеческой, то в своих трагедиях он изображает эти недостатки в гипертрофированной форме. Обратившись к стоической психологии, мы выяснили, что для ранних стоиков душа человека представлялась как единое целое, находящееся под руководством

разумного начала, а иррациональные движения в ней существуют не как самостоятельные начала, но как модификации, искажения разума. Сенека несколько изменил это учение, придав аффективному началу самостоятельный статус, но несколько не изменил общешкольной установки стоиков на искоренение страстей из души. Борьба со страстями – трудная задача и поэтому включает долгую и многоаспектную воспитательную работу, куда входят чтение, размышление, самоанализ, ограничение общения, закаливание тела. Поэтому, конечно, чтение трагедий Сенеки никак не могло выступать решающим педагогическим инструментом в деле воспитания добродетельного человека. Вместе с тем, по нашему мнению, одним из важных воспитательных эффектов, который юный воспитанник может испытать здесь – это понимание того, что даже в своем предельном проявлении неразумное начало может услышать голос разумного начала. Вероятно, именно поэтому Сенека отходит от «психологического монизма» ранних стоиков, чтобы дать возможность разумному началу существовать отдельно от неразумного и быть услышанным в любых ситуациях.

Список литературы / References

- Аристотель.** Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.
- Aristotle.** Poetika [Poetics]. In: Aristotle. Sochineniya [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, p. 645–680. (in Russ.)
- Беседы Эпиктета / Пер. и примеч. Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 1997.
- Besedy Epikteta [The Discourses of Epictetus]. Moscow, Lodomir Publ., 1997. (in Russ.)
- Марк Аврелий.** Размышления / Пер. А. К. Гаврилова. СПб.: Наука, 1993.
- Marcus Aurelius.** Razmyshleniya [Meditations]. St. Petersburg, Nauka, 1993. (in Russ.)
- Пичугина В. К.** Ясон в трагедии Сенеки «Медея»: плохой или хороший муж, отец и наставник? // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12, № 1. С. 220–242.

- Pichugina V. K.** Jason in Seneca's Medea: a Bad or a Good Husband, Father and Mentor? *Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2018, vol. 12, no. 1, p. 220–242. (in Russ.)
- Платон.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
- Plato.** *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. (in Russ.)
- Санженаков А. А.** Античный театр в свете понятия «катарсис» // Вестник Томск. гос. ун-та. 2018. № 427. С. 91–95.
- Sanzhenakov A. A.** Ancient Theater in the Light of the Notion of Catharsis. *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 427, p. 91–95. (in Russ.)
- Санженаков А. А.** Психологический монизм стоиков // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 3. С. 126–130.
- Sanzhenakov A. A.** Monistic Psychology of the Stoics. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 3, p. 126–130. (in Russ.)
- Сенека.** Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977.
- Seneca.** *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Letters on Ethics: To Lucilius]. Moscow, Nauka, 1977. (in Russ.)
- Сенека.** Трагедии / Изд. подгот. С. А. Ошеров, Е. Г. Рабинович. М.: Наука, 1983.
- Seneca.** *Tragedii* [Tragedies]. Moscow, Nauka, 1983. (in Russ.)
- Столяров А. А.** Стоя и стоицизм. М.: АО «КамиГруп», 1995.
- Stolyarov A. A.** *Stoya i stoitsizm* [Stoa and Stoicism]. Moscow, Kami Grup Publ., 1995. (in Russ.)
- ФРС – Фрагменты ранних стоиков / Пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. Т. 1: Зенон и его ученики; 2008. Т. 3, ч. 1: Хрисипп из Сол: этические фрагменты.**
- Fragmenty rannikh stoikov** [Excerpts of Early Stoics' Works]. Moscow, 1998, vol. 1; 2008, vol. 3, part. 1. (in Russ.)
- Kohn T. D.** Who Wrote Seneca's Plays? *Classical World*, 2003, no. 96, p. 271–280.

- Nussbaum M. C.** Poetry and the Passions: Two Stoic Views. In: Passions and Perceptions: Studies in Hellenistic Philosophy of Mind. Eds. J. Brunschwig, M. C. Nussbaum. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1993, p. 97–149.
- Schiesaro A.** Passion, Reason and Knowledge in Seneca's Tragedies. In: The Passions in Roman Thought and Literature. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1997, p. 89–111.

Материал поступил в редколлегию

Received

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Санжеников Александр Афанасьевич, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com

УДК 342.2; 316.012; 316.4; 94; 94 (3)
DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-258-270

Порядки европейского Средневековья: механизмы воспроизводства стабильности

Н. С. Розов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Модель коэволюции социального, ментального и функционального порядков применяется для эскизного объяснения относительной стабильности западноевропейского Средневековья (до начала XVI в.). Показано, что стабильность средневековых порядков зиждется на нахождении релевантных обеспечивающих структур для главных предметов заботы правителей и элит: мобилизации военной силы, поддержания достойного уровня своего благосостояния и подчиненности низших эксплуатируемых слоев. Множественные конфликты между императором, королями, князьями, рыцарями, горожанами (мещанами) и крестьянством не подрывали, а укрепляли установленные порядки, поскольку борьба шла за занятие лучших мест в той же социальной структуре.

Ключевые слова

социальный порядок, ментальный порядок, функциональный порядок, коэволюция порядков, Средневековье, социальная стабильность, папство

Для цитирования

Розов Н. С. Порядки европейского Средневековья: механизмы воспроизводства стабильности // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 258–270. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-258-270

© Н. С. Розов, 2019

Orders of European Middle Ages: The Mechanisms of Stability Reproduction

N. S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The model of the coevolution of the social, mental and functional orders is used for a sketchy explanation of the relative stability of the Western European Middle Ages (until the beginning of the 16th century). It is shown that the stability of the medieval order is based on finding the relevant supporting structures for the main objects of concern for rulers and elites: mobilizing military force, maintaining a decent level of their well-being and subordination of the lower exploited strata. Multiple conflicts between the emperor, kings, princes, knights, townspeople (bourgeois) and the peasantry did not undermine, but strengthened the established order, as far as rivals tried to occupy the best places in the same social structure.

Keywords

social order, mental order, functional order, co-evolution of orders, the Middle Ages, social stability, papacy

For citation

Rozov N. S. Orders of European Middle Ages: The Mechanisms of Stability Reproduction. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 258–270. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-258-270

Стабильные порядки европейского Средневековья

Каждая относительная стабильность в обществе предполагает более или менее гармоничное соответствие между *социальным порядком* (типовые взаимодействия, отношения, организации и институты как совокупности правил и ожиданий поведения людей в занимаемых позициях), *ментальным порядком* (типовые габитусы и установки живущих людей, во многом определяющие их поведение, основанные на воспринятых при инкульту-

рации и социализации транслируемых в поколениях образцах) и *функциональным порядком* (динамическая взаимосвязь между предметами заботы – гомеостатическими переменными, активностью обеспечивающих структур, издержками в широком смысле и напряжениями, наносящими ущерб предметам заботы). Модель коэволюции социальных, ментальных и функциональных порядков изложена в работе [Розов, 2018].

В данной статье эта модель опробуется на материале европейского Средневековья, которое характеризуется относительно стабильными порядками до 1520–1540 гг., когда разворачиваются подрывающие эту стабильность процессы Реформации.

Здесь намеренно упускается из виду сложность порядков, связанная со страновым разнообразием, с беспрестанными изменениями, конфликтами, пертурбациями внутри средневековой Европы, с наличием реликтов прежних эпох и ростков нового, с неоднозначностью точек зрения и т. п.

Более того, лежащие в основе средневековых порядков единство веры и церковной организации, единственность Империи и единый принцип феодального патронажа (с обрядами типа оммажа) представляются не столько «объективными характеристиками» обществ, сколько нормативными ментальными стереотипами того времени, идеями о том, «как должно быть», «как правильно». Иными словами, указанные средневековые единства являются не только удобной теоретической моделью для современного исследователя, но также предположительно общими нормативными установками самих средневековых людей, которые при столкновении с нарушениями этих единств воспринимали эти отклонения как порочные – «ценностно незаконные», богопротивные, подлежащие устранению или исправлению, и / или как случайные, временные, незначимые – «онтологически не существующие» [Блок, 2003; Гуревич, 2007].

Единство веры, церкви и Империи

В рамках данного идеального типа единственно правильная вера – только христианство, причем в католическом изводе. Остальные религии

понимались либо как реликты, подлежащие непременно преодолению, христианизации (язычество), либо как странные, ошибочные и даже враждебные религиозные заблуждения, с которыми следует бороться, когда есть силы, или временно смиряться, когда победить их нет возможности (православие, мусульманство). Сила веры, значимость ее в жизни, приверженность молитвам и обрядам могли существенно меняться от страны к стране, от сословия к сословию, но стремление сохранить религиозное единство оставалось доминирующим принципом даже в последующих попытках примирения католичества и протестантизма в 1520–1540-х гг. [Дэвис, 2005].

Единую международную церковную организацию представляло папство с подчиненными кардиналами и епископами, клиром нижних уровней. Опять же вплоть до середины XV в. такие события и процессы, как «Авиньонское пленение», Великий Раскол с враждующими папами и анти-папами, войны с участием пап и против пап, в том числе за захват Папской области, не приводили к сомнениям в самой правомерности церковного верховенства пап.

На большей части Европы не ставилась под сомнение единственность Империи¹, где бы ни находилась ее столица (Рим, Константинополь, Вена). Отсюда и средневековое название «Священная Римская империя», хотя столица ее уже была не в Риме [ван Кревельд, 2006; Тилли, 2009; Коллинз, 2015].

Сеньораж и серваж в основе социального порядка

Нормативному единству Империи соответствовало и определенное единство во властных и социально-экономических отношениях. Завершая свой труд «Феодальное общество», основатель славной исторической шко-

¹ Французский король Франциск I, не сумев возглавить Империю на выборах, в 1519 г. объявил себя «императором в своих владениях». Это заявление не поколебало общего представления о единстве Империи, но стало началом противоборства Французской монархии против нее.

лы «Анналов» Марк Блок перечисляет основные черты европейского феодализма:

зависимость крестьян; за неимением возможности оплачивать труд деньгами, вознаграждение за службу землей, что, по существу, и является феодеом; превосходство сословия воинов-рыцарей; отношения повиновения и покровительства, связывающие человека с человеком в воинском сословии, являясь вассальными отношениями в наиболее чистом виде; провоцирующее беспорядок распыление власти; сосуществование с этими другими социальными структурами в ослабленном виде: государства и родственных отношений (во второй период феодализма государство вновь набирает силу) [2003. С. 434].

Каждый человек должен был быть «чей-то». Это относилось не только к крестьянам, рыцарям, их сюзеренам вплоть до князей, королей и Императора. Высшие церковные чины также считались князьями, нередко имели свои вооруженные силы. Естественным образом их линия сеньоража восходила к Папе, однако Император, а также местные правители, особенно могущественные короли, также требовали от духовных лиц оммажа, хотя и с разным успехом [Там же. С. 343].

Сеньораж обычно включал установление отношений по всем четырем социальным универсалиям – «источникам власти», по М. Веберу и М. Манну: сила, политическая власть, престиж и богатство:

- сеньор (патрон, сюзерен) обязан защищать «своего человека» (клиента, вассала), но тот обязуется поставлять бойцов, оружие, прочие ресурсы патрону, когда тот ведет войну;
- сеньор имеет право приказывать вассалу, а тот обязан подчиняться;
- вассал публично выражает свое почтение сеньору, признавая его верховенство, а сеньор принимает эти знаки уважения и демонстрирует свое благосклонное покровительство;
- сеньор одаривает вассала разными способами и в разном объеме (от кубка до земель и замков), но само благосостояние сеньора во многом складывается из регулярного сбора ресурсов (иногда в денежной форме) со своих вассалов.

Отношения сеньоража, возобновляясь и обновляясь при смене поколений, образовывали сословия со своими внутренними иерархиями, а также

относительно устойчивые *патримонии*, опять же объединявшие силовые, политические, престижные и экономические аспекты могущества.

Серваж как аналог крепостной зависимости крестьян от землевладельцев первоначально относился к рабам (преимущественно пленным и их потомкам).

Иметь покровителя-сеньора не казалось в те времена ущемлением свободы. Кто же его не имел? Но по понятиям того времени, свобода кончалась там, где не существовало возможности выбирать, поскольку хотя бы один раз в жизни человек мог совершить свой выбор. Другими словами, любая связь, переходящая по наследству, воспринималась как признак рабства. Неразрывная связь, на которую ребенок был обречен еще «в животе матери», и была самой главной тяготой традиционного рабства. Почти физическое ощущение этой несвободы содержится в выражении «слуга плотью и кровью», которое в народном языке появилось как синоним раба [Блок, 2003. С. 255].

Церковь и Империя как средства легитимации господства

Нетривиальной задачей является соотнесение центральных институтов такого рода с функциональным порядком.

Когда церковная организация (в нашем случае – католическая церковь во главе с Папой) уже давно учреждена и институционально устоялась, то ее сохранение и укрепление естественным образом является предметом заботы (гомеостатической переменной) как для церковного руководства и клира, так и влиятельных, солидарных и сотрудничающих с церковью сословий (в Средние века – это, прежде всего, аристократы-землевладельцы, от королей и князей до рыцарей).

Но всегда ли так было? В общей теоретической перспективе институты и воплощающие их организации (армии, школы, университеты, библиотеки, бюрократические ведомства, банки, биржи, цеха, фабрики, фирмы) складываются и строятся в качестве обеспечивающих структур для соответствующих предметов заботы и стратегий: обороняться и завоевывать, учить, хранить книги, управлять государством, кредитовать и инвестировать, продавать, производить и т. д.

С этой точки зрения централизованная церковная иерархия с папством во главе, ведущим преемственность от апостола Петра, складывалась как обеспечивающая структура для легитимации духовного управления паствой, т. е. всем тогдашним населением *Pax Christiana*. Вполне аналогично институт Империи и Императора, ведущий (или претендующий на) преемственность от Римской империи, был нужен в качестве легитиматора королей и князей, т. е. для подтверждения их права на политическое (светское, мирское) господство.

Опять же вполне закономерным процессом является «сдвиг цели на средство», что в макросоциальных процессах предстает как «превращение обеспечивающей структуры в самостоятельный предмет заботы». Сохранение и укрепление папства и Империи становятся не только важнейшей целью для лиц, занявших верховные позиции, и их ближайшего окружения, но также заботой об этих символических святынях для представителей нижележащих этажей церковной и феодальной иерархии. Институт присяги на верность и ритуал оммажа, практики церковного управления, военно-политической мобилизации вассалов, индоктринации в храмах и учебных заведениях служили уже обеспечивающими структурами для укрепления соответствующих верховных властей как новых предметов заботы.

Любопытно, что в обеих структурах оставалась двойственность, что выражалось в выборности кардиналами нового папы и выборах курфюрстами нового императора [Коллинз, 2015].

Средневековые сословия: господствующий союз насилия и религии

В ученых самоописаниях средневекового общества наиболее популярным было разделение на три «разряда», «сословия» (*ordines*): *молящиеся* (священники, монахи), *сражающиеся* (аристократия от рыцарей до князей, королей и Императора) и *трудящиеся* (крестьяне).

Почему же столь большую значимость имели первые два: молящиеся и сражающиеся? Почти полное отождествление аристократии с воинами означает огромную роль насилия и слабый контроль над насилием.

Опасность угрожала каждый день и угрожала каждому. Она грозила имуществу, грозила жизни. Этой опасностью были войны, убийства, злоупотребление силой [Блок, 2003. С. 402–403].

Каждый член благородного сословия либо воевал, либо готовился к войне, либо грабил, либо оборонялся от грабежей, а нередко все вместе. В недолгие мирные периоды главными развлечениями аристократии были рыцарские поединки или охота, т. е. занятия, опять же связанные с насилием и оружием. Слава, престиж, столь значимые для благородного сословия, достигались в первую очередь подвигами на поле битвы. Кроме того, само благосостояние аристократии было основано в конечном счете на насилии, угрозе насилия или пользовании плодами прошлого насилия [Блок, 2003. С. 403; Мак-Нил, 2008].

Доминирование духовенства в ту эпоху обычно кажется естественным из-за пресловутой особой религиозности средневекового человека, которая будто бы не нуждается в объяснении. Заметим отсутствие свидетельств о какой-то особо истовой или массовой религиозности рыцарей и их сеньоров. Разумеется, все они были верующими христианами, но реальные их заботы касались не столько благочестия, праведности и спасения души, сколько вполне земных реалий, связанных с войной, могуществом, престижем, династическими и брачными интригами, строительством замков, светскими развлечениями. Обвинения аристократии в «забвении Бога» и жадности до земных благ – постоянная тема тогдашних церковных проповедей и нравоучительных книг [Гуревич, 2007. С. 422].

В проповедях четко сказано, что беднякам уготовано «вечное царство» после смерти. *Тяжелый принудительный труд, бедность, притеснения лучше всего сочетаются с надеждами на загробное благоденствие.* Священники здесь выполняли важнейшую функцию утешения, а также крайне важную для аристократии задачу контроля над сознанием простого люда. По этой причине союз землевладельцев и духовенства был настолько

прочным, что пережил Реформацию и последующие потрясения, сохранившись в сельских окраинах Европы и по сию пору.

Тесный союз между первыми двумя сословиями был обусловлен также прямой взаимной заинтересованностью, взаимными услугами, что коротко можно обозначить как *обмен легитимности на защиту и дары*.

Успех аристократа-сеньора зависит от количества, значимости и верности его вассалов. Но почему они должны его выбрать сюзереном, а не другого? Разумеется, семейная традиция, родовитость, военный и политический престиж, богатство оставались важными факторами, однако признание достоинств каждого сеньора со стороны церкви, в руках которой оставались важнейшие ритуалы жизненного цикла (крещение, конфирмация, заключение браков, похороны) никак нельзя преуменьшать. В ответ благородные воины, вельможи, князья и короли одаривали церковных иерархов и монастыри землями, защищали их имущество. Связь укреплялась обычной практикой того времени: младших сыновей, которым не досталось наследства, определяли для духовной карьеры, где они получали достойный образ жизни и поддерживали взаимовыгодные отношения со своими семьями и кланами.

В терминах функционального порядка такой тесный симбиоз представляет собой двойную структуру: главные *предметы заботы* одного сословия (социальный статус, оправданность власти для аристократии, безопасность, сохранность имущества и благосостояние для клира) получают *обеспечение от структур и практик* вступившего с ним в социальный симбиоз другого сословия (легитимирующие ритуалы, утверждающие причастность знати христианским святыням со стороны духовенства, утверждение порядка церковных податей, предоставление монастырям военно-политической защиты и земельных владений со стороны знати).

Согласно рассматриваемой модели, для социальной стабильности наряду с гармоничным устройством социального и функционального порядков также требуется, чтобы участники взаимодействия – живые индивиды и группы – имели ментальности (комплексы габитусов и установок), позволяющие им без особых трений и напряжений включаться в эти порядки.

Здесь особый интерес вызывает обеспечение подчиненности и послушания третьего сословия – простолюдинов.

Ментальный порядок: покорность сословному предназначению

Установки, управляющие сознанием и поведением средневекового человека, могут быть реконструированы из текстов проповедей и богоугодных книг с поправкой на их нормативный, моралистический характер.

Пастве, прежде всего, внушалось представление о временном, сугубо подготовительном характере земной жизни, за срок которой следует безропотно выполнять свое предназначение, готовить душу к спасению и вечному блаженству.

«Философская антропология» проповедников может быть резюмирована «примером» о короле, вопрошавшем некоего мудреца. Он задал ему пять вопросов. Первый: «Кто человек?» Ответ: «Слуга смерти, гость, путник, прохожий». Второй вопрос: «Кому подобен человек?» – «Снегу, который немедленно тает при малейшем тепле». Третий вопрос: «Каков образ существования человека?» – «Свеча на ветру, гаснущая быстро, подобно искре, пена, поглощаемая морем». Четвертый вопрос: «Где человек?» – «Во всякого рода борении: внутри него идет война из-за сокрушений совести, вокруг него идет борьба из-за вещей, которых он жаждет». Пятый вопрос: «Каковы товарищи человека?» – «Их семеро: голод, жажда, жара, холод, усталость, болезнь и смерть» [Гуревич, 2007. С. 417].

Сомнительно, чтобы аристократия глубоко проникалась такими проповедями, скорее, поддерживала их с важным видом (традиционно в сельских церквях по бокам от амвона располагались богатые ложи для местной знати).

Не то чтобы и подневольные крестьяне (сервы) во всем верили пастырям и вели богоугодную жизнь. За грубость нравов, распутство, неуплату податей (особенно церковной десятины) проповедники не уставали укорять крестьян. Нередкие бунты, крестьянские войны не свидетельствовали о полной покорности. Однако сам сохраняющийся и восстанавливающийся после волнений социальный порядок, сугубо религиозные идеи и мотивы

вы восстаний (включая последующую Реформацию) говорят о том, что средневековое сознание, по крайней мере, низших и средних страт, действительно было пронизано верой, надеждами на вечную жизнь после смерти и признанием необходимости выполнять свое предназначение («должность»).

Надежда на спасение лучше всего проникает в сердце, пораженное страхом неизбежного возмездия за грехи после смерти. Можно только позавидовать риторической мощи и остроумию проповедников в том, чтобы убедить паству в поджидающих кругом кознях дьявола.

Жак де Витри пишет, что дьявол породил от своей жены – грязнейшей и похотливейшей особы – девять дочерей и выдал их за разные классы людей: симонию – за прелатов и клириков; лицемерие – за монахов и лжемонахов; грабеж – за рыцарей; ростовщичество – за горожан; мошенничество – за купцов; святотатство – за крестьян, не платящих десятину; нечестную службу – за работников; богатство и излишество в одежде – за женщин. Девятая же дочь дьявола, похоть, замуж ни за кого не вышла, но отдается всем как подлая проститутка [...] Проповедник не щадит никого, ибо все классы и разряды общества сверху донизу совращены дьяволом и его дочерьми [Гуревич, 2007. С. 426].

Единство веры и церкви обуславливали почти полное подчинение сознания и поведения верующих церковным предписаниям и духовному управлению пастырей. Это означает не отсутствие непослушания, отклонений, а почти общую их квалификацию как «греховности» и «ереси» с соответствующими достаточно суровыми санкциями.

Итак, подкреплено общее положение модели коэволюции порядков: при надежной нейтрализации напряжений и угроз благодаря консолидации элит и эффективном контроле за сознанием и поведением низших слоев и классов приемлемое для влиятельных групп состояние предметов заботы восстанавливается даже после острых конфликтов и войн [Розов, 2018]. Как известно, единство *Pax Christiana* и стабильность европейского общества потерпели крушение в результате Реформации и религиозных войн XVI–XVII вв. Пока трудно сказать, достаточно ли гибкая и понятийно богатая модель коэволюции порядков для объяснения данных процессов. Но это уже предмет самостоятельного исследования.

Список литературы / References

- Блок М.** Феодалное общество / Пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
- Block M.** Feodalnoe obschestvo [Feudal Society]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 2003. (in Russ.)
- Гуревич А. Я.** Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 544 с.
- Gurevich A. Ya.** Izbrannye trudy. Kultura srednevekovoi Evropy [Selected Works. Culture of Medieval Europe]. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Publ., 2007. (in Russ.)
- Дэвис Н.** История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- Davis N.** Istoriya Evropy [A History of Europe]. Moscow, AST: Transit, 2005. (in Russ.)
- Коллинз Р.** Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Collins R.** Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti [Macro-history: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS Publ., 2015. (in Russ.)
- Кревельд М. ван.** Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Creveld M. van.** Rascvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]. Moscow, IRISSEN Publ., 2006. (in Russ.)
- Мак-Нил У.** В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008.
- McNeil W.** V pogone za mosch'yu. Tehnologiya, vooruzhennaya sila i obschestvo v XI–XX vekah [The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces, and Society in the 11–20 centuries]. Moscow, Territoriya budushego Publ., 2008. (in Russ.)
- Розов Н. С.** Козволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 12–22.
- Rozov N. S.** Koevolutsiya treh poryadkov – ob'yasnenie dinamiki rossii-skih tsiklov [The Co-evolution of Three Orders: The Explanation of the

Russian cyclical dynamics]. *Sociological Studies*, 2018, no. 9, p. 12–22. (in Russ.)

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.

Tilly Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva, 990–1992 gg. [Coercion, Capital and European States, 990–1992]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2009. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); профессор Новосибирского государственного технического университета (пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия)

Nikolai S. Rozov, Doctor of Science (Philosophy), Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Head of Department, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Professor of Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave, Novosibirsk, 630073, Russian Federation)

nrozov@nsu.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-271-284

Гёте и Гегель: целостность мыслителя и системность философа

П. А. Горохов¹, Е. Р. Южанинова²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал в г. Оренбурге)
Оренбург, Россия*

² *Оренбургский государственный университет
Оренбург, Россия*

Аннотация

Рассмотрены основные элементы воздействия творчества Гёте на философские построения Гегеля и влияние гегелевской системы на целостное мировоззрение Гёте. Генетически происходившие из одного временного и социокультурного потока воззрения Гёте и Гегеля на историю, природу, свободный человеческий дух и на саму философию как базис продуктивной человеческой культуры во многом совпадали. Взаимоотношения Гёте и Гегеля позволяют разграничить понятия «философ» и «мыслитель»: у так называемого «профессионального» философа наблюдается стремление к системности, а у мыслителя системность перерастает в целостность.

Ключевые слова

Гёте, Гегель, история философии, философское мировоззрение, системность, целостность, противоречие, диалектика

Для цитирования

Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Гёте и Гегель: целостность мыслителя и системность философа // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 271–284. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-271-284

© П. А. Горохов, Е. Р. Южанинова, 2019

Goethe and Hegel: The Thinker's Integrity and the Philosopher's Systematicity

P. A. Gorokhov¹, E. R. Yuzhaninova²

¹ Russian Academy of National Economy and Public Administration
Orenburg, Russian Federation

² Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Abstract

The article discusses the main elements of Goethe's spiritual influence on Hegel's philosophical constructions and the influence of the Hegelian system on Goethe's whole worldview. The views of Goethe and Hegel on history, nature, free human spirit and philosophy itself, as the basis of productive human culture, largely coincided genetically from a single temporal and sociocultural flow. The relations between Goethe and Hegel make it possible to distinguish between the notions of "philosopher" and "thinker": the so-called "professional" philosopher has a tendency towards systematicity, and with a thinker the systematism develops into integrity.

Keywords

Goethe, Hegel, history of philosophy, a philosophical world view, systematicity, integrity, contradiction, dialectics

For citation

Gorokhov P. A., Yuzhaninova E. R. Goethe and Hegel: The Thinker's Integrity and the Philosopher's Systematicity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 271–284. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-271-284

К проблеме генетического родства философских мировоззрений великого систематика Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) и универсального гения Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832) в отечественной историко-философской литературе обращались не часто. Заслуживают упоминания работы К. А. Свасьяна [2001] и А. В. Гулыги [1970; 2001]. Ранее к некоторым аспектам проблемы неоднократно обращался один из авторов предлагаемой работы [Горохов, 2002; 2003а; 2003б]. На наш взгляд, самой содержательной стала книга Г. Н. Волкова «Сова Минервы» [1973], посвященная изучению стилей мышления Гёте и Гегеля. В ней рассматривается

поиск этими мыслителями диалектического метода постижения действительности.

Гегель недаром с некоторой долей иронии говорил, что великий человек осуждает людей на то, чтобы они его объясняли. Обращение к наследию великих мыслителей прошлого оправдано тем, что в их трудах можно найти ответы на многие актуальные вопросы современности. Объектом настоящего исследования выступает наследие Гёте и Гегеля, предметом – их философские воззрения. Цель этой работы реализуется решением двух взаимосвязанных задач: 1) рассмотреть основные элементы воздействия творчества Гёте на философские построения Гегеля и 2) оценить влияние гегелевской системы на целостное философское мировоззрение Гёте.

Становление самосознания германской нации, не представлявшей собой единства в политическом отношении во времена Гёте и Гегеля, происходило через культуру, в том числе через философию. Политикой немцы, в отличие от французов, интересовались мало. Поэтому Гегель иронизировал:

У нас гуляют всякого рода беспокойные мысли – в голове и на голове; однако при этом немецкая голова чаще всего оставляет спокойно ночной колпак на себе и оперирует лишь в своих пределах [2001. С. 477].

Дотошные историки выяснили, что между Гёте и Гегелем существует отдаленное кровное родство: некто Иоганн Лаук, бургомистр Франкенберга, который жил в XVI в., являлся их общим предком. Ни Гегель, ни Гёте и не подозревали об этом.

К философии как таковой Гёте и Гегель относились по-разному. Для Гегеля философия была не только «мыслящим рассмотрением предметов», «познанием посредством понятий» [Гегель, 1929. С. 18], но и самосознанием эпохи, систематически выраженным мышлением. В «Философии права» он дает знаменитую формулу: «Философия есть... *современная ей эпоха, постигнутая в мышлении*» [Гегель, 1934. С. 14]. Напротив, Гёте в статье «Влияние новой философии», напечатанной им в 1820 г., писал:

Для философии в собственном смысле у меня не было органа; только постоянное противодействие, которое я вынужден был оказывать, чтобы выдерживать натиск внешнего мира и усваивать его, должно было привести меня к методу, посред-

ством которого я старался понять мнения философов, как будто это были тоже предметы, и с помощью их усовершенствоваться [1957. С. 377].

Отметим, что выдающиеся немецкие философы, начиная с Канта, отказались от популяризации философии. Гегель так пишет об этом:

Вплоть до появления кантовской философии публика еще шла в ногу с философией; до появления кантовского философского учения философия возбуждала к себе всеобщий интерес. Она была доступна, и ее желали знать; знание ее входило вообще в представление об образованном человеке. Ею поэтому занимались практики, государственные люди. Теперь, когда выступил путанный идеализм кантовской философии, у них опускаются крылья. Таким образом, уже с выступлением Канта положено было начало этому отделению от обычного способа сознания [2001. С. 534–535].

Видимо, Гегель не был против того, что философия в немецких землях стала занятием для «профессионалов». Одновременно, он осознает, что такая университетская философия во многом обречена на неуспех. Поэтому Гегель не без иронии отмечает, что Фихте не удалось «принудить читателя к пониманию», несмотря на все его героические попытки. Все это видел и понимал Гёте. К немецкой философии, которую олицетворяли Кант и Фихте, Шеллинг и Гегель, поэт и мыслитель относился с некоторой долей недоверия, как и в целом к отвлеченному мышлению. Поэтому во второй части «Фауста» Мефистофель, поучая Гомункула, иронизирует:

Где призраки, свой человек философ.
Он покоряет глубиной вопросов,
Он все громит, но после всех разносов
Заводит новых предрассудков тьму
[Гёте, 1976. С. 293–294].

Если Гегель постулировал, что «философствование без системы не может иметь в себе ничего научного» [Гегель, 1929. С. 32], то для Гёте философия выступала творением свободного человеческого духа, который трудно загнать в прокрустово ложе отвлеченных схем. Жизнь богаче и сложнее самой совершенной философской системы. Мыслитель говорил своему секретарю Эккерману:

Немцам... изрядно мешает спекулятивная философия. Она делает их стиль отвлеченным, нереальным, расплывчатым и неопределенным. Чем теснее их связь

с той или иной философской школой, – тем хуже они пишут [Эккерман, 1986. С. 120].

И еще одно колкое, но меткое замечание:

Что должны подумать англичане и французы о языке наших философов, если мы, немцы, его не понимаем [Эккерман, 1986. С. 498].

Значительное влияние Гёте на Гегеля порой преуменьшается или гипертрофируется некоторыми исследователями. Например, Г. Глокнер пишет:

Весь интуитивный и созерцательный опыт Гёте требовал методической формы; эта форма наличествовала у Гегеля. Но, напротив, и чрезмерность специфически логического формализма, которой характеризовалась гегелевская диалектика, нейтрализовалась благодаря соприкосновению с Гёте [Glockner, 1929. S. XX].

Особую благотворность воздействия Гёте на Гегеля этот ученый связывает с отсутствием в диалектике Гёте понятия «противоречие». На наш взгляд, это преувеличение. Представления о противоречии имплицитно присутствуют в гётевском понимании исторического процесса. Ведь и Гёте, и Гегель были современниками судьбоносных для всего человечества исторических событий. Поэтому центр тяжести их историософских представлений сосредоточивался в живой середине исторического мирового процесса, в противоречивой непосредственной современности. Гётевское понимание противоречивости исторического процесса повлияло на Ф. В. Й. Шеллинга, который в своих мюнхенских лекциях «Система мировых эпох» (1827–1828) переосмыслил гегелевское понимание противоречия в том плане, что противоположности не должны растворяться в некоем абстрактном единстве, а должны иметь носителя, дабы вообще существовать в качестве противоречия.

Э. Блох в «Тюбингенском введении в философию» делится мыслями о связи «Фауста» и «Феноменологии духа»:

...есть только одно философское произведение, которое с самого начала, с настоящего введения мотива путешествия по миру эквивалентно «Фаусту»: гегелевская «Феноменология духа». Оба произведения разными способами освещают материал древнего предания. Остается только удивляться, что эта близость зачастую остается незамеченной. {...} происходящее в «Фаусте» и «Феноменологии», невзирая на возраст, имеет вещественные связи в едином основании, как в плане построения произведения, так и в плане определенного содержания [Блох, 1997. С. 99].

Действительно, страстные поиски смысла жизни и высшей истины, ведомые Фаустом, во многом схожи с блужданиями мирового духа, выступающего главным героем первого крупного философского труда Гегеля «Феноменология духа» (1806). Мировой дух прокладывает путь к истине. Гегель стремился показать сознание человека и человечества в историческом развитии. Сам по себе этот замысел грандиозен, но тяжелый язык и запутанность мысли во многом путают читателя нашего времени. Гегель, когда хотел, мог писать ясно и даже красиво (вспомним хотя бы его «Лекции по истории философии»), но многие параграфы «Энциклопедии философских наук» или «Философии права» можно понять лишь после разъяснений и комментариев самого автора.

Отметим, что труд «Феноменология духа», публикация которого прославила Гегеля, вышел в свет практически одновременно с философским романом Гёте «Избирательное сродство» (1809). В этом романе мыслитель и писатель размышляет о свободном выборе, лежащем в основе человеческих взаимоотношений, о соотношении природного и социального. Гёте прощается с обособленной вселенной поэтического творчества, которое было ориентировано исключительно на традиции классического стиля, и обращается к философии естествознания, прежде всего к химии, законы которой порой могут определять судьбу человека и народов. А. В. Михайлов пишет по этому поводу:

Одновременность двух шедевров – свидетельство тех устремлений, которым придавали ясность формы немецкие классические писатели, показатель сложнейших диалектических процессов, происходивших в литературе... [1997. С. 295].

В «Энциклопедии философских наук» Гегель в параграфе 140, рассуждая о внешнем и внутреннем, в примечаниях вспоминает Гёте и его полемику с ботаником Альбрехтом фон Галлером-младшим (1758–1823). Он пишет:

Обычная ошибка рефлексии состоит в том, что она рассматривает *сущность* как нечто только *внутреннее*. Если сущность берут только с этой стороны, то этот способ рассмотрения ее также совершенно *внешен*, и так понимаемая сущность есть пустая внешняя абстракция. «Природы *внутреннюю* суть – говорит один поэт, – познать бессилён ум людской; Он счастлив, если видит путь к знакомству с внешней скорлупой». Поэт скорее должен был бы сказать, что тогда именно, когда сущность

природы определяется для него как *внутреннее*, он знает лишь *внешнюю* скорлупу [Гегель, 1929. С. 233].

Здесь Гегель следует по тому пути, который уже проложил Гёте. Например, философ пишет:

Как при рассмотрении природы, так и при рассмотрении духовного мира, очень важно надлежащим образом понять характер отношения внутреннего и внешнего и остерегаться ошибки, будто лишь первое есть существенное, что только оно, собственно говоря, имеет значение, а последнее, напротив, есть несущественное и безразличное. Эту ошибку мы встречаем прежде всего там, где, как это часто случается, различие между природой и духом сводят к абстрактному различию между внешним и внутренним [Гегель, 1929. С. 234].

Гегель и Шеллинг искали такие формулы синтеза, в которых природа раскрывалась бы как бессознательный дух, а дух – как сознательная природа. Гёте также не был чужд этому слиянию духа и природы, о чем свидетельствует хотя бы его стихотворение-манифест «Природа» (1782), написанное в прозе.

Гегель принял учение Гёте о цвете и включил размышления о нем в свой труд «Философия природы», в первую часть «Энциклопедии философских наук». Особенно привлекли Гегеля мысли Гёте о противопоставлении света и тьмы. Одно письмо Гегеля, касающееся учения о цвете, Гёте даже напечатал в качестве добавления к своему труду и написал следующее:

...мне приятно, что профессор Гегель согласен со мной. Для меня важно было увидеть и осознать, как философ на свой лад знакомится с тем, что излагалось мною по моему методу, и соответственно с этим ведет себя. Тем самым мне было позволено рассмотреть таинственно ясный свет как высшую энергию, вечную, единую и неделимую [Goethes Sämtliche Werke, 1970. S. 305].

Физик и врач Герман Гельмгольц (1821–1894) полагал, что описания опытов Гёте, опровергнувшего оптику Ньютона, следует воспринимать не как физические объяснения, а как образно-чувственное представление о происходящем:

Гёте в своих естественнонаучных работах стремится не покидать область чувственного созерцания, а всякое физическое объяснение... должно стать плодом постигающего рассудка [Helmholtz, 1867. S. 305].

Гельмгольц считал, что Гегель, как и Гёте, в явлениях природы стремился видеть выражение определенных идей или определенных ступеней диалектически развивающегося мышления.

Неслучайно Г. Хамм, написавший содержательную монографию о философских взглядах великого поэта, отмечает: «Гёте осуществляет способ мышления объективного идеализма» [Hamm, 1975. S. 18]. На наш взгляд, этот вывод, как и суждение А. В. Гулыги о том, что Гёте был материалистически ориентированным натуралистом [2001], является попыткой наклеить на мыслителя очередной ярлык, но в философских воззрениях Гёте и Гегеля, действительно, можно найти много общего – прежде всего, в понимании природы и свободного человеческого духа.

Но схожесть философских воззрений Гёте и Гегеля порождала одновременно и существенные различия в них. Считавший продуктивность природы и человеческого духа главной основой бытия [Горохов, 2003б. С. 89–91], Гёте отрицал чрезмерный логицизм и абстрактность философии Гегеля. Бытие у великого философа выступает как абстракция непосредственного, а не конкретность вещи. Гегель говорит о бытии как философской категории, а Гёте – о живой природе и ее существовании. П. А. Горохов отмечает:

У Гёте на место понятия «бытие» приходит сама природа, а природа для него – Земля, небо, лес, поле. Гёте были чужды рассуждения Гегеля о явлении вообще, о действительности в целом, то есть все то, что в гегелевском понимании действительности было предопределено Кантом и его наследием [Там же. С. 237].

Интересно исследование Г. Шмитца о мировоззрении зрелого Гёте, в котором он затронул проблему близости и различия в понимании сущности и явления Гёте и Гегелем. Для Гегеля сущность является чем-то логическим, а для Гёте – это форма, облик, эйдос [Smitz, 1959. S. 68–69].

Плодотворное общение Гёте с Гегелем явилось интереснейшим событием в истории немецкой философии и литературы. Гёте встречался с Гегелем, беседовал с ним и время от времени обменивался письмами. Однако, не стремясь к созданию системной философии, душащей тесными рамками живую природу, говорил: «Я не хочу углубляться в философию Гегеля, хотя сам Гегель мне приятен» [Goethe, 1950. S. 60].

Гегель написал Гёте в первый раз в 1803 г. Гёте во многих ключевых аспектах был сторонником философии Спинозы. Он полагал, что теория только тогда может быть плодотворной, если она согласуется с практикой. Поэтому Гёте отрицательно оценивал диалектику Гегеля, полагая, что она «запутывает» ясный ум. Гёте считал, что исходным пунктом проверки состоятельности любой философской доктрины должно быть не отвлеченное теоретизирование, а практическая пригодность этой доктрины.

Гёте был уверен, что диалектический метод Гегеля часто применяется для доказательства неверного, ложного, и что единственно верным критерием являются природа и практика. Весьма интересен в этом отношении разговор, записанный Эккерманом, происходивший в октябре 1827 г., когда Гегель гостил у Гёте. Эккерман пишет 18 октября 1827 г.:

Здесь Гегель... Заговорили о сущности диалектики. В сущности, диалектика, – сказал Гегель, – ничто иное, как упорядоченный и методически развитый дух противоречия, врожденный всякому человеку; этот дар обнаруживается великим образом в различении правильного от ложного. – Да, – сказал Гёте, – если бы только таким умственным искусством и умелостью не злоупотребляли столь часто и не прилагали к тому, чтоб ложное представлять правдивым, и правдивое ложным. – Это, конечно, случается, – возразил Гегель, – но только у умственно-больных людей. – Я стою, – сказал Гёте, – за изучение природы, не допускающее такой болезни! При этом мы имеем дело с бесконечной и вечной правдой, и всякий, кто не вполне чисто и честно производит наблюдения и делает из них заключения, выбрасывается вон, как негодный. И я уверен, что многие диалектические болезни могли бы получить благотворное целение в изучении природы» [1986. С. 487].

М. Бур и Г. Иррлиц пишут:

Можно сказать, что в мировоззрении и поэтическом творчестве Гёте, прежде всего в той части, где речь идет о реализации субъективности в общественной действительности, в поэтической форме выражены все аспекты философского изложения проблемы, которую Гегель проводит как идею реализации разума [1978. С. 252].

Но Гёте не был сторонником того культа разума, которому Гегель в «Философии права» воздвигнул памятник своей знаменитой формулой «Все разумное – действительно, все действительное – разумно». У Гёте есть прекрасные слова, которые можно считать своеобразным возражением формуле Гегеля: «Не все сущее делится на разум без остатка» [1957. С. 395]. Безудержное восхваление разумности жестокого и несправедливого мира может привести к концу цивилизации. Наверное, об этом размышлял Аль-

берт Швейцер, когда написал о формуле Гегеля так: «В ночь на 25 июня 1820 года, когда эта фраза была написана, началась наша эпоха, которая привела к мировой войне и однажды закончится гибелью культуры» (цит. по: [Seaver, 1955. P. 360]).

«Фауст» считается главным философским творением Гёте. Когда вышел «Фрагмент» из «Фауста», Гегелю было двадцать лет. Первую часть, вышедшую в 1808 г., Гегель называл «абсолютной философской трагедией» [1971. С. 602–603]. Гегель при создании собственной философской системы использовал некоторые идеи Гёте, высказанные уже в «Фрагменте». В «Феноменологии духа» Гегель, хотя и не упоминал творения Гёте, однако выделял из него волновавшую его проблему соотношения сознания и действительности, проблему перехода от мышления к действию.

Гёте в «Фаусте» пришел к убеждению, что Добро и Зло являются абсолютно равными, но противоположными друг другу силами. Гегель считал, что зло необходимо в мире именно потому, что оно побуждает добро активно бороться против него, а тем самым конституироваться и противостоять ему. Гегель видит в самом дьяволе энергию, последовательность и силу характера [1977. С. 256, 259]. Зло, порожденное падшим ангелом, несет в себе не только разрушительное, но в какой-то мере и созидательное начало. Как и Гегель, Гёте утверждает, что развития без борьбы противоположностей не существует. Недаром Мефистофель говорит лемурам об ангелах, сравнивая их с «переодетыми» чертями: «Es sind auch Teufel, doch verklappt».

Фигура Фауста для Гегеля воплощает самосознание, которое еще не соприкасается с действительностью, но стремится к ней. «Самосознание», т. е. Фауст, «оставляет позади себя закон нравов и наличного бытия, знания, полученные от наблюдения, и теорию, как серую, тотчас же исчезающую тень... Итак, оно погружается в жизнь и осуществляет чистую индивидуальность, в которой оно выступает» [Гегель, 1959. С. 193]. Судьбу Фауста Гегель понимал как воплощение одной из стадий духовного развития человека.

В последние месяцы жизни Гёте перечитывал некоторые работы философа. Композитору Цельтеру 13 августа 1831 г. он писал:

Природа ничего не делает просто так, но она творит в своей вечной жизни, изобилии и щедрости, чтобы в каждый момент времени на земле присутствовало бесконечное, ибо ничто не может оставаться неизменным навсегда. В этом я, как мне кажется, приближаюсь к гегелевской философии [Goethes Werke, 1975. S. 58].

Это – признание воздействия системы Гегеля на философские представления Гёте.

Немецкая литературная классика в целом и творчество Гёте в частности глубоко повлияли на формирование мировоззрения Гегеля. Гегель всю жизнь хранил Гёте благодарность за те новые перспективы философского мышления, которые открыло ему творчество великого поэта и мыслителя. Воззрения Гёте и Гегеля на историю, природу, свободный человеческий дух и саму философию как базис продуктивной человеческой культуры во многом совпадали. Взаимоотношения Гёте и Гегеля позволяют разграничить понятия «философ» и «мыслитель» – прежде всего, в том плане, что у так называемого «профессионального» философа, наблюдается стремление к системности, а у мыслителя системность перерастает в целостность.

Но, несмотря на все различия, философские мировоззрения Гёте и Гегеля генетически происходили из одного временного и социокультурного потока. Если рассматривать философию как особую форму человеческой культуры, синтезирующую в постижении мира научный и художественный подходы, то Гёте, испытывая влияние выдающихся современников, был мыслителем, явившимся подлинным генератором многих ключевых идей немецкого идеализма, в том числе идеи свободного и продуктивного человеческого духа.

Список литературы / References

- Блох Э.** Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.
- Blokh E.** Tyubingenskoye vvedeniye v filisofiyu [Of Tübingen introduction to philosophy]. Ekaterinburg, Ural Uni. Publ., 1997. (in Russ.)
- Бур М., Иррлиц Г.** Притязание разума. Из истории немецкой классической философии и литературы. М., 1978.

- Bur M., Irrliz G.** Prityazaniya razuma. Iz istorii nemezkoï klassicheskoi filosofii i literatury [The claim of reason. From the history of German classical philosophy and literature]. Moscow, 1978. (in Russ.)
- Волков Г. Н.** Сова Минервы. М.: Молодая гвардия, 1973.
Volkov G. N. Sova Minervy [Minerva's Owl]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1973. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2001. Т. 3.
Gegel G. V. F. Leksii po istorii filosofii [Lectures on the history of philosophy]. St. Petersburg, Nauka, 2001, vol. 3. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. М.; Л., 1929. Т. 1: Энциклопедия философских наук. Ч. 1: Логика.
Hegel G. W. F. Sochineniya [Compositions]. Moscow, Leningrad, 1929, vol. I. Entsiklopediya filisofskikh nauk [Encyclopedia of philosophical Sciences], part 1: Logic. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. М., 1959. Т. 4: Феноменология духа.
Hegel G. W. F. Sochineniya [Compositions]. Moscow, 1959, vol. 4: Fenomenologiya dukha [Phenomenology of Spirit]. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. М., 1934. Т. 7: Философия права.
Hegel G. W. F. Sochineniya [Compositions]. Moscow, 1959, vol. 7: Philosophy of law. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Эстетика. М., 1971. Т. 3.
Hegel G. W. F. Estetika [Estetica]. Moscow, 1971, vol. 3. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Философия религии: В 2 т. М., 1977. Т. 2.
Hegel G. W. F. Filosofiya religii [Philosophy of religion]. In 2 vols. Moscow, 1977, vol. 2. (in Russ.)
- Гёте И. В.** Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957.
Goethe J. W. Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu [Selected Works on natural Science]. Moscow, 1957. (in Russ.)
- Гёте И. В.** Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 2: Фауст.
Goethe J. W. Sobraniye sochinenii [Collected works]. In 10 vols. Moscow, 1976, vol. 2: Faust. (in Russ.)
- Горохов П. А.** Гёте и немецкая классическая философия // Вестник ОГУ. 2002. № 8. С. 112–119.

- Gorokhov P. A.** Gete i nemezskaya klassicheskaya filosofiya [Goethe and German classical philosophy]. *Vestnik OSU*, 2002, no. 8, p. 112–119. (in Russ.)
- Горохов П. А.** Философия Иоганна Вольфганга Гёте. Екатеринбург, 2003а.
- Gorokhov P. A.** Filosofiya Johanna Wolfganga Goethe [The Philosophy of Johann Wolfgang Goethe]. Ekaterinburg, 2003. (in Russ.)
- Горохов П. А.** Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте: Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2003б.
- Gorokhov P. A.** Filosofskie osnovaniya mirovozzreniya Johanna Wolfganga Goethe [The philosophical foundations of Johann Wolfgang Goethe's worldview]. PhD Diss. in Philosophy. Ekaterinburg, 2003.
- Гулыга А. В.** Гегель. М.: Молодая гвардия, 1970.
- Gulyga A. V.** Hegel. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1970. (in Russ.)
- Гулыга А. В.** Немецкая классическая философия. 2-е изд. М., 2001.
- Gulyga A. V.** Nemetskaya klassicheskaya filosofiya [German classical philosophy]. Moscow, 2001. (in Russ.)
- Михайлов А. В.** Стилистическая гармония и классический стиль в немецкой литературе // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 287–325.
- Mikhailov A. V.** Stilisticheskaya garmoniya i klassicheskii stil' v nemetskoj literature [Stylistic harmony and classical style in German literature]. In: Mikhailov A. V. Yazyki kultury [Language of culture]. Moscow, 1997, p. 287–325. (in Russ.)
- Свасьян К. А.** Философское мировоззрение Гёте. 2-е изд. М., 2001.
- Svasiyan K. A.** Filosofskoe mirovozzrenie Gete [Goethe's philosophical worldview]. Moscow, 2001. (in Russ.)
- Эккерман И. П.** Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1986.
- Ekkerman I. P.** Razgovory s Gete v posledniye gody ego zhizni [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moscow, 1986. (in Russ.)
- Glockner H.** Hegel. Stuttgart, 1929, Bd. 1.
- Goethe.** Unterhaltungen mit dem Kanzler von Müller. München, 1950.
- Goethes Werke. Weimarer Ausgabe. IV. Weimar, 1975, Bd. 49.
- Goethes Sämtliche Werke in 40 Bänden. Berlin, 1970, Bd. 30.
- Hamm H.** Der Theoretiker Goethe. Berlin, 1975.

Helmholtz H. Handbuch der physiologischen Optik. Leipzig, 1867.

Seaver G. Albert Schweitzer. New York, 1955.

Smitz H. Goethes Altersdenken im problemgeschichtlichen Zusammenhang. Bonn, 1959.

Материал поступил в редколлегию

Received

24.06.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Оренбурге) (ул. Курача, 26, Оренбург, 460000, Россия)

Pavel A. Gorokhov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg Branch) (26 Kurach Str., Orenburg, 460000, Russian Federation)
erlitz@yandex.ru

Южанинова Екатерина Рафаэлевна, кандидат философских наук, доктор педагогических наук, доцент Оренбургского государственного университета (пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Россия)

Ekaterina R. Yuzhaninova, Candidate of Sciences (Philosophy), Doctor of Sciences (Pedagogical), Docent of Orenburg State University (13 Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation)
yuterina@yandex.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-285-296

Тема насилия в политической философии Ж.-П. Сартра

К. Н. Евдокимова

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Выявлены место и роль темы насилия в творчестве французского философа Ж.-П. Сартра. Обращено внимание на то, что зачатки темы насилия были у Сартра еще в ранних работах, а получили свое развитие в его политической философии. Показано как Сартр трактует понятие насилия, определяет его рамки, а также выделяет его положительную и отрицательную оценки. Все это приводит к некоторым затруднениям, поскольку Сартр порой говорил об одном и том же неоднозначно. В итоге такое положение дел сводилось к признанию Сартром того, что человеческую свободу всегда что-то ограничивает. Но главная наша задача заключается в следующем, а именно, в выявлении истоков темы насилия в философии Сартра. Определена степень влияния идей К. Маркса на развитие темы насилия в философии Сартра. Поскольку тема насилия в политической философии Сартра граничит с такими темами, как свобода и отчуждение, привлечен анализ усилий Сартра и по их осмыслению.

Ключевые слова

экзистенциализм, Сартр, свобода, насилие, Маркс, феномен отчуждения

Для цитирования

Евдокимова К. Н. Тема насилия в политической философии Ж.-П. Сартра // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 285–296. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-285-296

© К. Н. Евдокимова, 2019

Violence in the Political Philosophy of J.-P. Sartre

K. N. Evdokimova

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article identifies the place and role of violence in the texts of French philosopher Jean-Paul Sartre. The main task is to identify the origins of the theme of violence in the philosophy of Sartre. It is noted that the first ideas on violence appeared in earlier works of Sartre, and later they were developed in his political philosophy. It is shown how Sartre interprets the concept of violence, defines its framework, and also highlights its positive and negative evaluations. It may cause some difficulties since Sartre sometimes gave ambiguous interpretations of the same things but ultimately, he recognized that human freedom is always somehow limited. The degree of influence of K. Marx's ideas on the development of the theme of violence in the philosophy of Sartre is determined. With the topic of violence being close to such topics as freedom and alienation in the political philosophy of Sartre, an analysis of his efforts on their understanding is presented.

Keywords

existentialism, Sartre, freedom, violence, Marx, the phenomenon of alienation

For citation

Evdokimova K. N. Violence in the Political Philosophy of J.-P. Sartre. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 285–296. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-285-296

В наше время тема насилия приобрела особую актуальность. Она, как и темы свободы и отчуждения, занимает особое место в политической философии Ж.-П. Сартра. Несмотря на всю сложность и многообразие данной темы, в нашей статье мы будем говорить об осмыслении насилия только в сфере политических действий и событий в его жизни и творчестве. В труде немецко-американского философа и политолога Ханны Арендт «О насилии» (1970 г.) написано следующее:

Никто из думавших об истории и политике не может не сознавать огромную роль, которую насилие всегда играло в человеческих делах, и на первый взгляд даже

удивительно, что насилие так редко делается предметом внимания. (В последнем издании энциклопедии социальных наук «насилие» даже не заслужило отдельной статьи) [2014. С. 13].

Далее Х. Арендт утверждает, что к теме насилия почти не обращались или говорили о ней как о теме, где все достаточно понятно:

Из этого видно, насколько насилие и его произвольность принимались за данность и потому оставались в пренебрежении; никто не изучает и не ставит под вопрос то, что всем очевидно [Там же. С. 13–14].

Обращение к оценкам этой ситуации со стороны Арендт является уместным, так как большая часть ее труда относится к новому осмыслению как феномена насилия самого по себе, так и позиции французского философа и его трактовки насилия, а также к тому, как понимал насилие К. Маркс. Арендт разграничивает насилие и власть, так как, по ее словам, власть может обойтись без насилия, что близко к идеям К. Маркса. Арендт также говорит о встрече с Другим и о том, что такая встреча показывает настоящую сущность человека. И этот момент схож с идеями философии Сартра.

Обращаясь к рассмотрению феномена насилия у Сартра, мы также будем исходить из того, что нельзя не принять во внимание влияние на него идей раннего К. Маркса. В целом же в данной статье мы рассмотрим, как развивалась тема насилия в философии Сартра и какое значение придавал ей философ.

Как известно, Сартр внимательно исследовал феномен свободы. Не мог он обойти стороной и тему насилия, так как все события из его личной жизни и события, происходящие тогда в мире, стимулировали его обращение к этим темам. В контексте данной статьи мы выделяем три аспекта, которые главным образом повлияли на рассмотрение насилия Ж.-П. Сартром. А именно: 1) *личные* (насильственное призвание в армию, плен, участие в политической жизни страны – манифесты, трибуналы, поддержка студенческих волнений и т. д.); 2) *политические события* в послевоенной Франции, в которой насилие играло далеко не второстепенную роль, и 3) *сарторовское осмысление истории* (власть политических деятелей,

войны и революции, колонизация стран, геноцид и т. д.). События, которые происходили в жизни Сартра – это, по его оценке, своего рода и есть насилие, а если выразиться точнее, то политическое насилие. С одной стороны, согласно Сартру: «Политик никогда не должен воздействовать на свободу граждан, само его положение запрещает какие-либо меры такого рода, кроме “обратных”, то есть предотвращающих ограничения свободы, – воздействовать можно только на ситуации»¹. Но реально, с другой стороны, в вышеупомянутых событиях все сильнее и сильнее проявлялась роль насилия. И в целом эта ситуация не могла не стимулировать мысль Сартра. Одним из таких стимулов рассмотрения Сартром темы насилия, на наш взгляд, особенно послужили события после 1956 г. (политические волнения, испытание ядерных бомб, выраженный геноцид и пр.). Все это делает понятным, почему данная тема является предметом его внимания в последний период творчества и особый пик популярности приобретает у него при рассмотрении проблем нацизма, геноцида и колониализма.

Мы не исключаем, что тема насилия, как и тема отчуждения, зарождается в труде раннего периода его творчества, а именно в романе «Тошнота» (1938), и получает свое дальнейшее развитие в труде «Бытие и ничто» (1943), который Сартр писал в период оккупации. Ведь своего рода все ощущения главного героя романа «Тошнота» Рокантена – это не только отчуждение, но и насилие по отношению к себе. Окружающее ему чуждо, а это уже является психологическим состоянием. Вся эта ситуация эквивалентна не только отчуждению, в понимании Сартра, но и насилию. Ведь Рокантен пытается принять и подстроиться под окружающий его мир, который не нравился ему и не устраивал его, что очень похоже на насилие над собой. Что касается самого Сартра, то оккупация, нахождение в лагере для пленных в прямом и переносном смысле продемонстрировали для него значимость его личной свободы и свободы человека как такового. Вот его известные высказывания о свободе: «Это и есть то, что я выражаю словами:

¹ Жан-Поль Сартр. Размышления о еврейском вопросе. Ч. 4. URL: https://scepsis.net/library/id_1142.html (дата обращения 10.04.2019).

человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал, и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» [Сартр, 1990. С. 327] или, «Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода» [Там же]. Но этому не соответствовало все происходящее в мире. Такое положение дел очень сильно волновало французского философа.

Перечислим некоторые наиболее известные работы Сартра, которые описывают, на наш взгляд, тему насилия («Тошнота», «Бытие и ничто»): «Дневники странной войны» (сентябрь 1939 – март 1940), «Дороги свободы (Незавершенная тетралогия)» (1945–1949), «Критика диалектического разума» (1960, 1985), «Размышление о еврейском вопросе» (1944), «О геноциде (из речи на Расселовском трибунале по военным преступлениям, 1968) и др. В работах, которые мы перечислили, Сартр говорит о насилии как таковом. А именно характеризует его с политической точки (геноцид, расизм и др.) зрения и с философской (как встреча с Другим влияет на Я). Так, характеризуя ситуацию, в которой находится индивид, Сартр пишет:

Считая, что свобода может быть отсеяна, он, исходя лишь из этого, трансцендирует ее и совершает над ней насилие; занимая такую позицию, он не в состоянии постигнуть ту истину, что сама свобода создает печаль; следовательно, действовать, чтобы освободить свободу от печали, – значит действовать против свободы [2015. С. 621].

Данная цитата взята из труда «Бытие и ничто». Сартр говорит о насилии с психологической точки зрения, объясняя его влияние на ситуацию со свободой. Такое положение дел говорит о том, что Сартр оценивает насилие отрицательно. С другой стороны, если насилие во благо и помогает твоей личной свободе, то в таком случае Сартр одобряет его. Он пишет:

Но я не хочу сказать, что мы должны все время противиться применению насилия, хотя согласен, что насилие в любой форме – это падение. Но такое падение неизбежно, потому что мы существуем в мире насилия. Я согласен, что использование насилия против насилия может его увековечить. Но нельзя не согласиться и с тем, что это единственное средство его прекратить [2000. С. 320].

Как видим, у Сартра отношение к насилию неоднозначное. Ведь если бы Сартр пытался оправдать только положительную оценку насилия, то он

подорвал бы позиции себя как философа, которого отождествляли со свободой. Тем не менее, как мы видели, он, все же признал и необходимость насилия. Ее Сартр оправдывает только в строго определенных ситуациях. При этом он понимает, что тогда возникает момент нарушения свободы. Соответственно, для него актуализируется проблема соотношения таких понятий, как отчуждение и насилие.

Рассматривая тему насилия, Сартр так или иначе возвращается к размышлениям о свободе, которые были на раннем этапе его творчества (приблизительно с 1920–1929 гг. по 1940 г.). Если обратиться к труду периода 1940–1949 гг. Сартра – «Бытие и ничто» (1943), а именно к третьей главе второй его части, то особого внимания, на наш взгляд, заслуживает описание Сартром встречи человека (индивидуума) с Другим:

Я существую своим телом – таково его первое измерение бытия. Мое тело используется и познается другим – таково его второе измерение. Но поскольку *я есть для другого*, он раскрывается во мне как субъект, для которого я – объект. Речь идет здесь, собственно, как мы видели, о моем фундаментальном отношении с другим. Следовательно, я существую для себя как познанный другим, в частности, в самой моей фактичности. Я существую для себя как познанный другим в качестве тела [2015. С. 542–543].

Это все есть не что иное, как описание состояния человека, который чувствует, что его свободу нарушает что-то извне. Спецификой рассмотрения данной ситуации как синтеза выделенных здесь Сартром трех измерений бытия является его особое внимание к теме отношения Я с Другим. Данное рассмотрение Сартром именно этого отношения полезно при раскрытии значимости темы насилия во всем его творчестве.

Далее мы обратимся к цитате из нашумевшего в свое время труда Ж.-П. Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946):

Следовательно, если с точки зрения полной аутентичности я признал, что человек – это существо, у которого *существование предшествует сущности*, что он есть существо свободное, которое может при различных обстоятельствах желать лишь своей свободы, я одновременно признал, что я могу желать и другим только свободы [1990. С. 341].

Так французский философ охарактеризовал сложное соотношение существования и сущности. Но тогда в понимании Сартра возникает следующая ситуация: изначально принципиальная неопределенность человека. Ведь сначала мы существуем, а потом уже только приобретаем свою собственную сущность. Перед приобретением человеком собственной сущности, он (человек) встречает много преград и в большинстве случаев такие преграды исходят от общества. Это все опять-таки подрывает идею Сартра о том, что человек становится личностью без влияния общества. Действительно, как мы отмечали выше, внимание Сартра к теме насилия имело место в романе «Тошнота», где также зарождалось и его понимание феномена отчуждения. Тогда, как следствие, возникает следующий вопрос: равнозначны ли отчуждение и насилие для Сартра и есть ли общие истоки актуализации внимания к ним французского философа. Насилие, согласно Сартру, – это не характеристика определенных человеческих действий. Оно – подавление развития личности и препятствие усилиям ее «деланию себя самой». Вернемся теперь к различению Сартром двух оценок насилия. Это отрицательная и положительная ее оценки. Отрицательная оценка насилия у Сартра имеет место при рассмотрении того, как оно проявляется в судьбе индивида в обществе, в национализме, рабовладении и других формах. Если с отрицательной оценкой все более или менее понятно, то положительная вызывает массу вопросов. Положительная оценка, на наш взгляд, заключается в понимании Сартром оправданности насилия, которое имеет место в ситуациях, о которых он говорит в своих литературных трудах. А именно, если, например, брат идет на войну, чтобы отомстить за убитого брата и тем самым оправдать честь семьи. Это – ответ на насилие насилием. Такие ситуации, которые описывает Сартр, наглядно показывают, где заканчивается свобода и начинается насилие, и наоборот. Положительная оценка, которую Сартр выделяет в понимании насилия, граничит с этической составляющей его философии, что является достаточно сложным моментом. Ведь действительно, как считают многие, месть за себя, за кого-то или мазохизм в любви заслуживают положительной оценки. Но ведь для кого-то эти действия являются только насилием.

На описание насилия в работах Сартра, на наш взгляд, повлияли идеи К. Маркса (как и на рассмотрение Сартром феномена отчуждения). В социально-политической концепции К. Маркса особое место принадлежит феномену революций. При анализе феномена революций Маркс уделяет и особое внимание теме революционного насилия. О насилии упоминается в таких его работах, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Манифест коммунистической партии» (1848), «Капитал» (1867). Согласно Марксу, осуществить революцию – это прежде всего сломить сопротивление тех, кто делает жизнь общества хуже, и тех, кто препятствует дальнейшему развитию общества. Как отмечают многие исследователи (например: С. Платонов – настоящее имя В. Аксенов, В. Криворотов, С. Чернышев, а также А. Макарова, Н. И. Лапин и др.), в том числе и Т. И. Ойзерман в статьях, посвященных Марксу и разбору революционного насилия у немецкого философа ², там где у Маркса насилие, там и отчуждение. Согласно Марксу: «Насилие – повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым» [2019. С. 150]. Насилие у Маркса связано с отчуждением. Само отчуждение, по Марксу, реализуется как насилие. Там, где отчуждение, там и насилие. Понимание Марксом насилия – это прежде всего руководство о том, что нужно делать и как поступать во время революционных событий. Феномен насилия, в понимании Маркса, достаточно сложный. Разработка Марксом темы насилия имеет целью осмысление его роли в исторических событиях для того, чтобы определиться в том, что нужно делать, как поступать и т. д.

Выделяя основные черты и характеристики марксовой оценки насилия, ее можно соотнести с таковой в философии Сартра. Сартр, как и Маркс, понимал *вынужденность* насилия со стороны тех, кто вступал в революционную борьбу. Маркс придавал большое значение феномену насилия.

² Дискуссии. Ойзерман Т. И. К. Маркс: эволюция социологической концепции насилия. 1994. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/212/199/1217/005_Ojzerman2.pdf/; Библиотека учебной и научной литературы. Ойзерман Т. И. Учение К. Маркса и идея насильственной революции. 2004. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/oyserman_uchenie/ (дата обращения 20.04.2019).

У него власть и насилие идут рука об руку. Центральная проблема у Маркса, на наш взгляд, заключается в том, что он рассматривает роль насилия в революциях. Для Маркса революционное насилие – это способ устранения насилия в неревolutionный период общества. Насилие у Маркса – это неизбежная часть конфликта между силами революционными и оппортунистическими регресс. Полагаем, это тесно связано с понятием отчуждения. Ведь одни производят, а другие – присваивают.

Выделение основных черт и характеристик феномена насилия, на которых концентрирует внимание Маркс, помогает осмыслить специфику концепции насилия в философии Сартра. У Сартра насилие и отчуждение – это тоже характеристики человеческих отношений. И революционный контекст, на наш взгляд, там тоже есть, и это общий момент с Марксом. Наличие этого момента можно подтвердить тем, что идеи Сартра очень сильно повлияли на Франца Фанона³ – революционера, философа и психоаналитика. Да и Сартр был в какой-то степени революционером, поэтому нельзя исключать понимание им насилия как революционного. Да, Маркс глубже разбирает понятие насилия в своей системе. А Сартр, чтобы понять его истоки, идет другим путем и воспринимает насилие с психологической точки зрения, развивая вместе с темой насилия тему Другого. Такой подход был навеян политическими событиями. Вот что пишет Сартр: «Они хорошо поступят, начав читать Фанона, поскольку он ясно показывает, что это неудержимое насилие не является ни шумом и яростью, ни восстанием диких инстинктов, ни даже эффектом негодования: это человек, воссоздающий себя самого. Я думаю, мы поняли эту истину однажды, но мы забыли ее: *никакая мягкость не может стереть отметки насилия, лишь насилие само по себе может его разрушить*»⁴. «Предисловие», написанное Ж.-П. Сартром к работе Ф. Фанона, затрагивает проблемы, которые

³ The Wretched of the Earth by Frantz Fanon. URL: <http://abahlali.org/wp-content/uploads/2011/04/Frantz-Fanon-The-Wretched-of-the-Earth-1965.pdf> (дата обращения 14.04.2019).

⁴ Жан-Поль Сартр. «Предисловие» к книге Франца Фанона «Весь мир голодных и рабов». URL: http://www.juryurso.org/wp-content/uploads/2013/12/preface_sartre_fanon.pdf (дата обращения 14.04.2019).

имеют место в странах Третьего мира. В этой работе Фанон, соответственно, призывает уничтожить колониализм. Сартр также говорит при этом, что таким образом и насилие будет разрушено. Но тогда как быть с тем, что Сартр все-таки смиряется с тем, что без насилия не обойтись. И его позиция оказывается двойственной⁵. И она определяется тем, что насилие в полной форме есть сложный и совсем неоднозначный момент. Ж.-П. Сартр имел общие взгляд о насилии с Францом Фаноном, который доверил Сартру написать достаточно сильное и категоричное «Предисловие» к работе «Весь мир голодных и рабов» (1966).

Специфика подхода Ж.-П. Сартра к теме насилия заключается в том, что он ставит в центр своего внимания личность. И все происходящее в мире Сартр рассматривает с точки зрения этой самой личности (т. е. ставит себя на ее место, примеряет роли). Несомненно, Ж.-П. Сартра интересовал вопрос: можно ли насилие использовать для достижения свободы и где разумная грань данного использования? Сартр выступал против капитализма как против того, что подавляет личность. По мнению Сартра, коммунизм был единственной отдушиной для людей, ибо позволял бы им самореализоваться. Для достижения такого положения дел нужна была революция в совокупности с насилием, чтобы разобраться с капитализмом (в этом позиция Сартра опять схожа с идеями раннего Маркса). Насильственная революция или война, по мнению Сартра, необходимы, и это также роднит его с идеями К. Маркса. А отличает Маркса от Сартра то, что Маркс рассматривает истоки насилия, начиная с феодализма, а Сартр говорит о экзистенциальном и психологическом состоянии личности (обращается к своим ранним работам). Сартр выступал за то, что если насилие необходимо, то его можно применить и смело заявить об этом (например: кровавая месть – «брат за брата», насилие против фашизма и нацизма на войне и т. д.).

⁵ Quinn B. J. Sartre on Violence: a Political, Philosophical and Literary Study. Louisiana State University and Agricultural & Mechanical College (1970). URL: https://digitalcommons.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2804&context=gradschool_disstheses, (дата обращения 01.06.2019).

Рассмотрение насилия принимается Сартром с учетом тех реалий, которые появились в XX в. и о которых Маркс знать не мог, но «вынужденность» и «необходимость» насилия смог предугадать. Тема насилия в политической философии Ж.-П. Сартра занимает далеко не последнее место. Данная тема имеет проблемный характер, и при ее рассмотрении возникает масса вопросов, которых мы коснулись в этой статье. А именно: определение истоков, рамок, где начинается и где заканчивается насилие. Тема насилия у Сартра очень специфическая и характерная для его философии. Он не мог не обратить внимание на феномен насилия в силу личных и окружающих его обстоятельств. Если насилие у Маркса рука об руку стоит с понятием власти, то у Сартра – насилие граничит с экзистенциальным, психологическим и уже позднее этическим аспектами. На наш взгляд, Сартр попытался рассмотреть тему насилия со всех этих сторон. Делал он это скрупулезно, как и с предыдущими темами – свободой и отчуждением.

Список литературы / References

- Арендт Х.** О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 152 с.
- Arendt H.** O nasilii [On Violence]. Trans. from Engl. by G. M. Dashevsky. Moscow, New Publishing, 2014. (in Russ.)
- Маркс К.** Капитал. Полная квинтэссенция 3-х томов / Пер. с нем. С. Алексеева. М.: Изд-во АСТ, 2019. 352 с.
- Marx K.** Kapital. Polnaya kvintessentsiya 3-kh tomov [Capital. Full quintessence of 3 vols]. Trans. from Deutsch by S. Alekseev. Moscow, AST Publ., 2019. (in Russ.)
- Сартр Ж.-П.** Что такое литература? / Пер. с фр. Н. Полторацкой. СПб.: Алетеия, 2000. 466 с.
- Sartre J.-P.** Chto takoye literatura? [What is literature?]. Trans. from French. by N. Poltoratskaya. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2000. (in Russ.)

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Изд-во «АСТ», 2015. 928 с. (Серия: Философия – Neoclassic)

Sartre J.-P. Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii [Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology]. Trans. from French, pref., note by V. I. Kolyadko. Moscow, AST Publ., 2015. (Series: Philosophy – Neoclassic) (in Russ.)

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. Ф. Ф. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

Sartre J.-P. L'existentialisme est un humanism. In: Sumerki bogov [Twilight of the Gods]. Comp. and ed. by A. A. Yakovlev. Moscow, Politizdat Publ., 1990, p. 319–344. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Евдокимова Кристина Николаевна, аспирантка Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Kristina N. Evdokimova, Postgraduate Student, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

namnamki@mail.ru

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-297-311

К вопросу о периодизации прагматизма: неопрагматизм

А. В. Косарев

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В настоящее время существует значительное количество точек зрения на периодизацию и этапы эволюционного развития прагматизма. В современной философии и истории философии отсутствует устойчивый консенсус в отношении вопроса о том, кого из современных философов однозначно можно причислить к прагматистам и неопрагматистам, а также с какого момента можно говорить о наступлении собственно неопрагматистского этапа развития упомянутой традиции. Отсутствие единого подхода к указанному вопросу в конечном счете затрудняет понимание содержания самого прагматизма как философского направления ввиду невозможности соотнесения с ним тех или иных ключевых фигур и видных исследователей. Рассматриваются основные положения и подходы к периодизации этапов эволюции прагматизма, принятые в научной литературе, и предлагаются доводы в пользу некоторых корректировок в отношении хронологии неопрагматизма.

Ключевые слова

прагматизм, неопрагматизм, периодизация, Р. Рорти, этапы развития прагматизма, аналитическая философия

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот»)

Для цитирования

Косарев А. В. К вопросу о периодизации прагматизма: неопрагматизм // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 297–311. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-297-311

© А. В. Косарев, 2019

On Periodization of Pragmatism

A. V. Kosarev

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Currently, there are a number of positions on periodization and stages of the evolutionary development of pragmatism. In contemporary philosophy and the history of philosophy there is no stable consensus as to who of the modern philosophers can be unambiguously ranked among pragmatists and neo-pragmatists, and also, from what point can one speak of the onset of the neo-pragmatist stage of development of this tradition. The lack of a unified approach, ultimately, makes it difficult to understand the content of pragmatism itself as a philosophical position due to the impossibility of linking to it any key figures and prominent researchers. The article discusses the main provisions and approaches to the periodization of the stages of the evolution of pragmatism, adopted in the scientific literature, and offers arguments in favor of some adjustments regarding the chronology of neo-pragmatism.

Keywords

pragmatism, neo-pragmatism, periodization, R. Rorty, stages of development of pragmatism, analytic philosophy

Acknowledgements

The work is supported by the Russian Foundation for the Humanities (project no. 19-011-00437)

For citation

Kosarev A. V. On Periodization of Pragmatism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 297–311. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-297-311

Трудности с периодизацией прагматизма возникают в силу того, что указанное философское направление включает в себя множество доктрин, авторов и методологий, представителей которых не объединяет ни общий идейный лидер, ни единый концептуальный каркас, ни общая доктрина. Можно охарактеризовать прагматизм по географическому признаку как американскую философию, однако очевидно, что не ко всякой американской философии применим термин «прагматистская». Затруднения вызы-

вало даже понимание того, что такое прагматизм, поскольку «отцы-основатели», стоявшие у его истоков, понимали этот термин по-разному, и их соперничество касательно его содержания привело к изначальному разделению прагматизма на научную линию Пирса и релятивистскую линию Джеймса.

В настоящей статье мы постараемся рассмотреть точки зрения ведущих исследователей прагматизма в отношении обозначенной проблематики и дать свою оценку проблемному вопросу, связанному с интерпретацией периодизации прагматизма. При этом в данной статье мы будем говорить о прагматизме с учетом трех его этапов:

- классический прагматизм;
- аналитический прагматизм;
- неопрагматизм.

Однако у различных исследователей и авторов трудов о прагматизме имеются разногласия в интерпретации содержания вышеуказанных этапов.

Первый этап развития прагматизма – классический прагматизм – в целом всесторонне детально изучен и не вызывает принципиальных споров у исследователей в отношении его содержания и характеристики. Он представлен прежде всего эволюцией взглядов Ч. Пирса, хотя, вплоть до полного издания работ Пирса, обсуждался в публичных кругах как учение У. Джеймса и Дж. Дьюи.

Серьезные затруднения начинаются со второй стадии эволюции прагматизма, когда понятие прагматизма превращается в крайне размытое и широкое, и зачастую собирает под своей крышей буквально всех аналитических или континентальных философов, активно работавших в 50–90-х гг. XX в., от У. В. Куайна до М. Хайдеггера. Так или иначе, американская философия не могла обойти стороной вклад Дж. Дьюи в философию, и его идеи нередко звучали и обсуждались в любых дискуссиях. Поскольку, как замечает ведущий советский и российский специалист по современной американской философии Н. С. Юлина, классический прагматизм ушел

с главной сцены философии [2010. С. 488] ¹, трудно сказать, насколько он сам был «жив» в указанный период и кто из философов непосредственно относил себя к прагматистам, поскольку этого не делали открыто ни Куайн, ни Патнэм, ни даже Рорти. Вместе с тем идеи, обсуждавшиеся в этот период, возникшие в дискуссиях между аналитическими философами и в процессе их общего спора с представителями континентальной философии, внесли вклад в дальнейшее развитие прагматизма, спровоцировав на них специфический интеллектуальный отклик, который и дал основание говорить о неопрагматизме. При этом, вспоминая дистинкцию на внешнюю и внутреннюю истории в философии науки и социологии знания, мы получаем любопытный феномен: можно зафиксировать явное проявление нового философского направления, но трудно сказать, как организована его внутренняя история, кто из авторов и с какими конкретно взглядами может быть однозначно к нему причислен.

Если следовать интерпретации Н. С. Юлиной, то прагматизм представлен простой двухчастной схемой: классический прагматизм и неопрагматизм.

Однако сам неопрагматизм Н. С. Юлина делит на три стадии: раннюю, среднюю и позднюю. К ранней она фактически относит всех, кто так или иначе отзывался на наследие Дьюи или переосмысливал его [2010. С. 489–491], следующую же стадию она как раз относит к «прагматическому анализу», перечисляет имена ведущих философов-аналитиков и отмечает, что «[о]тличительной чертой их прагматического анализа является перевод философских проблем на лингвистический уровень: они стали решаться как проблемы языка» [Там же. С. 491]. Самым видным представителем аналитической ветви прагматизма был, по ее мнению, Уилард Куайн. Куайн в этом отношении фигура неоднозначная. Он много сил отдал размышлениям о работах Дьюи, но, пожалуй, на этом его прагматистские опыты заканчиваются. К третьей волне она относит Х. Патнэма, Р. Рорти

¹ Дж. Марголис более жестко характеризует этот период: «Когда “официальный” прагматизм пришел в серьезный упадок в 1940-е, не было никаких оснований верить, что это движение когда-либо вообще вернется к жизни» [Margolis, 2010. P. X].

и Р. Бернстайна. Последнего она маркирует как демократического прагматиста, подчеркивая, что его интересы инспирированы вопросами американской демократии, и не касается в принципе его работ, посвященных критическому анализу континентальной философии, а также главным прагматистским темам, среди которых понимание действия и практики, а также соотношения объективизма и релятивизма (см.: [Bernstein, 1983; 1999]). В целом она определяет неопрагматизм как «умонастроение, а не новую парадигму», не считает его подлинным философским направлением, а скорее временным социальным явлением в духе левацкого движения «шестидесятников», и общий тон ее рассуждений об этом периоде наводит на мысль, что у неопрагматизма просто нет будущего [Юлина, 2010. С. 516].

В свою очередь Дж. Марголис, которого сегодня уже со всей уверенностью можно отнести к представителям современного американского неопрагматизма [Косарев, Вольф, 2017], предлагая взгляд изнутри направления, говорит о трех фазах прагматизма. Первая – классическая, понимание же прагматизма на второй стадии он оценивает как «весьма широкое и размытое», затрудняясь определить внятно его принадлежность, кроме того, что это «исключительно американское явление», за которым стоит возрождение «гегельянской», или идеалистической, темы и которое провозглашает неотделенность любой философской области, будь то даже логика, «от контекста человеческого опыта и действия» [Марголис, 2008. С. 73–74]. О третьей фазе он говорит еще более нечетко – как о «философии после второй фазы прагматизма (т. е. переход в новый век)», позволяющей увидеть некоторые особые преимущества классической фазы самого прагматизма [Margolis, 2006. P. 7].

«The Continuum companion to pragmatism» (2011)² предлагает гораздо более развернутую схему эволюции прагматизма, чем в двух предыдущих вариантах:

² Второе издание этой книги не претерпело каких-либо существенных изменений: [The Bloomsbury companion to pragmatism, 2015].

1) начало или предыстория прагматизма (1860–1870 гг.): Р. Эмерсон, Метафизический клуб;

2) стадия дискуссий о том, что такое прагматизм, расцвет джеймсианского прагматизма, дискуссии с идеализмом (1880–1910 гг.): Ч. С. Пирс, У. Джеймс, Ф. К. С. Шиллер, Дж. Ройс;

3) социальный и политический поворот в прагматизме (1910–1940 гг.): Дж. Дьюи, Дж. Г. Мид;

4) взаимоотношения прагматизма и логического эмпиризма (аналитической философии), упадок классического прагматизма (куайновский поворот) (1950–1970 гг.): Р. Карнап, У. Куайн, Н. Гудмен, У. Селларс;

5) рассвет неопрагматизма (1980–1990 гг.): Р. Рорти и Х. Патнэм;

6) масштабное международное распространение современного прагматического учения (2000 гг.) (без указания конкретных имен. – А. К.) [The Continuum companion to pragmatism, 2011. P. 3–22] ³.

Редактор издания, С. Пилстрём, предложивший вышеприведенную хронологию, высказывает некоторую озабоченность в отношении понимания пятой, неопрагматической, стадии, поскольку в нее вынужденно включаются философы с принципиально диаметрально противоположными точками зрения, а кроме того, он выражает некоторые сомнения насчет того, можно ли включать Р. Рорти в число неопрагматистов, несмотря на то, что он обладает рядом безусловных философских добродетелей, будучи «философским героем» и т. д. [Ibid. P. 18–21].

Такое разнообразие и затруднения в оценках закономерны, поскольку в отношении прагматизма проблемным представляется отсутствие единственного идейного лидера, т. е. фактор, который обычно ложится в основу историко-философских классификаций школ и направлений. Однако проблема значительно шире, поскольку в принципе отсутствует устойчивый консенсус относительно того, кто из современных философов однозначно может быть причислен к лагерю прагматистов в целом, и к неопрагмати-

³ К слову сказать, Дж. Марголис характеризуется в этой книге как представитель прагматической эстетики, и не упоминается его выраженная приверженность релятивизму [Ibid. P. 122–123].

стам в частности, а также с какого момента можно говорить о наступлении собственно неопрагматистского этапа развития этой традиции. Фактически ни одна современная работа об этом философском направлении не обходится без упоминания имени Ричарда Рорти. И уже в нашем веке И. Д. Джохадзе решительно причисляет его к лагерю неопрагматистов вместе с Р. Бернштейном, К. Уэстом, Р. Шустерманом и Х. Патнэмом [Джохадзе, 2012. С. 109].

Н. С. Юлина также относит Р. Рорти и его дискуссанта Х. Патнэма к представителям неопрагматизма [2010. С. 486–519], тогда как Дж. Марголис относит Патнэма и Рорти к репрезентантам второй фазы развития прагматизма, более того, дискуссию между ними он понимает как элемент, специфицирующий именно указанный второй этап [Margolis, 2006. P. 5].

Если принимать во внимание вклад Р. Рорти в качестве ключевой фигуры второго этапа эволюции прагматизма в развитие прагматистской проблематики, и который, согласно оценке Дж. Марголиса, возродил прагматизм [Ibid.], то с равным успехом второй этап можно назвать как «аналитическим прагматизмом», так и «континентальным прагматизмом». Хотя деление на «аналитический» и «континентальный» уже стало хрестоматийным, мы бы предпочли вместо последнего термина использовать другой вариант: «критический прагматизм»⁴. Американские коллеги с подозрением относились к взглядам Рорти, злобно характеризуя их как ци-

⁴ Данный термин мы вводим в привязке к творчеству Р. Бернштейна, а именно, ко второму этапу его творчества, тогда как современный этап его деятельности, с 90-х гг. мы относим к неопрагматизму. Второй этап, 70–80-е гг., характеризуется общим критическим содержанием написанных в эти годы работ и пониманием места и роли прагматизма среди других, по преимуществу европейских, философских направлений. Бернштейн анализирует понятия праксиса и действия, специфические для каждого из направлений, обращается к анализу наследия Маркса, Кьеркегора, Сартра, Гадамера, Хабермаса, но, однако, в этот же период Бернштейн много рассуждает и о специфических для прагматизма вопросах практического свойства, об антифундаментализме как одной из форм релятивизма и пути его реабилитации, о его отношении к объективизму, о плюрализме, о коммуницирующем сообществе, и эти темы параллельны таковым у Рорти. Тем самым обоюдный интерес философов к заявленным темам в определенный период может быть маркирован одним термином. Подробнее эти вопросы мы намерены обсудить в отдельной статье.

ничные, нигилистические и безответственные прежде всего за интерес к континентальной философии и ее популяризацию в США, за то, что он не признавал науку привилегированной формой познания, за отказ от того, что можно создать истинную картину взглядов, отражающую мир [Райерсон, 2014. С. 428–446]. Однако совершившийся «лингвистический поворот» и последовавший за ним на рубеже веков так называемый «риторический поворот» потребовали от философов гораздо большего ухода в культуру и историю, чем это могли допустить сторонники аналитической философии и сциентизма [Margolis, 2010. Р. XI]. Рорти удалось одному из первых почувствовать этот сдвиг в мировоззренческих и интеллектуальных настроениях, что он и отразил в своей «Философии и зеркале природы» [Рорти, 1997]. Именно этот факт, на наш взгляд, обусловил возрождение прагматизма в те годы, когда аналитическая философия была еще крайне влиятельна.

По мнению Марголиса, именно Рорти придал прагматизму ту форму, в которой он существует на сегодняшний день, заложив и определив его преимущества. Марголис перечисляет специфические черты возрожденно-го прагматизма, наметившиеся в итоге дискуссии между Рорти и Патнэмом и в целом тех дискуссий, которые шли с аналитической философией; можно видеть, что многие из этих позиций инспирированы континентальной философией:

- базовые основания классического прагматизма оказались выигрышнее сциентизма, к которому тяготели аналитические философы и который резко критикуется сегодня;
- прагматизм воспринял у аналитической философии ее наилучшие стратегии, однако не утратил при этом собственного своеобразия;
- прагматизм явился практически идеальным буфером для того, чтобы сгладить резкие противоречия между англо-американским и европейским стилями философствования и наладить обмен идеями между ними;
- прагматизм развивает пост-кантианские и гегельянские интуиции, усиленные дарвинистскими концепциями, даже несмотря на то, что он прямо не оперирует терминологией указанных направлений [Margolis, 2006. Р. 5].

На наш взгляд, говорить о неопрагматизме как о субнаправлении на втором, аналитическом этапе развития прагматизма, или выделять его, как С. Пилстрём, в отдельное, четвертое направление, не приходится, поскольку собственно прагматистских фигур, сопоставимых по значимости и влиятельности с Рорти, в этот период практически нет. С нашей точки зрения, второй этап эволюции прагматизма корректнее считать временем его стагнации или, фигурально выражаясь, философского анабиоза, когда популярность этого направления настолько резко идет на спад, что дает основания для высказываний о смерти прагматизма (вспоминаем характеристику, данную этому периоду Марголисом) и полной победе аналитической философии в американском интеллектуальном пространстве. Все содискурсанты Рорти на проверку оказываются представителями либо аналитической, либо континентальной философии. Даже если они обсуждают и цитируют Дьюи, это не делает их самих прагматистами. Главные оппоненты Рорти Д. Дэвидсон и Х. Патнэм без тени сомнения квалифицируются историками философии как аналитические философы. Ситуация усугубляется тем, что и самого Рорти редко признают прагматистом. Высказав открыто свои взгляды в книге «Философия и зеркало природы» и несмотря на ее бесспорный успех, он надолго остался в философии *persona non grata*, фактически подготавливая почву, на которой спустя почти два десятилетия разовьется неопрагматизм. Кроме того, существуют работы, серьезно опровергающие прагматистскую интенцию философии Рорти [Целищева, 2016. С. 5]. Можно сказать, что Рорти «стал» неопрагматистом в силу своего признания в симпатии к релятивизму, однако довольно косвенному, судя по следующему его высказыванию: «Мы, прагматисты, никогда сами себя не называем релятивистами. Обычно мы определяем себя путем отрицания. Мы называем себя “антиплатониками”, или “антиметафизиками”, или “антифундаменталистами” (“antifoundationalists”))» [Рорти, 1997. С. 13]. Его последователи, однако, прямо заявили о том, что придерживаются релятивистской методологии, обозначили отказ от бивалентной логики и эпистемологии (см., например: [Margolis, 1991. P. ix]), и, судя по всему, Рорти снова был первым, кто осмелился открыто заявить если не

о преимуществах релятивизма, то о его безопасности и эвристическом потенциале для философии. Вторая фаза в этом отношении показательна: она мало что добавляет к основным идеям основоположников прагматизма и может быть целиком сведена к затянувшемуся спору Патнэма и Рорти (80–90-е гг.) – что и обозначил в своей классификации Пилстрём, а сам спор не выходил за пределы обсуждения реализма и релятивизма [Джохадзе, 2011. С. 175–190; Margolis, 2010].

Гораздо больше оснований говорить о последующем этапе развития прагматизма как о неопрагматизме. Неопрагматизм, который «вдруг» появляется в начале 90-х гг., масштабно заявляет о себе в философском мире, по умолчанию приняв вклад Рорти в развитие прагматистской проблематики за отправную точку нового прагматизма. Наиболее общая оценка той философии, о которой мы говорим как о третьем этапе развития прагматизма, – это «философия после Рорти».

При том, что наследие Рорти, как и Патнэма, представлено на русском языке сравнительно широко, изданы их ключевые труды – «Философия и зеркало природы» Рорти и «Философия сознания» Патнэма [Рорти, 1997; Патнэм, 1999], переведены на русский язык многие значимые статьи, издано сравнительно много работ, исследующих их творчество, неопрагматистская философия на русском языке представлена крайне слабо и практически не касается рассмотрения таких фигур, как Дж. Марголис, Р. Бернстайн, К. Р. Уэст, Р. Брэндом, работы о них единичны. Формально для российского читателя «философии после Рорти», как и предрекали его противники, попросту не существует, и ему (читателю) вынужденно приходится признать, что самого Рорти и следует считать неопрагматистом. В силу таких установок в ряде работ мы используем технический термин «новый неопрагматизм», чтобы отличать последователей Рорти от него самого, однако настаиваем, что его творчество корректнее отнести к критическому прагматизму в силу его синтетических установок в отношении континентальной и аналитической традиций.

Если обсуждать отношение американского интеллектуального сообщества к прагматизму, то определенный срез взглядов и умонастроение эпохи позволили сделать изданный в 1902 г. «Словарь философии и психологии»,

в котором были отражены основные понятия и персоналии, связанные с прагматизмом [Dictionary of Philosophy and Psychology, 1901–1905]. В современном мире аналогом такого общедоступного интеллектуального ресурса, если руководствоваться только критериями доступности и публичности, может послужить, прежде всего, «Википедия»⁵. Показательно, что в ней на русском языке на момент написания нашей статьи отсутствует статья «неопрагматизм», равно как и отдельные статьи, посвященные перечисленным выше представителям этого направления, за исключением Корнела Уэста, о котором дана краткая заметка, где он упоминается скорее как политический и социальный деятель и представитель *прагматизма*. Статья «Neopragmatism» англоязычной «Википедии» скорее отражает содержание аналитического этапа и также не упоминает приведенные выше имена, и хотя имеются статьи, посвященные отдельным вышеупомянутым философам, однако, за исключением Р. Бернстайна и К. Уэста, никто из них не отнесен в ней к неопрагматизму, более того, Дж. Марголис обозначен не как (нео)прагматист, а как релятивист (что в целом корректно).

Другим влиятельным источником, специфическим для философской области знания, является «Стенфордская философская энциклопедия» («Stanford Encyclopedia of Philosophy»), создаваемая и поддерживаемая Стэнфордским университетом (Калифорния, США)⁶. Она также не содержит статьи о неопрагматизме, а в разделе «другие прагматисты» (помимо представителей классического периода. – А. К.) обсуждаются Рорти и Патнэм, и только один, последний абзац посвящен Роберту Брэндому. В российской «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» [2009] имеется статья «Неопрагматизм», написанная Н. С. Юлиной, но она скорее

⁵ Проект «Википедия», запущенный в 2001 г., является общедоступным многоязычным универсальным справочным ресурсом, самым крупным и наиболее популярным в Интернете. Можно по-разному оценивать ее содержание, но невозможно отрицать, что на сегодняшний день она является самой полной энциклопедией, когда-либо создававшейся за всю историю человечества. Пожалуй, единственным ее минусом может служить то, что ее авторство анонимно. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 05.08.2019).

⁶ Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/index.html> (дата обращения 05.08.2019).

демонстрирует состояние аналитической философии, вовлеченной в околопрагматистские дискуссии, обсуждая концепции Д. Дэвидсона, У. Куайна, Х. Патнэма и Р. Рорти, т. е. фактически обсуждает вторую стадию развития прагматизма, нежели третью, собственно неопрагматистскую. Список такого рода словарных и информационных ресурсов, в которых недостаточно отражен третий этап развития прагматизма, можно множить. Объяснений этой ситуации может быть несколько. Либо неопрагматизм продолжает оставаться своего рода философским парией, а его представители, как и Рорти, по умолчанию приобретают статус *persona non grata*, либо возможна более доброжелательная интерпретация.

Скорее всего, проблема недостаточной освещенности неопрагматизма в справочной литературе связана не с тем, что это течение нежизнеспособно и является всего лишь философской модой. Это опровергает значительное число работ, вышедших буквально за последнее десятилетие, посвященных «прагматистскому повороту», трудов самих неопрагматистов и дискуссий вокруг них. Неопрагматизм на данный момент – живое, развивающееся направление, которое ищет себя, прощупывает пути своего развития, способы взаимодействия с философским сообществом, далеко выходя за пределы не только Америки, но и вообще западной цивилизации. Возможно, время делать какие-либо окончательные обобщения еще не наступило, но и от предварительных оценок этого течения отказываться нельзя.

Список литературы / References

Джохадзе И. Д. Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30, № 4.

Dzhokhadze I. D. Patnem vs Rorti: spor o pragmatizme i relyativizme [Patnem vs Rorti: Argument about Pragmatism and Relativism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2011, no. 4, vol. 30. (in Russ.)

Джохадзе И. Д. Прагматизм: новое вино в старых мехах? // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Отв. ред. И. И. Блауберг. М.: ИФРАН, 2012.

Dzhokhadze I. D. Pragmatizm: novoe vino v starykh mekhakh? [Pragmatism: New Wine in Old Wineskins]. In: Zapadnaya filosofiya kontsa XX – nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendentsii [Western philosophy of the end of XX – beginning of XXI c. Ideas. Problems. Trends]. Ed. by I. I. Blauberg. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2012. (in Russ.)

Косарев А. В., Вольф М. Н. Неопрагматизм Джозефа Марголиса // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). Т. 2. С. 3–16.

Kosarev A. V., Volf M. N. Neopragmatizm Dzhozefa Margolisa [Joseph Margolis's Neo-Pragmatism]. *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals], 2017, vol. 2, no. 2(32), p. 3–16. (in Russ.)

Марголис Дж. Первые прагматисты // Американская философия. Введение / Под ред. А. Т. Марсубяна, Дж. Райдера; пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2008.

Margolis J. Pervye pragmatisty [The first pragmatists]. In: Amerikanskaya filosofiya. Vvedenie [American Philosophy. Introduction]. Eds. A. T. Marsubyan, J. Raider; Trans. from English. Moscow, Ideya-Press, 2008. (in Russ.)

Патнэм Х. Философия сознания / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, О. А. Назаровой, А. Л. Никифорова; предисл. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Patnem H. Filosofiya soznaniya [Philosophy of Mind]. Trans. from Engl. by L. B. Makeeva, O. A. Nazarova, A. L. Nikiforov; predisl. L. B. Makeeva. Moscow, Dom intellektualnoi knigi Publ., 1999. (in Russ.)

Райерсон Дж. Поиск неопределенности: прагматическое паломничество Ричарда Рорти // Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: Омега Пресс, 2014.

Ryerson J. Poisk neopredelennosti: pragmaticheskoe palomnichestvo Richarda Rorti [The Search for Uncertainty: Richard Rorty's pragmatic pilgrimage]. In: Tselishchev V. V. Filosofskii perepischik: perevody i razmyshleniya [Philosophical Scribe: Translations and Thoughts]. Novosibirsk, Omega Press, 2014. (in Russ.)

- Рорти Р.** Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А. В. Рубцов; сост. А. А. Сыродеева. М.: Традиция, 1997.
- Rorti R.** Relyativizm: naidennoe i sdelannoe [Relativism: finding and making]. In: *Filosofskii pragmatizm Richarda Rorti i rossiiskii kontekst* [Philosophical pragmatism of Richard Rorty and Russian context]. Ed. by A. Rubtsov. Moscow, Traditsiya Publ., 1997. (in Russ.)
- Рорти Р.** Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск, 1997.
- Rorty R.** *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Transl. by V. V. Tselishchev. Novosibirsk, NSU Publ., 1997. (in Russ.)
- Целищева О. И.** Эволюция критического осмысления Ричардом Рорти аналитической философии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2016.
- Tselishcheva O. I.** *Evoliutsiya kriticheskogo osmysleniya Richardom Rorti analiticheskoi filosofii* [Evolution of Richard Rorty's critical thinking on analytical philosophy]. Abstract of Cand. Philos. Diss. Tomsk, 2016. (in Russ.)
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Коллектив авт.; сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. 1248 с.
- Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Comp. and ed. by I. T. Kasavina. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya Publ., 2009, 1248 p. (in Russ.)
- Юлина Н. С.** Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+; Реабилитация, 2010.
- Yulina N. S.** *Filosofskaya mysl' v SShA. XX vek* [Philosophical thought in the United States. XX century]. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya Publ., 2010. (in Russ.)
- Bernstein R.** *Beyond Objectivism and Relativism: Science, Hermeneutics, and Praxis*. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 1983.
- Bernstein R.** *Praxis and Action. Contemporary philosophies of human activity*. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 1999.

- Dictionary of Philosophy and Psychology. In 3 vols. Ed. by J. M. Baldwin. New York, Macmillan Co., p. 1901–1905.
- Margolis J.** Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective. In: A Companion to Pragmatism. Eds. J. R. Shook, J. Margolis. Maiden, Oxford, Victoria, Blackwell Publ., 2006.
- Margolis J.** Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century. Stanford, Stanford Uni. Press, 2010.
- Margolis J.** The Truth about Relativism. Oxford & Cambridge, Blackwell, 1991.
- The Bloomsbury companion to pragmatism. Ed. by Sami Pihlström. London, New Dehly, New York, Sydney, Bloomsbury Academic, 2015.
- The Continuum companion to pragmatism. Ed. by S. Pihlström. London, New York, Bloomsbury Academic, 2011.

Материал поступил в редколлегию

Received

08.08.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

- Косарев Андрей Викторович**, кандидат философских наук, старший преподаватель Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
- Andrey V. Kosarev**, Candidate of Science (Philosophy), Senior Lecturer of Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
andrkw@rambler.ru

УДК 94 (570)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-312-327

О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Урала и Сибири XVII века, опубликованных в 1960-е годы

И. Р. Соколовский

Институт истории СО РАН

Новосибирск, Россия

Аннотация

Методология истории определяет, что авторы будут писать в своих исследованиях. Она является предметом социальной философии. Однако, проанализировав ведущие работы данного периода по истории Урала и Сибири XVII в., мы пришли к выводу, что историки не занимались механическим иллюстрированием выводов социальной философии на историческом материале. В конце XIX в. В. И. Ленин с опорой на К. Маркса нарисовал схему «нового периода русской истории». В 1930-е гг. эта схема стала обязательной для отечественных историков. Однако очень быстро выяснилось, что не все ее элементы можно было обнаружить в сибирской истории XVII в. Причины могут быть связаны с отсутствием у купечества достаточной автономии, большим налоговым гнетом, возможностями извлекать выгоды из социального статуса, военными действиями. Сохраняя полную лояльность официальному тезису, в своих конкретных исследованиях ученые сибиреведы оказались большими эмпириками и предпочитали указывать на исторические факты, даже если факты противоречили официальной концепции. Кроме того, в 1960-е гг. происходит изменение ключевых формулировок схемы, в сторону признания большой сложности и вариативности исторического процесса.

Ключевые слова

историография, рынок, капитализм, идеология, Сибирь, XVII в., историки, сибиреведение

© И. Р. Соколовский, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3

Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Для цитирования

Соколовский И. Р. О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков об истории Урала и Сибири XVII века, опубликованных в 1960-е годы // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 312–327. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-312-327

About “Capital” and “Capitalism” in the Works of Soviet Historians on the History of the Urals and Siberia of the 17th Century, Published in the 1960s

I. R. Sokolovsky

*Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The methodology of history determines what the authors will write in their books. The methodology of history is a subject of social philosophy. However, after analyzing the leading works printed before 1955 on the history of the Urals and Siberia of the 17th century we came to the conclusion that historians did not mechanically illustrate the conclusions of social philosophy. At the end of the 19th century V. I. Lenin, relying on Karl Marx, drew a conception of the «new period of Russian history». In the 1930s this scheme has become mandatory for all Russian historians. However, it quickly became clear that not all of its elements could be found in the Siberian history of the 17th century. The reasons may be related to the lack of sufficient autonomy for the merchants, great tax oppression, opportunities to benefit from social status, and military operations.

Retaining full loyalty to the official position, in their concrete studies, researchers of Siberian studies turned out to be great empiricists and preferred to point out historical facts even if the facts contradicted official schemes. In addition, in the 1960s there was a change in the key formulations of the scheme, towards recognizing greater complexity and variability of the historical process.

Keywords

historiography, market, capitalism, ideology, Siberia, 17th century, historians, Siberian studies

For citation

Sokolovsky I. R. About “Capital” and “Capitalism” in the Works of Soviet Historians on the History of the Urals and Siberia of the 17th Century, Published in the 1960s. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 312–327. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-312-327

Ранняя советская историография истории Сибири и труды, написанные в 1960-е гг., нашли в свое время историографическое освещение как минимум в двух работах отечественных историков – Н. А. Миненко [Горюшкин, Миненко, 1984] и О. Н. Вилкова [1990]. Однако эти работы уже в значительной степени устарели.

В 1960-е гг. А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов отмечают, что «работы В. И. Ленина (...) являются основополагающими при изучении формирования всероссийского рынка» [1960, С. 387]. Большую роль играла цитата из работы В. И. Ленина «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» [1958а]. В книге «Развитие капитализма в России» есть важное уточнение того, как В. И. Ленин понимал рынок. Это не просто обмен товаров и услуг, а элемент формирующегося нового порядка (см.: [1958б. С. 21–22]). Для удобства читателя мы можем также представить основные звенья этой схемы в виде формулы

$$а - б - (г - д - е - ж) - в,$$

где

а – политическое единство страны;

б – усиленный торговый обмен между областями;

в – превращение его в товарный обмен;

г – появление купцов-капиталистов;

д – домашнее ремесло и мелкие ремесленники в рамках феодального строя;

е – рост общественного разделения труда;

ж – возникновение рассеянной мануфактуры или мануфактурного производства, основанного на свободном труде, и сельского хозяйства, основанного на капиталистических формах производства.

Такая позиция вполне согласуется с точкой зрения К. Маркса, у которого во втором томе «Капитала» мы можем обнаружить соответствующие замечания (см.: [Маркс, 1969. Ч. 2. С. 370–371]).

Если мы обратимся к анализу отечественной историографии Урала и Сибири, которая в 1960-е гг. серьезно прирастала как качественно, так и количественно, то мы обнаружим там, что применение этой схемы

к историческому материалу столкнулось с определенными трудностями. Многие ее ключевые элементы не прослеживались в историческом материале, и историки часто делали выбор в пользу материала. Ближе к концу нашей работы мы выскажем предположение, почему так получилось.

Важную роль в изучении торговли феодального периода сыграла монография А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова, посвященная истории торговли Великого Устюга, который был важным пунктом в рамках Северодвинского речного пути. А. Ц. Мерзон со ссылкой на В. И. Ленина отмечает, что «возникновение общенационального рынка, как непосредственное следствие достигнутого уровня развития всего народного хозяйства, стало определенным рубежом в истории нашей страны. (...) Следовательно, в экономическом развитии страны, несмотря на господство феодально-крепостнических отношений, происходили заметные сдвиги. В результате общего роста производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности (в ремесле (д), а впоследствии и в мануфактурах (ж), появляющихся в ряде отраслей), углубления общественного разделения труда (е) более широкое распространение получает товарное производство, обслуживавшее феодальное общество. На этой основе значительно окрепли по сравнению с XVI в. и приобрели всероссийский масштаб торговые связи (б), организаторами которых выступали представители купеческого капитала (г). Усиливается также процесс втягивания России в систему мирового рынка. Намного возрастает ее внешнеторговый оборот, в том числе сношения с передовыми в то время странами Западной Европы, где шло утверждение капитализма (Англия, Голландия и др.)» [Мерзон, Тихонов, 1960. С. 9]. С последним, конечно, спорить не приходится. Авторы показывают свое глубокое понимание общей схемы: «рынок появляется там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство». Развитие товарного хозяйства приводит к созданию самостоятельных отраслей промышленности, работающих на рынок и обменивающих свои изделия (е, ж) [Мерзон, Тихонов, 1960. С. 9]¹.

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

Однако эти авторы уже не столь оптимистичны, как авторы «Истории СССР» пять лет ранее. И даже в подстрочном примечании они спорят с Л. М. Мордуховичем (работа 1957 г.): «...в историко-экономической литературе недавно высказано иное мнение, с которым согласиться нельзя. Один из авторов полагает, что в XVII в. возникают буржуазные производственные отношения, на основе которых образуется “всероссийский рынок”» (с. 9).

В конце рассматриваемой монографии сделан вывод, что «в XVII в. капиталистическое производство в России еще только зарождалось, поэтому процесс складывания всероссийского рынка находился в начальной стадии развития» (с. 377), что «зародышевая форма капиталистических отношений была опутана феодальными отношениями» (с. 661). Поэтому, например, «обычно разбогатевшие ремесленники порывали с производством и переходили к торговой деятельности; покупка изделий у мастеров и продажа им сырья являлись основными формами ограбления производителей материальных благ. Овладение со стороны торгового капитала производством (**ж**) в изучаемое время *не имело места*², так как отделение разорявшихся ремесленников от средств производства *только начиналось*» (с. 492). Классическая схема организации скупщиком «рассеянной мануфактуры» не находила подтверждения на их историческом материале, зафиксирован даже переход ремесленников в торговлю.

Авторы отмечают роль казенных денег, например подрядов, особенно монополий. «Однако их собственных средств еще не всегда хватало, этим объясняется тот факт, что главной отраслью приложения торгового капитала было винокурение, где имелась возможность авансирования подряда казной» (с. 493).

Основным индикатором развития капитализма и формирования новых производственных отношений был бы рост городов, а в городах, рост специализации ремесла (**е**), однако мы можем прочесть следующее: «...усиливается, *хотя и в небольшой мере*, специализация ремесленников по изготовлению отдельных видов продукции или выполнению отдельных

² Здесь и далее курсив мой. – И. С.

производственных процессов. Поднималось значение торгового капитала как посредника между непосредственными производителями и рынком» (с. 656). Отмечается, что накопление капитала не приводило к овладению им производством. Общим тезисом, характерным для разных авторов, становится признание «развития» и «укрепления феодализма». Например, что «сложность изучения генезиса капитализма в России заключается в том, что одновременно с возникновением и развитием новой, прогрессивной в тех условиях формы производственных отношений, в стране происходило усиление крепостничества» (с. 379).

Торговля могла иметь большой размах (б). Например, «представители наиболее состоятельных слоев местного купечества, которые нажили свои капиталы главным образом на эксплуатации пушных богатств Сибири, нагружали обозы товарами, закупленными в основном за пределами Устюга. Скупку русских товаров они производили преимущественно на рынке Ярославля, отчасти на Благовещенской и Туглимской ярмарках, в Важском уезде, и в некоторых других местах» (с. 306). Но это не приводило к тем изменениям, которые предписывалось увидеть как результат первоначального накопления капитала.

В шестидесятые годы тезис об одновременном развитии «буржуазных элементов» и усилении феодальных отношений становится все более и более распространенным. В своей теоретической статье А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов прямо пишут, что «проблема складывания всероссийского рынка выдвинута и разработана В. И. Лениным» и «актуальность ее состоит в том, что она дает ключ к пониманию целой эпохи в истории нашей Родины», поскольку «в трудах В. И. Ленина намечены основные пути изучения проблемы складывания всероссийского рынка», «следуя ленинским указаниям, советские историки достигли серьезных успехов». Однако, ставя перед собой цель «подвести некоторые итоги изучения новых явлений и процессов, начинавших пробивать себе дорогу в экономике феодальной России XVII века», «авторы отнюдь не собираются провозглашать эру капитализма в XVII в., они сознают, что начальный этап складывания всероссийского рынка протекал в условиях полного господства

феодальной формации, в условиях усиления крепостнических отношений во всей социально-экономической и общественной жизни страны» [Преображенский, Тихонов 1961].

Более того, А. А. Преображенский и Ю. А. Тихонов определяют «буржуазные связи» не как «капиталистические отношения», а только как их «зародыши». С XVII в. начинается создание «буржуазных связей», в которых, с нашей точки зрения, следует видеть зародыши новых, капиталистических отношений не только в сфере обращения, но и в сфере производства [Там же].

Авторы отмечают, что не всякое богатство превращалось в капитал: «анализируя хозяйство Н. И. Романова первой половины XVII в., Е. И. Заозерская отмечает, что в отличие от некоторых крупных хозяйств второй половины столетия вотчина *была очень слабо* связана с рынком, огромные деньги боярина лежали мертвым капиталом» [Там же]. Выражение «мертвый капитал» в контексте работы, доказывающей наличие элементов капитализма в XVII в. в московском царстве, нельзя воспринимать иначе, как иронически. Как и то, что речь идет о феодальном хозяйстве, а не о капиталистах-купцах.

Про купцов говорится: «Основываясь на устюжских и сольвычегодских таможенных записях, можно сделать обобщающий вывод о наличии в первую очередь в Москве, а также в ряде других торговых центров страны значительного круга крупных купцов, которые ежегодно производили скупку пушного товара на рынках Поморья. В то же время имелось немало лиц, вкладывавших свои капиталы в рыночные сделки указанного типа только в отдельные годы». Другими словами, расширение торговых связей (б) было не таким уж и бурным.

Надо отметить, что, согласно данным А. А. Преображенского и Ю. А. Тихонова, «крупные торговые люди были преобладающей, но не единственной категорией покупателей сибирских мехов» (с. 285). Это говорит о том, что схема с купцами-капиталистами не работала даже в самых ярких моментах усиления торговых связей.

А. А. Введенский в своей монографии отмечал, что «исследование истории Строгановых есть в то же время изучение складывания всероссийского рынка и генезиса капитализма в России». Далее он пишет о XVII в. тоже как об «истоках» и «зародышах» русского капитализма, а не как о его уже сформировавшемся существовании: «С такой точки зрения изучение прошлого купеческого дома Строгановых представляет большой интерес. На примере его, вероятно, можно подойти к выяснению ряда вопросов, касающихся раскрытия “тайн” образования и укрепления русского капитализма в его далеких, зародышевых истоках XVII в. Светская, и в частности купеческая, вотчина не привлекала достаточного внимания историков, а между тем знание истории купеческой вотчины поможет, как нам кажется, понять “русский вариант” генезиса капитализма» [1962. С. 228].

А. А. Введенский пишет, что «из всех московских гостей, имевших в Вологде лавки, можно отметить только коммерсантов Юдиных как преимущественно розничных торговцев, специализировавшихся именно на мелкой торговле разнообразным товаром, имевших по городам ряд лавок, а в самой Москве, как указано выше, свыше 30 каменных лавок ~ магазинов», как об исключении, ибо правилом было «отсутствие же вообще у гостей специализации в торговле, неумение сосредоточиваться на оптовом сбыте одного рода товара», что «характеризует в сущности еще младенческое состояние русского торгового капитала, который не так давно начал складываться» (с. 257). И эта оценка противоречит утверждениям про успешное овладение капиталистами-купцами (г) быстро растущими рыночными связями.

На основе своих наблюдений автор отмечает, что «рост денежного капитала был медленным (ср. с б), страна жила *по преимуществу* самообслуживающимися мелкими крестьянскими хозяйствами (д), которые были единственно прочным фундаментом всей экономики того времени» (с. 36). Хотя он должен был бы констатировать слом (хотя бы частичный) этих отношений.

Таким образом, даже несколько приводимых здесь замечаний показывают, что автор отмечал несколько моментов: признаки весьма умеренного

роста межобластного обмена (б), отсутствие серьезных подвижек в области разделения труда (е).

В работе В. А. Александрова речь идет о соляном промысле Восточной Сибири, который должен был быть той самой точкой роста капиталистических отношений, наличие которых предполагал В. И. Ленин, но, увы, «необходимость крупных капиталовложений оказалась *все же* непосильной для первых солеваров и вскоре они “одолжали великими долгами” и попали “на правеж”» [1964. С. 249]. Схожая ситуация отмечалась им и в отношении других населенных пунктов Сибири. В. А. Александров писал о Красноярске: «...борьба с киргизскими князьями, тянувшаяся десятилетиями, удаленность от основных торговых путей (б), слабость местных промыслов (д) – все это приводило к тому, что Красноярск оставался крепостью “на краю” сибирской земли, чуждой интересам купеческого капитала (г)» (с. 277). И это было нормальным объяснением отсутствия такого признака развития рыночных отношений в отдельно взятом уезде, выразившихся в росте города.

Отдельного разбора заслуживает монография О. Н. Вилкова о торговле XVII в. Вилков цитирует текст про «новый период русской истории (примерно с XVII в.)», делая выводы, что «характерной особенностью этого периода, отличающей его от предшествующего времени, было возникновение в недрах феодального общества новых, буржуазных связей». Отмечает он и то, что «на этой основе упрочились и приняли всероссийский масштаб торговые связи (б), организаторами которых выступали представители купеческого капитала (г)». Правда, тут же он делает оговорку, что «капиталистическое производство в России в XVII в. только еще зарождалось» [1967. С. 5]. В связи с этим О. Н. Вилков перечисляет целый ряд явлений, которые трудно отнести к «элементам капитализма» (к которым, как мы показали выше, относится резкое увеличение мелкого товарного производства, переход ремесла от работы на заказ к работе на рынок, появление мануфактур с применением наемного труда; начало складывания рынка рабочей силы; увеличение скупщических операций на посаде и в деревне; образование в результате неэквивалентного обмена крупных купеческих капиталов,

переливание накопленных во внутренней и внешней торговле средств в промышленное производство): господствующую, развивающуюся вширь и вглубь феодально-крепостническую систему с ее монополией феодального земледелия, помещичье землевладение, юридическое оформление в 1649 г. крепостного права, распространение феодализма в новых районах, рост налогового обложения трудящихся, обремененность посадского населения разными государевыми службами и др. (с. 6). Его выводы совпадают с точкой зрения, получившей уже достаточное распространение: «противоречивый характер социально-экономического развития Русского государства XVII в. был обусловлен тем, что наряду с возникновением новых капиталистических отношений происходил процесс развития феодализма вширь и вглубь» [Русское государство..., 1961].

Не имея возможности разобрать все эти моменты, присутствующие в монографии О. Н. Вилкова, остановимся лишь на некоторых. Обсуждая работу В. А. Александрова о китайском торге, он констатирует: «В 1690 г. вернулись из Китая с товарами 9 агентов гостей и Гостиной сотни и 27 непривилегированных торговых, промышленных и служилых людей, в 1692 – соответственно – 23 и 41, в 1693 г. – 1 и 60 чел., а затем вторично в этом же году – 26 и 51 чел.». Из этого автор делает заключение: «По-видимому, правильнее будет говорить не о численном преобладании представителей крупного купеческого капитала в русских внешнеторговых операциях на китайском рынке, а о преобладании их по масштабам торговых операций, в частности, по стоимости ввозимых в Сибирь отдельных партий китайских товаров. Но и здесь с ними к концу XVII в. стали серьезнее конкурировать непривилегированные люди, что признает и сам автор» (с. 16). Когда О. Н. Вилков, например, делает вывод, что «относительно небольшой удельный вес привилегированного купечества в закупке пушнины на тобольском рынке (6,6–28,0 % покупателей, 4,0–32,9 % партий пушнины, 7,4–48,2 % стоимости пушнины) объясняется, по-видимому, тем, что оно, располагая значительными торговыми капиталами, предпочитало основную массу пушнины приобретать не в Тобольске, а на других рынках России» (с. 246), то получается, что благами расширения торговых связей (б) вос-

пользовались не только крупные купцы (г) и, может быть, даже не столько крупные купцы, а другие категории населения.

Издание многотомной истории Сибири фактически завершает данный этап исследования истории «феодальной» Сибири. Второй том открывался теми же теоретическими положениями, что и все остальные, рассмотренные нами работы. Авторы тома отмечали относительно исследуемых процессов, что «сложность и их внутренняя противоречивость заключались в том, что если расширение границ государства и объектов феодального грабежа осуществлялось в интересах господствующего феодального класса России, то колонизационные движения отражали попытки широких народных масс вырваться из-под ига феодального гнета (ж)» [История Сибири, 1968. С. 6]. Перечисляются те же признаки новых отношений: быстрое развитие мелкого товарного производства, появление мануфактур, развитие рыночных связей и начало формирования всероссийского рынка. Однако, когда речь заходит о фактической стороне дела, в тексте возникает множество оговорок, которые распространяются не только на период XVII в., но и на весь период вплоть до середины XIX в. как минимум (с. 382, 508, 285, 405). Авторы пишут, что «это обстоятельство, свидетельствующее об *отставании* промышленного развития Сибири, частично находит объяснение в сравнительно слабом накоплении капиталов в самой Сибири» (с. 508), т. е. опять не работает один из ключевых элементов схемы: купцы-капиталисты не стремятся вложить капиталы в производство

В произведениях, появившихся уже на излете 60-х гг., все еще отмечается то положение, что политическое единство давало людям XVII в. возможности для быстрого обогащения: «что еще изумляло: требовался сравнительно небольшой вклад капиталов в промысел и торговлю, чтобы получить такую прибыль, совершенно немыслимую во времена Даниила Наумова» [Белов, 1969. С. 73]. Но возникает вопрос, почему же возникали те противоречия, которые нашли свое отражение в процитированных выше работах?

Выдвинем предположение, что за рамками рассмотрения в схеме В. И. Ленина и К. Маркса остался момент автономности купеческого капи-

тала. В Московском же государстве, даже в дни мира фискальное давление на частный капитал было огромным. Положение еще более усугублялось в дни войн: «особого внимания заслуживает финансовая помощь Строгановых правительству в тяжелое для страны время 1608–1612 гг.», – пишет А. А. Введенский. – «Отнюдь не чуждые спекуляций и наживы на народном бедствии, они энергично поддерживали старый, феодально-крепостнический режим и его главу – царя В. И. Шуйского – своими капиталами, *вынимая часто деньги из текущего оборота*» [1962. С. 130]. Таким образом политическое единство страны (а) не обязательно сопровождалось внутри- и внешнеполитической стабильностью.

Во многом незавидное положение купечества было результатом действий по управлению страной. Это приводило к усилению фискального гнета. Например, правительство ставило свои фискальные интересы выше, чем интересы крупного капитала, что дало повод для следующего замечания: «В. А. Александров и Е. В. Чистякова правы в оценке таможенных статей 1693 г., когда говорят, что “фактически казна, заметив упадок ясачных доходов Сибири, постаралась восполнить его за счет купеческого капитала”» [Копылов, 1961. С. 366].

А. А. Введенский пишет, что «характерной чертой эпохи так называемого первоначального накопления капитала наряду с его хищническими приемами являлась постоянная и острая нуждаемость больших и маленьких дельцов-торговцев в оборотных средствах» [1962. С. 284]. Это заставляло их обращаться к казне, как к источнику искомых средств. Кроме того, конкурентами купцов и ремесленников оказывались лица, которые могли конвертировать в торговые операции свой социальный статус и близость к структурам феодальной власти, не образуя параллельную ей капиталистическую структуру.

В конце XIX в. В. И. Ленин с опорой на «Капитал» К. Маркса нарисовал схему «нового периода русской истории», когда политическое единство страны приводило к усилению межобластных связей, накоплению капитала купцами, которые вкладывали его в производство, разоряя мелкое ремесло или увеличивая его концентрацию, что приводило к созданию ма-

нуфактур, вызывавших рост городов, специализацию и капиталистическое развитие сельского хозяйства. В 1930-е гг. эта схема стала обязательной для отечественных историков.

В 1960-е гг. происходит определенный перелом, когда историография начинает еще сильнее писать об одновременном с «буржуазными связями» росте феодальных отношений. А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов, констатируя большой размах торговли, отмечают, что это не приводило к овладению капиталом производством. В статье Ю. А. Тихонова и А. А. Преображенского отмечается слабое развитие торговых связей, момент, что даже крупные феодальные хозяйства не могли обратить имеющиеся у них средства в торговый капитал. Работа О. Н. Вилкова целиком посвящена сибирской торговле, но и он, например, указав на развитие феодализма, вынужден констатировать, что кроме крупных купцов на рынке были представлены и другие игроки, наличие которых не предусматривалось ленинской схемой. Все вышеуказанные моменты так или иначе присутствуют и на страницах «Истории Сибири».

Причины, по которым развитие межобластных связей не приводило к овладению купеческим капиталом производством и развитием мануфактурного производства в XVII в., а также формированию рынка свободного труда, могут быть связаны с отсутствием у купечества достаточной автономии, большим налоговым гнетом, возможностями извлекать выгоды из социального статуса, военными действиями.

Учитывая все вышеизложенное, О. Н. Вилков писал, что «несмотря на все это, толща господствующих феодально-крепостнических отношений пробиравалась ростками новых, капиталистических отношений» [1967. С. 7].

Таким образом, картина «элементов буржуазных (капиталистических) связей», созданная в теоретических трудах В. И. Ленина в конце XIX в., который опирался на работы К. Маркса, делавшего свои выводы на анализе западно-европейского исторического материала, не могла найти своего полного подтверждения в эмпирическом материале по истории Сибири XVII в. Конечно, затронутые нами сюжеты не были достаточно четко освещены на страницах исследовательских работ, но все же следует признать: отечественные историки были весьма осторожны и предпочитали придер-

живаться фактов. Сохраняя полную лояльность официальному тезису, в своих конкретных исследованиях они сопровождали этот тезис определенными уточнениями, которые более точно отражали реальное положение дел в развитии торговли и ремесла на Урале и в Сибири XVII в., чем господствовавшие в тот период концептуальные подходы.

Список литературы / References

- Александров В. А.** Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 303 с.
- Aleksandrov V. A.** Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII v. (Eniseiskii krai) [The Russian population of Siberia in the 17th and early 18th centuries (Yenisei Region)]. Moscow, Nauka, 1964. (in Russ.)
- Белов М. И.** Мангазея. Л.: Гидрометеиздат, 1969. 128 с.
- Belov M. I.** Mangazeya [Mangazeya]. Leningrad, Gidrometeizdat, 1969. (in Russ.)
- Введенский А. А.** Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.
- Vvedensky A. A.** Dom Stroganovych v XVI–XVII vv. [House of the Stroganovs in the 16–17th centuries]. Moscow, 1962. (in Russ.)
- Вилков О. Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967.
- Vilkov O.** Remeslo i trgovlya Zapadnoi Sibiri v XVII v. [Craft and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow, Nauka, 1967. (in Russ.)
- Вилков О. Н.** Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990.
- Vilkov O.** Ocherki sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v kontse XVI – nachale XVIII v. [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th century]. Novosibirsk, Nauka, 1990. (in Russ.)
- Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.** Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- Goryushkin L. M., Minenko N. A.** Istoriografiya Sibiri dooktjabr'skogo perioda (konec XVI – nachalo XX v.). [Historiography of Siberia before the

October Period (end of the 16th – early 20th centuries)]. Novosibirsk, 1984. (in Russ.)

История Сибири. Л.: Наука. 1968. Т. 2.

Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1968, vol. 2. (in Russ.)

Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961. С. 330–370.

Kopylov A. N. Tamozhennaya politika v Sibiri v XVII v. [Customs policy in Siberia in the XVII century]. In: Russkoe gosudarstvo v XVII v. Noveye yavleniya v social'no-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni [Russian state in the 17th century. New phenomena in the socio-economic, political and cultural life]. Moscow, 1961, p. 330–370. (in Russ.)

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958а. Т. 1. 663 с.

Lenin V. I. Chto takoe «druz'ya naroda» i kak oni voyuyut protiv social-demokratov? (Otvét na stat'i «Russkogo bogatstva» protiv marksistov) [What are the «friends of the people» and how are they fighting against the Social Democrats? (Response to the articles of «Russian wealth» against the Marxists)]. In: Lenin V. I. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat, 1958, vol. 1. (in Russ.)

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958б. Т. 3. 792 с.

Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii [The development of capitalism in Russia]. In: Lenin V. I. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat, 1958, vol. 3. (in Russ.)

Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. 2. 619 с.

Marx K. Kritika politicheskoi ekonomii [Criticism of political economy]. In: Marx K., Engels F. Sochinenia [Works]. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 46, pt. 2. (in Russ.)

Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 715 с.

Merzon A. Ts., Tikhonov Yu. A. Rynok Ustjuga Velikogo v period skladyvaniya vserossijskogo rynka (XVII v.). [Market of Velykii Ustyug during the period of the formation of the All-Russian market (17th century)]. Moscow, Publ. House of the USSR Academy of Sciences. 1960, 715 p. (in Russ.)

Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) // Вопросы истории. 1961. № 4. С. 80–109.

Preobrazhensky A. A., Tikhonov Yu. A. Itogi izuchenina nachal'nogo etapa skladyvaniya vserossiiskogo rynka (XVII v.) [Results of the study of the initial stage of the folding of the All-Russian market (17th century)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1961, no. 4, p. 80–109. (in Russ.)

Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Предисловие. М., 1961.

Russkoe gosudarstvo v XVII v. Novye yavleniya v sotsialno-ekonomicheskoi, politicheskoi i kul'turnoi zhizni. Predislovie [Russian State in the XVII century. New phenomena in the socio-economic, political and cultural life. Preface]. Moscow, 1961. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

17.05.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Соколовский Иван Ростиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Ivan R. Sokolovskii, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of History SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation) sokolowski@yandex.ru

УДК 322; 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-328-335

Интеграция российского социального пространства в фокусе работы XIII Конгресса антропологов и этнологов России

Е. А. Ерохина, Е. М. Лбова, Г. С. Солодова

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Полиэтничность и поликонфессиональность Российской Федерации ставит задачи формирования Стратегии государственной национальной политики. Помимо государственных структур – Совета при Президенте РФ, Федерального агентства по делам национальностей – в этот процесс обязательно должен быть включен и научный потенциал. Совместная работа различных специалистов в области этнополитики дает концептуальные основания для грамотного решения межэтнических вопросов и интеграции социального пространства России.

Ключевые слова

интеграция, полиэтничность, поликонфессиональность, конгресс, общероссийская идентичность

Для цитирования

Ерохина Е. А., Лбова Е. М., Солодова Г. С. Интеграция российского социального пространства в фокусе работы XIII Конгресса антропологов и этнологов России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 328–335. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-328-335

© Е. А. Ерохина, Е. М. Лбова, Г. С. Солодова, 2019

Integration of the Russian Social Space in the Focus of the XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia

E. A. Erokhina, E. M. Lbova, G. S. Solodova

*Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The multi-ethnic and multi-confessional nature of the Russian Federation sets the task of forming the Strategy of the state national policy. In addition to state structures – the Presidential Council, the Federal Agency for Nationalities – the scientific potential must be included in this process. The joint work of various experts in the field of ethnopolitics provides conceptual grounds for the competent solution of interethnic issues and the integration of Russia's social space.

Keywords

integration, multi-ethnicity, multi-confessionality, congress, all-Russian identity

For citation

Erokhina E. A., Lbova E. M., Solodova G. S. Integration of the Russian Social Space in the Focus of the XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 328–335. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-328-335

2–6 июля 2019 г. в Казани проходил XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Среди организаторов Конгресса – Ассоциация антропологов и этнологов России, Правительство Республики Татарстан (РТ), Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Академия наук РТ, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ. Высокий научный авторитет организаторов Конгресса способствовал тому, что в его работе приняли участие свыше 800 российских и зарубежных ученых из 74 городов России и 20 зарубежных стран. Помимо научно-экспертного сообщества в меро-

приятии участвовали представители федеральных и региональных органов государственной власти, национальных общественных организаций и масс-медиа.

Основной площадкой проведения Конгресса стал Казанский (Приволжский) федеральный университет, являющийся старейшим университетом России и имеющий давние этнографические, археологические, востоковедческие традиции и школы. Еще в 1878 г. при Казанском Императорском университете было открыто Общество археологии, истории и этнографии, проводившее большую исследовательскую работу в регионах Поволжья, Центральной и Средней Азии.

Главная тема Конгресса – «Системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект». Несмотря на кажущуюся специфичность и узкую направленность, организаторы Конгресса сумели охватить большой спектр актуальных исторических и современных вопросов. Это хорошо проявилось в количестве и направлениях работы 10 Симпозиумов Конгресса. Чтобы не быть голословными, приведем тематику Симпозиумов: 1. Система родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект; 2. Современная антропология и этнология в теории и прикладных исследованиях; 3. История науки; 4. Религии, межрелигиозные отношения и этноконфессиональные процессы в духовном пространстве России; 5. Визуальная антропология, музейное дело; 6. Изучение семьи; гендерные исследования; 7. Политическая антропология, региональные исследования; 8. Цифровые технологии в антропологии; 9. Миграции и мигранты; 10. Измерение культурного многообразия.

Каждый из Симпозиумов включал работу в секциях. Общее число секций – 66. Среди наиболее связанных с проблематикой Института философии и права СО РАН: Идентичность и межэтнические отношения; Этноконфессиональность между патриархальностью и модерном: Коммуникативные сети и институциональные формы; Религии и межконфессиональные отношения в современной России; Государство, общество, церковь в этноконфессиональном пространстве России и стран Европы; Государственная национальная политика в России: исторический опыт

и современные процессы; Тюркские народы Евразии: специфика трансформации традиционных культур; Этносоциальные процессы Урало-Поволжья и Сибири и Этнокультурные образы регионов и мест; Региональные и локальные идентичности.

Более подробно остановимся на нескольких секциях, в работе которых авторы приняли самое непосредственное участие. Во-первых, это «Государственная национальная политика в России: исторический опыт и современные процессы». Руководителем данной секции был член Президиума Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям доктор политических наук В. Ю. Зорин. Свое выступление он посвятил концептуальным основам становления и развития государственной национальной политики в постсоветской России. Были показаны основные мегатренды российской этнополитики, даны теоретическое обоснование и анализ инноваций в реализации государственной национальной политики на федеральном и региональном уровнях. В докладе одного из авторов данной публикации (Г. С. Солодова), на основе анализа законодательных документов второй половины XIX – начала XX в., были представлены основные принципы этнокультурной и религиозной политики в дореволюционной России. Подводя итог двухдневной работы, участниками секции была отмечена целесообразность использования в этнополитике как традиционных подходов, так и инновационных методов, отвечающих современным российским реалиям.

В работе секции «Родство и свойство в предпринимательстве» приняли участие более 20 ученых из Москвы, Новосибирска, Тулы, Якутска, Салехарда и других городов. В докладах участников родство и свойство рассматривались как социальные институты общества, которые непосредственно влияют не только на воспроизводство этнических и иных социальных связей, но и формируют пространство экономической жизни. В работе секции было выделено два аспекта заявленной проблемы: исторический и современный. На примере экономической активности представителей разных этнических групп в конце XIX – первой четверти XX в. были раскрыты процессы трансформации первичных структур самоорганизации

в успешные бизнес-проекты благодаря практикам взаимопомощи, показана роль родства в преемственности ведения дела, рассмотрены способы и навыки предпринимательства: крестьянское предпринимательство, отходничество, купечество (В. В. Ефимова, М. М. Имашева, В. В. Орлов). В исследовании современных аспектов этнического предпринимательства поднимались как теоретические, так и практические проблемы исследований. Во-первых, было показано значение родства и свойства в традиционных занятиях аборигенных сообществ Севера Сибири (Е. П. Мартынова, Н. П. Москаленко, Е. С. Яптик). Во-вторых, большое значение было уделено обсуждению результатов этнических сетей кавказских и среднеазиатских диаспор (В. М. Пешкова, Е. А. Ерохина). В заключение работы секции ее руководитель д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая Н. И. Новикова предложила обсудить эвристический потенциал концепта этнической экономики, понимаемой как «экономика для бедных». Итогом дискуссии стало признание данной области исследования как весьма перспективной.

Секция «Коммуникативные механизмы русской традиции и проблема культурных идентичностей» оказалась более многочисленной и собрала около 40 участников из многих регионов России. Такая представленность обусловлена интересом к русской традиционной культуре и способами воспроизводства ее отдельных элементов в рамках современного социума. На секции были раскрыты особенности ее воспроизводства как в локальной среде крупного мегаполиса, так и отдаленных населенных пунктах в сельской местности. На примере деятельности учащейся молодежи новосибирского Академгородка, вовлеченной в движение исторической реконструкции и фольклорное движение, показана роль традиций в формировании представлений о воинском поведении (Е. А. Рублев). С другой стороны, активно обсуждались особенности функционирования медиапространства в населенных пунктах сельской местности на Тамбовщине (Е. В. Петрова и Е. Шалонская). География докладов также была чрезвычайно широка и включала обсуждение факторов воспроизводства коммуникативного пространства российско-белорусского приграничья (А. В. Гурко), локальных сообществ бурят баргузинской долины Республи-

ки Бурятия (В. В. Лыгденова) и жителей северорусской деревни (А. В. Фролова). Помимо этого обсуждались роль государства в воспроизводстве культурной идентичности и этнического многообразия, значение надэтнической солидарности в сохранении культурного многообразия (Е. Ф. Фурсова), специфика советских и постсоветских моделей межэтнической коммуникации (О. В. Кириченко). В результате научных дискуссий участниками секции был сделан вывод о сохранении конструктивного потенциала традиций в выстраивании межкультурных коммуникаций и культурных идентичностей.

В рамках секции «Идентичность и межэтнические отношения. К 150-летию со дня рождения академика В. В. Бартольда» основной упор был сделан на рассмотрение вопросов современной этнической самоидентификации и причин межэтнической напряженности в различных регионах Российской Федерации. Так, одними из основных причин ухудшения межэтнической ситуации были обозначены недовольство населения социально-экономическими условиями жизни (З. В. Анайбан) и тенденция удревления истории этносов (И. З. Герштейн). Вопросы идентичности и самоидентификации обсуждались и в теоретическом (С. К. Захария, А. К. Папцова), и в практическом аспектах (В. С. Дончак). Интересным было и рассмотрение формирования особого варианта евразийства через взаимодействие Тюркского и Русского мира на территории Западной Сибири и Северного Казахстана (М. А. Жигунова). Помимо этого уделялось внимание истории бытования отдельных народов России и ближнего зарубежья (О. В. Гальцева, Н. С. Гончаров, М. Н. Губогло, М. Ю. Донежук, П. М. Пашалы) и использованию методов когнитивных наук при изучении межэтнических отношений (Е. М. Лбова). Отдельно хочется отметить доклады, связанные с историей становления российской этнографической науки (У. К. Мусаева, М. Н. Губогло). В заключение заседания секции была отмечена важность этнографии и антропологии в решении актуальных проблем межэтнического взаимодействия и обозначена проблема будущего существования упомянутых наук.

Для участников Конгресса были проведены мастер-класс по написанию статей в зарубежные журналы и круглый стол по обсуждению очередного тома серии «Народы и культуры». Заметим, что данная серия издается с 1997 г. и включила уже 32 тома. Неизменным ответственным редактором серии является академик РАН В. А. Тишков. Новый том посвящен казахам.

Помимо профессионального общения и обсуждений научных результатов, одним из итогов работы стала Резолюция Конгресса. Среди первоочередных задач, требующих решения со стороны научного сообщества антропологов и этнологов, была выделена необходимость «включить в число приоритетных направлений и программ исследований вопросы формирования общероссийской идентичности, гражданской ответственности, гармонизации межэтнических отношений, сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей народов России».

В сборник материалов Конгресса включены публикации сотрудников нашего Института: А. М. Абрамовой, Е. А. Ерохиной, Е. М. Лбовой, Ю. В. Попкова и Г. С. Солодовой. Отрядным и подтверждающим вклад новосибирской антропологии было выдвижение Новосибирска в качестве города, претендующего на проведение следующего Конгресса. Однако окончательный выбор будет сделан Президиумом Ассамблеи.

Материал поступил в редколлегию

Received

27.07.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Elena A. Erokhina, Doctor of Sciences (Philosophical), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

leroh@mail.ru

Лбова Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Ekaterina M. Lbova, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kate.lbova@gmail.com

Солодова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Galina S. Solodova, Doctor of Sciences (Sociological), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

gsolodova@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующие:

ми способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем

статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 30 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 30 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные

документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 160 × 200 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101+378

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

**Гуманитарные и социальные исследования
в XXI веке:**

молодежный вектор

В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санжеников

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В декабре 2018 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Организаторами мероприятия выступили НГУ и ИФПР СО РАН. Очное участие в конференции приняло более 50 молодых исследователей, общее число участников превысило 100 чел.

Ключевые слова

социальные и гуманитарные исследования, научные мероприятия, Всероссийская конференция, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет

**Humanitarian and Social Research in the 21st Century:
Youth Vector****Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A.***Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation***Abstract**

In December 2018 Novosibirsk Academgorodok became the seat of the XVI All-Russian Scientific Conference of young scientists in the field of humanities and social sciences «Current problems of humanitarian and social research». The organizers of the event were NSU and IPL SB RAS. Over 50 young researchers took part in the conference, while the total number of participants was over 100 people.

Keywords

social and humanitarian research, scientific events, All-Russian conference, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University

Основной текст статьи**Список литературы / References****Сведения об авторах / Information about the Authors**

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требуются пробелы

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения 11.09.2018).

с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетея, 1999. С. 290–336.

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (in Russ.)

Григорий Чудотворец. Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.

Grigorii Chudotvoretz. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsa [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (in Russ.)

Иринеи Лионский. Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.

Irinei Lionskii. Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (in Russ.)

Hieronymus Sridonensis. Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. *Religious Studies*, 1990, vol. 26, p. 363–375.

Slusser M. Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. D. Phil. Dissertation. Oxford, 1975.

Tertulliani Opera. *Corpus Christianorum Series Latina II*. Turnholt, Brepols, 1965.

Young F. M. Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: *Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes*. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ivanov@gmail.com

ORCID 0000-0003-0738-7878